

Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского
автономного округа – Югры
«Сургутский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

Терехова Светлана Анатольевна

**РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ-НАРОДНИКИ И ИДЕЯ «НАРОДНОГО
МОНАРХИЗМА» (НА ПРИМЕРЕ «ЧИГИРИНСКОГО ЗАГОВОРА»)**

Специальность 07.00.02 Отечественная история

Диссертация

на соискание учёной степени кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук, профессор
Милевский Олег Анатольевич

Сургут – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Крестьянское движение в Чигиринском уезде в начале 1870-х гг. и революционеры-народники	
§ 1.1. Идея «народного монархизма» в предшествующей практике русского революционного движения	35
§ 1.2. Крестьянское движение в Чигиринском уезде в период с конца 1860-х до 1875 г.	65
§ 1.3. Итоги и уроки «хождения в народ» 1874 г. на Украине	97
Глава 2. «Чигиринский заговор»: от идеи до практического воплощения	
§ 2.1. Идея крестьянского восстания в деятельности кружка «южных бунтарей». Появление плана «Чигиринского заговора»	120
§ 2.2. «Чигиринский заговор» 1876–1877 гг.: события и итоги	157
§ 2.3. «Чигиринский заговор» в оценках революционеров-народников	198
Заключение	225
Список источников и литературы	230
Приложения	254

Введение

Актуальность исследования. Прошло более 20 лет со дня распада СССР, но и сегодня российское общество находится в поиске дальнейшего вектора цивилизационного развития, что невозможно без определения идеологической составляющей этого развития. При выработке подобного идеологического каркаса объективное и непредвзятое осмысление нашего исторического опыта играет важнейшую роль. Поэтому неудивительно, что политическая элита и научная общественность страны всерьез заговорили о необходимости более взвешенного подхода к наиболее сложным и болезненным проблемам отечественной истории. Одним из таких остро дискутируемых в последние десятилетия вопросов остается отношение к истории российского революционного движения вообще, и революционного народничества в частности.

В рамках обсуждения этой проблемы оказалось недостаточным просто переориентировать оценки тех или иных событий революционного прошлого на 180 градусов. Такой подход оказался совершенно контрпродуктивным, поскольку мало что давал для глубокого анализа и осмысления важных исторических событий. В этой связи уместно будет привести точку зрения В.А. Твардовской, высказанную на круглом столе в журнале «Российская история»: «Оценивать идеи и действия революционеров вековой давности, исходя из нынешнего миропонимания, значит нарушать принцип историзма».¹

Как справедливо отмечали участники этого круглого стола, сложность и многообразие российского революционного процесса показали, что на сегодняшний день перед историками может стоять только одна задача – проведение последовательного научного исследования, не допускающего «"математической" сменны плюс на минус».² Сложно не согласиться с мыслью о том, что сегодня «назрела острая необходимость в более тщательном изучении истории всего освободи-

¹ Освободительное движение в России: современный взгляд на вещи или приверженность традициям? «Круглый стол» // Отечественная история. 1999. № 1. С. 9.

² Зверев В.В. Русское народничество. Учебное пособие. М., 2009. С. 26.

тельного движения XIX в. ... Интерпретируя противоречивые исторические события прошлого, мы должны всеми силами стараться избежать скатывания к упрощенному толкованию и схематическому изображению».¹ Как тут не вспомнить слова В.Ф. Антонова, еще в 1991 г. отмечавшего, что «сегодня народничество вновь зовет строптивую науку обратить на себя внимание».²

При этом никто не призывает закрывать глаза на неприглядные страницы истории российского революционного движения. Одной из таковых остается вопрос о признании революционерами допустимости безнравственных средств для достижения высшей цели, иначе говоря, использования ими на практике знаменитой макиавеллевской формулы: «Цель оправдывает средства». В российской действительности XIX в. эта формула была реализована, в том числе, в виде революционных действий, имевших целью обманым путем поднять народные массы на восстание против власти. Эти мистификации принимали разные формы, одной из которых было обращение революционеров к глубинным пластам «народного монархизма», чтобы спровоцировать социальные низы на выступление против правящей элиты под знаменем веры в доброго «царя-батюшку».

Известно, что к «константиновской легенде» прибегали еще декабристы, но в наиболее законченном виде подобную тактику, замешанную на использовании монархических убеждений крестьян, стали применять именно революционные народники, а ее квинтэссенцией стал «Чигиринский заговор». Обращение к заявленной в работе теме делает ее актуальной и с еще одной точки зрения, а именно дает возможность на основе использования современной методологии более глубоко посмотреть на события, происходившие на Чигиринщине, теперь сквозь призму крестьянской психологии, о чем уже начали говорить современные исследователи. Так, В.Я. Мауль отмечал, что «вызывает искреннюю досаду, что в историографии исключительно редко обращалось внимание на те специфические обстоятельства, в силу которых долго и покорно сносившие административный

¹ Милевский О.А. «Народная воля» в зеркале современной российской историографии // Преподавание истории в школе. 2013. № 2. С. 73.

² Антонов В.Ф. Народничество в России: утопия или отвергнутые реальности // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 18.

произвол мирные труженики села вдруг обнаружили в себе яростную бунтарскую энергию, удивительную способность к социальной мобилизации, структурной самоорганизации и строгой конспирации».¹

Практически на всем протяжении изучения событий, связанных с обращением к идее «народного монархизма», носителей такового – простой народ – преимущественно изображали только в качестве объекта воздействия, т.е. «невежественной, темной и безликой массой» таким «коллективным бессознательным», пораженным вирусом «наивного монархизма», а потому легко манипулируемым и позволяющим авантюристам различного толка вовлечь себя в сети противогосударственных действий. Сегодняшний уровень развития исторических знаний позволяет отойти от подобных упрощенческих моделей. Для этого надо попытаться проникнуть в психологию крестьян – участников чигиринских событий, посмотреть на дело их глазами, «взять за основу их критерии» и оценки происходящего.²

Поэтому актуальность работы определяется еще и крайне слабой изученностью темы в отечественной историографии, в комплексном и специальном виде такая задача никогда не ставилась исследователями.

Степень изученности темы. История крестьянского движения в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1870-е гг. остается малоисследованной темой в отечественной исторической науке, а без выяснения природы крестьянских волнений невозможно понять весь ход дальнейших событий, приведших к «Чигиринскому заговору». Неслучайно, что и сам это заговор, подготовленный в 1876–1877 гг. группой «южных бунтарей» (Я.В. Стефанович, Л.Г. Дейч, И.В. Бохановский), относится к числу слабо разработанных в историографии сюжетов. Образование и деятельность во второй половине 1870-х гг. в Чигиринском уезде Киевской губернии подпольной организации «Тайная дружина» практически не оказывались объектом специальных научных исследований, и уж тем более никогда не пред-

¹ Мауль В.Я. Заговор от имени царя (о некоторых чертах психологии Чигиринских крестьян) // Культура, наука, образование: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 1. Нижневартовск, 2015. С. 252.

² Усенко О.Г. Новые данные о монархическом самозванчестве в России второй половины XVIII века // Мининские чтения. Нижний Новгород, 2005. С. 74–75.

принималась попытка комплексного изучения Чигиринских событий с обращением к народническому опыту использования «монархической мистификации».

Вся историография работ по изучению «Чигиринского заговора» и событий, тесно связанных с ним, по хронологическому принципу делится на несколько этапов.

Первый этап – дореволюционная историография, которую, в свою очередь, также можно разделить на несколько составляющих. К первой наиболее малочисленной и менее всего информативной группе относятся сочинения официозных историков, в частности, С.С. Татищева. В своей монографии он ограничился самой общей констатацией факта и оценки его с охранительных позиций, даже без указания имен основных участников чигиринских событий со стороны революционеров.¹

Другую группу работ дореволюционных авторов составляют труды историков либеральной ориентации. Их объединяет достаточно серьезная проработка темы, связанной с историей народничества и развития общественных движений в России во второй половине XIX в., где они рассматривают и «Чигиринское дело». При оценке позиции этих исследователей следует отметить, что в целом при вполне благожелательном отношении к народникам само «Чигиринское дело» они оценивали крайне негативно.

Так, В.Я. Богучарский, рассмотрев эту историю достаточно подробно, утверждал, будто Я.В. Стефанович «затеял дело, составляющее одну из самых темных страниц русского освободительного движения».² При этом, правда, он соглашался, что «это был единственный успешный опыт крупной организации среди крестьян, но и он был проведен при посредстве таких, увы, недостойных средств».³ Никаких попыток проанализировать тот «инструментарий», с помощью которого революционеры оказывали воздействие на народ, и уж тем более психологические установки самих крестьян В.Я. Богучарский не предпринимал, отме-

¹ Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. М.: АСТ, 2006. С. 895–896.

² Богучарский В.Я. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912. С. 253.

³ Там же, с. 256.

тив только как достоверно известное, «что некоторые из сосланных крестьян питали самые враждебные чувства к инициаторам «Тайной Дружины».¹

Более того, в его весьма информативной работе не приведено ни одного имени из крестьян-чигиринцев, кроме Ф.Д. Прядко – участника более ранних Чигиринских событий периода 1873–1875 гг. Причем В.Я. Богучарский ошибочно включает Ф.Д. Прядко в число крестьян, осужденных по «Чигиринскому заговору».² Между тем, приговор Киевской соединенной судебной палаты по делу «о волнениях среди государственных крестьян некоторых волостей Чигиринского уезда», по которому проходило 326 государственных крестьян, и был осужден Ф.Д. Прядко с товарищами по несчастью, был оглашен 17 июня 1877 г.,³ а дело «По обвинению Стефановича Я.В., Дейча Л.Г., Бохановского И.В. и других лиц в создании народнической нелегальной организации в Чигиринском уезде /«Чигиринское дело»/ слушалось в той же судебной палате с 08.06 по 10.06. 1879 г.,⁴ и по нему проходило не 74, как указывал В.Я. Богучарский, а 47 подсудимых.⁵

Схожего мнения в оценке чигиринских событий придерживались и остальные либеральные историки. Так, Л.Е. Барриве высказывался в том духе, что широкое крестьянское движение в пореформенный период могло возникнуть «в исключительных случаях при наличии острого недовольства, или же для этого приходилось пользоваться подложными царскими манифестами, прибегать ко лжи и обману», хотя и признавал, что «"чигиринское дело" произвело огромное впечатление».⁶ Такие же мысли озвучивали А.А. Корнилов⁷ и Б.Б. Глинский.⁸

¹ Богучарский В.Я. Активное народничество семидесятых годов. С. 257.

² Там же.

³ ЦДИАК Украины. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157. Л. 22об.

⁴ См. напр.: Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 гг. М., 1978. С. 316.

⁵ ЦДИАК Украины. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157. Л. 59 об–60.

⁶ Барриве Л.Е. Освободительное движение в царствование Александра Второго. Исторические очерки. М., 1909. С. 142.

⁷ Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II (1855–1881) / Исторические очерки. М., 1906. С. 218.

⁸ Глинский Б.Б. Революционный период русской истории (1861–1881 гг.). Исторические очерки. СПб., 1913. С. 124–128.

Причем последний полностью, вплоть до деталей, приводил все документы якобы от имени царя, напечатанные революционерами.¹ Но далее их публикации Б.Б. Глинский тоже не пошел и рассматривал «Чигиринское дело» только сквозь призму эволюции революционной тактики. Он отмечал, что эта история «наглядно показывает, в каком направлении, начиная с 1875 г., начинает уже работать мысль наших революционеров, эволюционируя от методов мирной пропаганды к методу решительного бунтарства и действиям напролом».² К несомненным плюсам работы Б.Б. Глинского можно отнести детальное освещение им революционного движения на юге России и влияние на его ход «Чигиринского дела».³ Однако ко следует отметить, что вслед за В.Я. Богучарским, Б.Б. Глинский и остальные историки либерального направления не обращались к обстоятельному изучению вопроса об используемых революционерами методах и способах воздействия на традиционный монархический менталитет крестьян.

В отдельную историографическую группу можно выделить работы иностранных дореволюционных авторов, рассматривавших «Чигиринский заговор». Наиболее удачным в этом отношении, несомненно, является исследование швейцарского ученого А. Туна. В книге, увидевший свет первоначально на немецком языке еще в 1883 г.⁴ и написанной в целом в русле традиций российских историков либерального направления, автор при анализе развития революционного движения в России достаточно подробно остановился на освещении «Чигиринского заговора». Причем с учетом времени написания следует признать, что он проявил очень хорошую осведомленность и весьма детально описал как события предшествующие возникновению «Чигиринского заговора», так и сам заговор. Достаточно подробно он остановился на социально-экономической подкладке чигиринских событий, связанных со спорами между крестьянами, стоявшими за подворный и душевой раздел земли. Отметил он присущую крестьянам веру в «справедливого

¹ Глинский Б.Б. Революционный период русской истории (1861–1881 гг.). Исторические очерки. С. 124–128.

² Там же, с. 120.

³ Там же, с. 265.

⁴ Троицкий Н.А. Русское революционное народничество 1870-х годов (история темы): Пособие к спецкурсу для студентов истфака. Саратов, 2003. С. 9.

царя» и их недоверие министрам и чиновникам. Именно в «этот глухой протест Яков Стефанович и внес теперь революционный элемент», – отмечал А. Тун.¹

Описывая события по созданию «Тайной дружины» и последующий провал всего дела, А. Тун подчеркнул, что «Стефанович хорошо знал, что он делал: только благодаря имени царя ему удалось подбить крестьян создать тайный союз; ему никогда не удалось бы это в качестве агента социалистического комитета».² Оценивая действия революционеров весьма негативно, А. Тун указывал, что «крестьяне были вне себя от ярости, когда перед ними раскрылась мистификация "царского комиссара", особенно они были возмущены священной клятвой, которую он сам принес».³

Весьма удачно А. Тун провел параллель между «Чигиринским делом» и мистификациями с помощью подложных манифестов 1860-х гг., а также действиями С.Г. Нечаева. В каком-то смысле можно говорить, что А. Тун первым из исследователей выдвинул тезис о такой родовой черте, присущей российскому революционному лагерю, как беспринципное манипулирование людьми под прикрытием лозунга «цель оправдывает средства». «Это средство, – писал он, – очень характерно и живо напоминает те ложные манифесты и воззвания от имени царя, которые в 1863 г. распространялись польскими эмиссарами; тут, как и там, народ мистифицируется, подобно тому, как в Нечаевском заговоре подверглись обману сами революционеры».⁴

Надо сказать, что среди книг иностранных авторов о революционном движении в России это была самой удачной и единственной, в которой освещались Чигиринские события. Другие – оказались в этом отношении менее подробными. Даже претендующая на всеохватность (от конца правления Николая I до начала правления Николая II. – С.Т.) книга К. Циллиакуса никак не затронула Чигиринские события.⁵

¹ Тун А. История революционного движения в России. Пг., 1917. С. 120.

² Там же, с. 122.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Циллиакус К. Возникновение и развитие революционного движения в России. СПб., 1906.

В особую группу можно выделить работы авторов революционно-демократической направленности, занимающие своеобразное промежуточное положение между исследовательскими работами и опубликованными источниками. К сочинениям подобного типа, принадлежащим перу непосредственных свидетелей событий, можно отнести очерки С.М. Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия» и статьи Г.В. Плеханова. Книга С.М. Степняка-Кравчинского носила ярко выраженный публицистический характер, к тому же была написана для западного читателя (первоначально она увидела свет на итальянском языке. – С.Т.).¹ Причем, как установила исследовательница Е.А. Таратута, свои «революционные профили» С.М. Степняк-Кравчинский начал писать именно с Я.В. Стефановича, который тогда вступил в ряды «Народной воли», только отбыл в Россию, и поэтому, естественно, в этом очерке нельзя было раскрывать какой-то еще неизвестной русской полиции информации.

Очерк о Я.В. Стефановиче сообщал европейской публике все, что давно уже было известно в России. Сам С.М. Кравчинский в письме своей супруге Фанни отмечал, что «я его только характеристику – «портрет» нарисовал без всякой биографии».² Поэтому-то представляется вполне возможным отнести работу С.М. Степняка-Кравчинского именно в этот раздел. В оценке его книги нельзя не согласиться с мнением Н.А. Троицкого, что это «произведение, выдающееся по информативности, психологизму и художественной выразительности. Особенно впечатляют в ней т.н. "революционные профили"».³ Л.Г. Дейч, который лично знал каждого из изображенных в «профилях», свидетельствовал, что они у С.М. Кравчинского «как живые».⁴

В оценке «Чигиринских событий» С.М. Кравчинский придерживался позиции характерной тогда для большинства народников – порицал метод «революционной мистификации», используемый Я.В. Стефановичем, но при этом превозно-

¹ Таратута Е.А. Подпольная Россия. Судьба книги С.М. Степняка-Кравчинского. М., 1967. С. 47, 62.

² Там же, с. 47–48.

³ Троицкий Н.А. Русское революционное народничество 1870-х годов (история темы): Пособие к спецкурсу для студентов истфака. Саратов, 2003. С. 12.

⁴ Дейч Л.Г. С.М. Кравчинский. Пг., 1919. С. 41.

сил его организаторские и личные достоинства. Вообще этот очерк интересен в первую очередь именно с точки зрения оценки личности Я.В. Стефановича и выяснения его роли и мотивов деятельности в Чигиринском деле.¹

Что касается нескольких статей Г.В. Плеханова, затрагивающих «Чигиринский заговор», то с учетом того, что это были статьи, носившие оценочные суждения, а не просто воспоминания, их также вполне правомочно отнести к этой группе. В них Г.В. Плеханов давал негативную оценку «Чигиринским событиям».² Его статьи, посвященные данной проблематике, в первую очередь интересны характеристикой отношения революционеров-землеольцев к этому делу и тех дискуссий в народнической среде, которые оно вызвало.³

Второй этап историографии, посвященной изучению «Чигиринского дела», берет начало после Октября 1917 г. Зарождающаяся на базе марксистского подхода советская историография в контексте общего изучения народнического этапа революционного движения, так или иначе, обращалась и к его истории. Особенно активно такие попытки предпринимались исследователями до середины 1930-х гг., когда, с одной стороны, живы были некоторые представители революционного движения, напрямую связанные с осуществлением «Чигиринского дела», например, Л.Г. Дейч. С другой стороны, молодая советская историческая наука активно занималась изучением революционной теории и практики и делала это довольно свободно в рамках оживленных исторических дискуссий.

Вообще следует признать, что именно с середины 1920-х до начала 1930-х гг. изучение различных течений российского революционного движения через публикацию огромного массива источников и появления работ, написанных как представителями «старого народничества», так и в марксистском ключе, шло очень плодотворно.

¹ Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. Подпольная Россия // Собр. соч.: в 2 т. Т.1. М., 1987. С. 370–371.

² Плеханов Г.В. Предисловие к русскому изданию А. Туна «История революционного движения в России» // Собр. соч. Т. XXIV. , 1927. С. 122–124.

³ См. подр.: Плеханов Г.В. Г-жа Брешковская и Чигиринское дело // Собр. соч. Т. XII. М.–Л., 1923. С. 351–357.

Так, уже в 1919 г. историк Т.А. Богданович дал оценку «Чигиринского дела» глазами крестьян. Отмечая их приверженность вере в «доброе царя», он писал: «Крестьяне долго не хотели верить, что все затеянное Стефановичем дело было мистификацией, они ведали в аресте происки враждебных им чиновников и ожидали, что царь прикажет, в конце концов, освободить их. Зато, когда они, наконец, поняли, что были введены в обман, они почувствовали величайшую ненависть к Стефановичу..., его предприятие не только не удалось, но дало самый определенный результат, внушив крестьянам... чрезвычайное недоверие к господам, явившимся к ним якобы с желанием им блага. Они еще более утвердились в убеждении, что господа могут быть только врагами народа, какие бы хорошие слова они не говорили».¹ Собственно, Т.А. Богданович не добавил ничего нового к той оценке событий, которую ранее давали дореволюционные либеральные историки.

С народнических позиций в оценке «Чигиринского дела» выступал его непосредственный участник Л.Г. Дейч. В своей брошюре, выпущенной Харьковским отделением «Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев» на украинском языке, он пересказывал основную канву событий и давал оценку этого мероприятия с сугубо народнических позиций.²

Что касается работ историков-марксистов, то следует признать, что «Чигиринское дело» в чистом виде их мало интересовало. Если они его и касались, то только в контексте иллюстрации ошибочности народнической теории «о социалистических инстинктах русского мужика». В частности, подобного подхода придерживался Н.А. Рожков.³ В это же время усилиями историков в научном обиходе закреплялся взгляд о «наивном монархизме крестьян», выводимый из работ В.И. Ленина.⁴

¹ Богданович Т.А. «Хождение в народ». Пг., 1919. С. 49.

² Дейч Л.Г. Чигиринська справа. Харків., 1929.

³ Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. М.- Л., 1928. Т. 7. С. 179–181.

⁴ См. напр.: Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции // Полн. собр. соч. Изд. 5. М., 1967–1981. Т. 16. С. 193–413; Он же. Новая аграрная политика // Полн. собр. соч. Изд. 5. М., 1967–1981. Т. 16. С. 422–426.

Наиболее весомый вклад в отношении ставки народников-бунтарей на создание «народно-революционных организаций» и в оценку собственно «Чигиринского дела» принадлежал М.Н. Покровскому. Применяя марксистские лекала к характеристике народнического «бунтарства», он указывал, что «бунтари бредили примерами Разина и Пугачева, даже направлялись нарочно в места, где разразилась разинщина и пугачевщина, но... бунтари не сделали ни одной попытки направить движение против какого-нибудь определенного врага. Они все ждали «стихийного» движения», а народу «нужен ясный отчетливый, хорошо понимаемый им лозунг». ¹ Далее М.Н. Покровский с позиций экономической детерминированности марксизма указывал, что «на самом деле, теперь даже пугачевщина не сумела бы раскачать крестьян, потому что положение крестьянства в эти годы не ухудшилось, а напротив улучшилось». ²

В отношении собственно чигиринских событий интересна его трактовка их предыстории, связанная с оценкой социально-экономической ситуации, сложившейся в этом уезде. Интересна она именно тем, что он первым четко сформулировал общий тренд, в котором потом будет развиваться вся дальнейшая советская историография в интерпретации причин аграрных беспорядков в Чигиринщине. М.Н. Покровский с марксистских позиций объяснял эти беспорядки столкновением интересов зажиточных крестьян – сторонников подворного участкового землевладения и бедных крестьян-душевиков, и отмечал, что тема этого спора среди крестьян «была необыкновенно близка нашему времени». ³

В оценке самого «Чигиринского заговора» М.Н. Покровский оказался не слишком многословным. Вкратце описав его, он отметил только, что эта «единственная попытка массового крестьянского движения, которую удалось вызвать революционерам-народникам 70-х годов, кончилась хуже, чем просто неудачей». ⁴

¹ Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке / Избранные произведения. Кн. 3. М., 1967. С. 180.

² Там же.

³ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен / Избранные произведения. Кн. 2. М., 1965. С. 454.

⁴ Там же, с. 455.

По его мнению, главным образом это объяснялось тем, что крестьянам на Чигиринщине был чужд социализм.¹

Собственно остальные представители марксистской исторической школы приняли подходы М.Н. Покровского применительно к оценкам «Чигиринского дела» и дальше не шли. Даже в объемной и достаточно фактографичной работе В.И. Невского об этом событии только упоминается,² а упор делается на анализе идей Я.В. Стефановича, в частности, его работы «Наши задачи на селе».³

Во многом под влиянием оценок В.И. Ленина и М.Н. Покровского действовали создатели сборника документов по истории крестьянского движения на Чигиринщине.⁴ Во вступительной статье ее автор О.С. Сенченко рассматривал и анализировал крестьянское движение в этом регионе с точки зрения все той же марксистской парадигмы. Он прямо писал, что «в представленных материалах видим и такое: крестьяне выступают не только против "господ-чиновников", против помещиков, попов, но и против своих же сельских хозяев, кулацкой верхушки».⁵

К сожалению, для советской историографии, поступательное изучение истории народничества в середине 1930-х гг. было прервано. «Точкой невозврата» можно считать 1935 г. Именно в этом году в период разгула репрессий после убийства С.М. Кирова И.В. Сталин произнес знаменитую фразу: «Если мы на народовольцах будем воспитывать наших людей, то воспитаем террористов».⁶ В том же году было распущено Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев и закрыт его печатный орган – журнал «Каторга и ссылка».

Третий этап развития историографии берет начало в конце 1950-х – начале 1960-х гг. В этот период времени «сталинское табу» на народническую тему было

¹ Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке / Избранные произведения. Кн. 3. М., 1967. С. 151.

² Невский В.И. От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда». М., 1930. С. 91.

³ Там же, с. 217.

⁴ Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). Харків, 1934.

⁵ Сенченко О.С. Чигиринські події 1870-х років // Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). Харків, 1934. С. 6.

⁶ История и историки. Историография истории СССР. М., 1965. С. 257.

снято, и исследователи постепенно вернулись к изучению дискуссионных проблем истории народничества. Первым в постсталинский период развития историографии упомянувшим о «Чигиринском деле» был историк Ш.М. Левин. В своем обобщающем труде он посвятил ему несколько осторожных строк. В частности, он указал на готовность «части народников к использованию опасных и принципиально недопустимых приемов».¹ Он писал о попытке Я.В. Стефановича построить все предприятие «на наивной вере крестьян»,² но при этом избегал любого упоминания об их «народном монархизме», зиждившемся на вере в абсолютную царскую справедливость.

Примерно в это же время появляется фундаментальная работа Д.П. Пойда, посвященная изучению крестьянского движения на Правобережной Украине в пореформенный период.³ На основе широкого круга материалов из архивов УССР и РСФСР он смог воссоздать панораму протестного аграрного движения на правобережной Украине, где большое внимание уделил событиям в Чигиринском уезде, причем серьезно исследовал и первое «Чигиринское дело» начала 1870-х гг.⁴

Естественно для того времени, что работа была выполнена в классической марксистской методологии. Это сквозило, например, в оценке действий крестьян – «царистская идеология крестьянства, как и разрозненность, стихийность и локальность крестьянских волнений... была следствием низкой политической сознательности крестьянства. Однако в тех условиях царистская идеология – лишь оболочка объективно-боевого демократизма крестьянства, боровшегося за ликвидацию остатков крепостничества в деревне революционным путем».⁵

При всей ограниченности классового подхода при изучении протестной активности крестьянства следует признать, что эта работа своим погружением в ранее неизвестные обстоятельства аграрных беспорядков многое давала, особенно в информационном плане, последующим исследователям этой темы. Что касается

¹ Левин Ш.М. Общественное движение в России в 60–70-е гг. XIX в. М., 1958. С. 388.

² Там же, с. 390.

³ Пойда Д.П. Крестьянское движение на правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). Днепропетровск, 1960.

⁴ Там же, с. 199–217.

⁵ Там же, с. 219.

изучения «Чигиринского заговора», то следует отметить, что Д.П. Пойда не просто вслед за предшественниками описал ход событий, но и ввел в оборот новые источники. В частности, при исследовании архивных материалов он первым обратил серьезное внимание на непосредственное участие местных священников в разоблачении действий революционеров.¹

Рассматривая «Чигиринский заговор», исследователь в традиционной для историков-марксистов манере отмечал, что «прием, который применила группа Я. Стефановича в чигиринских событиях, характеризует в какой-то мере политическую незрелость многих представителей народнического движения. Но, несмотря на это, события происшедшие в 70-х годах XIX века в Чигиринском и некоторых других уездах, объективно имели огромное воспитательное значение, способствуя росту политического сознания крестьянства».²

В целом этот посыл Д.П. Пойды стал доминирующим для других украинских историков, в том или ином виде его в своих работах повторяли М.П. Рудько³ и М.Н. Лещенко.⁴ Что касается других исследований этого периода, направленных на изучение крестьянских движений, то в них события на Чигиринщине рассматривались как типовое явление в ряду массовых крестьянских движений пореформенной эпохи.⁵

Нельзя сказать, что дальнейшее развитие народнической тематики прибавило что-то принципиально новое в историю «Чигиринского дела». Оно так и не стало предметом специального изучения советских историков, предпочитавших обходить его стороной и ограничивавшихся в лучшем случае общей констатацией фактов, либо рассмотрением этого события, как элемента в повороте части народников к политической борьбе. Такую точку зрения высказал в своей работе М.Г.

¹ Пойда Д.П. Крестьянское движение на правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). С. 213, 225.

² Там же, с. 230.

³ Рудько М.П. Революційні народники на Україні (70-ті роки XIX ст.). Киев, 1973. С. 133.

⁴ Лещенко М.Н. Класова боротьба в українському селі в епоху домоноплістичного капіталізму (60–90 рр. XIX ст.). Киев, 1970. С. 197–198.

⁵ См. напр.: Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 288–291; Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С. 206–210 и др.

Седов.¹ В подобном же ключе рассматривала «Чигиринское дело» В.А. Твардовская, отмечавшая, что оно продемонстрировало всю бесперспективность работы в деревне и выдвинуло на повестку дня необходимость политической борьбы за демократические свободы.²

Даже в перестроечный и постперестроечный период диапазон подходов к изучению «Чигиринского дела» не слишком изменился. Его по-прежнему рассматривали как доказательство нереволюционности крестьянских масс, а отсюда делался вывод, что в сложившихся исторических условиях в народе оставалось возможным «только авторитарное движение».³

В 1992 г. появилось исследование И.Л. Кислицыной, в котором немалое место отводилось истории «Чигиринского заговора».⁴ Работа была выполнена в традиционном для советской историографии ключе под сильным влиянием работ Д.П. Пойды и других представителей марксистского направления 1960-х гг. Отсюда и сходный спектр оценок чигиринских событий, в частности, указание на то, что «создание «бунтарями» тайной крестьянской организации оказало революционизирующее воздействие на крестьян Чигиринского уезда»,⁵ и что «Чигиринское дело» «способствовало усилению боевого характера народничества»,⁶ а его значение состояло в том «что оно способствовало переходу к новому движению, борьбе за политическую свободу».⁷

В начале XXI в. увидело свет обобщающее исследование крупнейшего из числа историков марксистского направления специалиста по изучению революционного народничества Н.А. Троицкого. В нем содержалась своеобразная квинт-эссенция оценки «Чигиринского дела» в советской историографии. «Чигиринское дело, – писал Н.А. Троицкий, – осталось беспрецедентным в практике народни-

¹ Седов М.Г. Героический период революционного народничества (Из истории политической борьбы). М., 1966. С. 76.

² Твардовская В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1969. С. 36–37.

³ Пирумова Н.В. Социальная доктрина М.А. Бакунина. М., 1990. С. 251.

⁴ Кислицына И.Л. Бакунизм на юге России (70-е гг. XIX века). Владивосток, 1992. С. 135–161.

⁵ Там же, с. 155.

⁶ Там же, с. 159.

⁷ Там же, с. 161.

ков, но не случайным эпизодом. Оно отразило в уродливой форме (как ранее нечаевщина – по отношению к самим народникам) революционный порыв народников по отношению к крестьянству. Непокоримо веруя в революционность крестьянских масс и не осязая ее, народники ради того, чтобы поднять крестьянство на выступление, готовы были эксплуатировать существующее крестьянское мировоззрение, наивную веру крестьян в царя. К чести народников, они в большинстве своем отвергли чигиринщину, как и в свое время нечаевщину, и сберегли нравственную основу русского освободительного движения».¹

В целом резюмируя общий вклад советской историографии в изучении этой темы, необходимо отметить следующее. Во-первых, в ней познавательный акцент смещался в сторону группы революционеров (Я.В. Стефанович, Л.Г. Дейч, И.В. Бохановский), с помощью подложных царских грамот попытавшихся разбудить стихию народного бунта.

Во-вторых, в компаративном плане было обстоятельно изучено хозяйственное положение бывших государственных крестьян юго-западной окраины Российской империи и проанализирована степень обоснованности их стремления силой добиваться земельного передела. Благодаря совместным усилиям дореволюционных и советских историков в целом им удалось в основных чертах реконструировать последовательный ряд произошедших на Чигиринщине событий.

Однако и те, и другие историки не обращали должного внимания на социокультурную подоплеку произошедших в Чигиринском уезде событий, и уж тем более никто не задавался задачей посмотреть на них через призму крестьянской психологии.

Сегодняшний уровень научных представлений позволил историкам пойти дальше уже имеющихся весьма схематичных «объясняющих» моделей. Появилось несколько работ, в которых современные исследователи попытались по-иному посмотреть на Чигиринское дело. Своеобразной работой переходного типа можно считать статью Ю.А. Пелевина. В ней в рамках ранее сложившихся представлений достаточно много места посвящено анализу деятельности «южных

¹ Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. Саратов, 2002. С. 203.

бунтарей» и описанию фактической канвы «Чигиринского дела». Однако при оценке произошедших на Чигиринщине событий он обратил внимание, в том числе и на то, что в этом деле «наглядно проявился монархизм и религиозность, а не революционизм и социалистичность пореформенной деревни».¹

В ином методологическом ключе написаны работы историка В.Я. Мауля. В некоторых из них он использовал методологию микроистории, направленной на изучение судьбы «маленького человека» волею обстоятельств втянутого в орбиту макроисторических процессов.² Но еще более важной с методологической точки зрения явилась его работа, посвященная, как раз рассмотрению «Чигиринского дела» сквозь призму анализа крестьянской психологии.³ Однако пока это только первые попытки по-иному посмотреть на данную проблему.

Отдельно можно выделить работы иностранных авторов, в которых, так или иначе упоминались события, связанные с «Чигиринским делом». Надо сразу отметить, что специально этот вопрос в западной историографии не рассматривался. Однако в контексте общего изучения революционно-народнического движения 1870-х начала 1880-х гг., которое, по справедливому утверждению М.Д. Карпачева, стало «одной из центральных тем в англо-американском ... россиеведении»,⁴ обращение к истории «Чигиринского заговора» имело место.

Среди иностранных историков, использовавших данный сюжет, можно выделить А. Улама. В фундаментальной монографии «Большевики»,⁵ в главе, посвященной истории народничества, он использовал «Чигиринское дело» как пример, по его мнению, полностью объясняющий «все ошибки и вытекающие из них

¹ Пелевин Ю.А. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // Российская история. 2014. № 1. С. 150.

² Мауль В.Я. Ложное эхо «Чигиринского заговора» в судьбе обер-кондуктора Чайковского // Новый исторический вестник. 2014. № 4 (42). С. 114–126; Он же. Волнения крестьян Чигиринского уезда Киевской губернии в 1870-е гг. (по материалам Государственного архива Российской Федерации) // Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 16–17 октября 2015 г.). Ростов-на-Дону, 2015. С. 123–128.

³ Мауль В.Я. Заговор от имени царя (о некоторых чертах психологии Чигиринских крестьян) // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 1. Нижневартовск, 2015. С. 251–254.

⁴ Карпачев М.Д. Истоки российской революции: легенды и реальность. М., 1990. С. 154.

⁵ Улам А.Б. Большевики. Причины и последствия переворота 1917 года. М., 2004.

следствия «хождения в народ».¹ Рассматривая сам заговор, он указывал, что «это было не что иное, как рискованная авантюра в духе прежних восстаний, когда во главе восставших вставал самозванец, действовавший от имени императора или утверждавшего, что и есть император».²

Давая оценку природе и последствиям «Чигиринского дела», А. Улам выдвигал тезис о том, что «Чигиринский заговор» «продемонстрировал тупик, в который зашло народничество. Иллюзией оказалось предположение об огромном запасе революционных и социалистических чувств, хранящемся в крестьянской среде».³

К Чигиринским событиям обращался и С.Х. Барон. При написании биографии Г.В. Плеханова он использовал эти факты в традиционном для тогдашней (книга вышла в 1963 г. – С.Т.) англо-американской историографии ключе – в качестве иллюстрации «безнадежности народнического дела в то время».⁴

Из работ, появившихся в последние годы, наибольший интерес вызывает статья американского историка Д. Филда. В ней он апеллирует к опыту «Чигиринского заговора» как раз в плане исследования проявлений «народного монархизма» и протестной психологии крестьян.⁵ Выходят и работы, изобилующие откровенными фактическими ошибками и историческими неточностями. Как пример можно привести работу Д. Бовуа. В ней, обращаясь, например, к волнениям чигиринских крестьян в начале 1870-х гг., автор ошибочно указывает в качестве зачинщиков «двух народников И. Фролова и Я.В. Стефановича», которые к тому же «устраивали тайные собрания у крестьянина Прятки».⁶ Весьма спорным является утверждение автора о том, что деятельность Я.В. Стефановича, Л.Г. Дейча и

¹ Улам А.Б. Большевики. Причины и последствия переворота 1917 года. С. 75.

² Там же, с. 76.

³ Там же.

⁴ Барон С.Х. Г.В. Плеханов – основоположник русского марксизма. СПб., 1998. С. 56.

⁵ Филд Д. Размышления о наивном монархизме в России от эпохи Пугачева до революции 1905 г. // Экономическая история. Обозрение. Вып. 8. М., 2002. С. 110–115.

⁶ Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914 гг.). М., 2011. С. 646.

И.В. Бохановского «оказала сильное влияние на бывших крепостных всего Юго-Западного края».¹

К сожалению, следует признать, что в современной Украине тематика, связанная с деятельностью революционных народников, в том числе и на чигиринщине, сегодня не в чести. Украинские историки предпочитают воспевать героическое прошлое Чигирина, как колыбели украинской нации,² игнорируя все, что с этим прямо не связано.

Таким образом, проведенный историографический анализ ясно показывает, что до сих пор нет ни одной комплексной работы, в которой предпринималась бы попытка осветить ход Чигиринских событий под другим углом зрения – с точки зрения изучения природы «монархической мистификации», использованной революционерами-народниками для воздействия на крестьянскую психологию, с целью вызвать широкое крестьянское движение. Кроме того, чигиринские события представляют особый интерес для понимания природы народного недовольства и механизмов его детерминации в условиях пореформенной России.

Исходя из проведенного анализа литературы по данной теме, **объектом исследования** является деятельность революционеров-народников в крестьянской среде по созданию народно-боевых организаций, с целью подготовки открытого выступления против существующего в России социального строя.

Предметом исследования является практика революционеров-народников по использованию идеи «народного монархизма» на примере «Чигиринского заговора».

Цель настоящего исследования заключается в комплексном изучении событий «Чигиринского заговора» от выявления настроений и психологических установок крестьян в ходе аграрных беспорядков в Чигиринском уезде Киевской губернии на протяжении 1870-х гг. до использования революционерами-народниками крестьянского недовольства в своих целях с помощью монархиче-

¹ Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914 гг.). С. 646.

² См. напр.: Мицик Ю.А. Чигирин – гетьманска столиця. Киев, 2007.

ской мистификации, построенной на традиционно присущем крестьянам «народном монархизме».

Достижение цели предполагает решение ряда конкретных промежуточных **задач**, а именно:

- выявление истоков использования идеи «народного монархизма» в революционной практике;
- анализ причин и последствий аграрных беспорядков на Чигиринщине в конце 1860-х – середине 1870-х гг.;
- рассмотрение итогов и уроков «хождения в народ» 1874 г. на Украине;
- оценка деятельности кружка «Южных бунтарей» по идейному обоснованию и организации широкомасштабного крестьянского движения на Правобережной Украине;
- детальное изучение всех аспектов самого «Чигиринского заговора»;
- выяснение значения «Чигиринского дела» в дальнейшем развитии революционно-народнических организаций в России.

Хронологические рамки работы охватывают период с начала 1870-х гг., когда в Чигиринском уезде начались широкомасштабные аграрные беспорядки, до конца 1879 г. когда в том числе и под воздействием чигиринских событий произошел раскол в «Земле и воле». Однако для более адекватного понимания мотивов монархической мистификации со стороны революционеров-народников в п.1.1. автор обращается к предшествующим страницам истории революционного движения, где участники также использовали идею «народного монархизма» для достижения своих целей.

Стремление к раскрытию поставленных в диссертации научных цели и задач диктует необходимость обращения к соответствующему комплексу источников.

Источниковая база исследования. Условно все использованные в работе источники можно разделить на две группы. К первой группе относятся опубликованные источники. Освещение источников по «Чигиринскому заговору» открыл

журнал «Былое». В 1906 г. в нем были помещены первые документы, связанные с этим делом.¹

В дальнейшем публикация документов была продолжена уже в советский период. Были изданы сборники документов по крестьянскому движению, напрямую затрагивающие аграрное движение в Чигиринском уезде и события, непосредственно связанные с «Чигиринским делом». В этом ряду особый интерес вызывает сборник документов, составленный на основе украинских архивов и включивший в себя большой массив документов по событиям на Чигиринщине.² Причем в нем собраны, как документы, освещающие аграрные беспорядки начала 1870-х – 1877 гг., так и материалы полицейского дознания связанные непосредственно с «Чигиринским заговором». При этом хотелось бы отметить, что, несмотря на колоссальную информативность сборника, в нем есть некоторые фактические ошибки, связанные с трудностью расшифровки документов жандармского дознания. Так, например, при публикации допроса Я.В. Стефановича от 31 октября 1877 г. в опубликованном варианте допущен ряд пропусков слов и неточностей, иногда серьезно влияющих на достоверность документа.³

Другим важнейшим собранием источником по этому делу является изданный в 1968 г. под редакцией П.А. Зайончковского сборник документов по крестьянскому движению. Этот сборник, снабженный качественным информационным инструментарием, включает в себя целый раздел о событиях в Киевской губернии и на Чигиринщине.⁴

Другим значимым источником позволяющим получить информацию о влиянии «Чигиринского дела» на народническое движение служат показания провокатора Ф.Е. Курицына.⁵

¹ Документы по Чигиринскому делу // Былое. 1906. № 12. С. 257–261.

² Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). Харків, 1934.

³ См. напр.: Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875 – 1879 рр.). Харків, 1934. на странице 266 в показаниях Я.В. Стефановича упоминается Малинка, а в оригинале документа – Малавский (ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 475. Л. 449об).

⁴ Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг. Сб. док-тов / Под. ред. П.А. Зайончковского. М., 1968. С. 122–160;

⁵ Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 2. 1876 – 1882 гг. М., 1965. С. 109–125.

В контексте общего знакомства с событиями, происходившими в революционном лагере в 1870-х гг., большой интерес представляют опубликованные в разные годы сборники документов.¹

Документы по крестьянскому и революционному движению органично дополняются воспоминаниями революционеров-народников непосредственных участников и очевидцев тех событий. В этом ряду особенно хотелось бы выделить свидетельства Я.В. Стефановича и Л.Г. Дейча, принимавших прямое участие в «Чигиринском заговоре». Я.В. Стефанович оставил свои свидетельства, как руководитель этого революционного предприятия, практически сразу же по свершении этих событий. Его воспоминания, написанные на злобу дня, интересны тем, что содержат в себе не только фактическую информацию, но и представляют из себя «своеобразный разбор полетов» т.е. анализ тех ошибок и недочетов, которые были допущены революционерами в ходе подготовительных мероприятий по созданию «Тайной дружины» среди чигиринских крестьян.²

Мемуарные свидетельства Л.Г. Дейча написаны уже после 1917 г. В них он дает весьма подробное освещение этих событий, останавливаясь преимущественно на фактологической стороне дела,³ в некоторых из них он приводит и данные из жандармских архивов.⁴ При этом к некоторым оценкам и суждениям Л.Г. Дейча, как и вообще к мемуарной литературе, надо относиться осторожно и по возможности перепроверять факты и события отраженные в ней. В отношении воспоминаний Л.Г. Дейча это особенно важно, т.к. авторитетные исследователи от-

¹ Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932; Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. 1870 – 1875 гг. М., 1964; Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация. М., 1997; Из истории «Земли и воли» и «Народной воли». Споры о тактике. Сб. документов. М.; СПб., 2012.

² Я.С. Чигиринское дело. Крестьянское общество «Тайная Дружина» (Опыт революционно-народной организации) // «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. / Памятники агитационной литературы. Т. 1. М.; Пг., 1923. С. 141–165; С. 199–214; Дневник карьерца. СПб., 1906.

³ Дейч Л.Г. Чигиринська справа. Харків, 1929; Он же. За полвека. М., 1925. Т. 1. Ч. 2. С. 9–61; Он же. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. М., 1989. С. 69–72.

⁴ Дейч Л.Г. Заговор среди крестьян Чигиринского уезда (Из архива III Отд., 3-й экспедиции. Дело за № 262, часть 2-я, от июля 1877 г по сентябрь 1878 г.) // Исторический архив. 1921. № 1. С. 73–79.

мечали, что он «более чем кто-либо из народников - мемуаристов» был склонен к «выдумкам и преувеличениям».¹ В частности, это наглядно видно в разделах воспоминаний, посвященных Я.В. Стефановичу, которого он изображает буквально «рыцарем без страха и упрека».²

В числе воспоминаний бывших «южных бунтарей», также причастных к происходящим на Чигиринщине событиям, хотелось бы отметить весьма объективные и информативные работы В.К. Дебогория-Мокриевича,³ Н.К. Буха,⁴ М.Ф. Фроленко.⁵

В качестве знакомства с событиями эпохи «хождения в народ» на Украине и с идейной атмосферой того времени большой интерес представляют воспоминания П.Б. Аксельрода,⁶ Е.К. Брешко-Брешковской⁷ и других революционеров.⁸ Также сохранился ряд мемуарных свидетельств, затрагивающих вопрос о дискуссиях относительно оценки «Чигиринского дела» происходящих внутри «Земли и воли», и о роли революционеров-чигиринцев в создании «Черного передела».⁹

¹ Троицкий Н.А. Сказания о правде и кривде в исторической науке. СПб., 2013. С. 129.

² См. напр.: Дейч Л.Г. Я.В. Стефанович среди народовольцев // Группа «Освобождение труда». Сб. док-ов, воспоминаний. Вып. 4. М., 1926. С. 96–121.

³ Дебогорий-Мокриевич В.К. Воспоминания. СПб, 1906; Он же. От бунтарства к терроризму. М.-Л., 1930. Кн. 1. С. 258–382; Он же. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. М., 1989. С. 60–67.

⁴ Бух Н.К. Воспоминания. М., 1928. С. 107–141; Он же. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. М., 1989. С. 38–99.

⁵ Фроленко М.Ф. Записки семидесятника. М., 1927. С. 58–65; 96–106; Он же. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. М., 1989. С. 269–270.

⁶ Аксельрод П.Б. Пережитое и передуманное. Берлин, 1923; Из архива П.Б. Аксельрода. Берлин, лин, 1924.

⁷ Брешко-Брешковская Е.К. Воспоминания пропагандистки // Община. 1878. № 6–7. С. 25–29; № 8–9. С. 9–16; Она же. Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. 1873–1920. М., 2006.

⁸ См. напр.: Дейч Л.Г. Хождение в народ. Из воспоминаний. Пг., 1919; Засулич В.И. Воспоминания. М., 1931; Чудновский С.Л. Из дальних лет (отрывки воспоминаний 1869 – 1872 гг.) // Былое. 1907. № 10. С. 218–241; Ковалик С.Ф. Революционное движение семидесятых годов и процесс 193-х. М., 1928; Кор-ков В. Предтечи «чигиринцев» // Каторга и ссылка. 1932. № 6 (91). С. 201–205; Революционеры 1870-х гг. Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. Л., 1986. и др.

⁹ См. напр.: Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. Пг., 1924; Попов М.Р. Записки землевольца. М., 1933; Морозов Н.А. Повести моей жизни. Мемуары. Т. 2. М., 1961; Дейч Л.Г. Социалистическое движение начала 70-х годов в России. Ростов-на-Дону, 1925; Серебряков Е.А. Очерк по истории «Земли и воли». СПб., 1906; Тютчев Н. К характеристике Я.В. Стефановича // Былое. 1921. № 16. С. 210–208; «Народная воля» и «Черный

Самостоятельную группу опубликованных источников представляют собой воспоминания и материалы официальных лиц. Они позволяют посмотреть на изучаемую проблему с другой стороны – глазами официальной власти.¹

Неоценимую помощь для изучения данной темы играют материалы периодической печати того времени. Они весьма многолики и разнообразны. Среди них можно выделить материалы революционной печати. При этом следует отметить, что уже с 1875 г. аграрные беспорядки, происходящие в Чигиринском уезде, освещались в нелегальной печати, хотя естественно с точки зрения возможности использования этого движения в революционных целях.²

К другой категории материалов периодической печати можно отнести официальную печать. И надо признать, что очень важную информацию, связанную с социально-экономической подоплекой крестьянских беспорядков 1873–1875 гг. в Чигиринском уезде предоставляет газета «Киевлянин». Это же издание предоставляет весьма объективную информацию о ходе судебного процесса по Первому Чигиринскому делу закончившегося летом 1877.³

Ко второй группе источников относятся использованные в диссертации неопубликованные материалы, содержащиеся в ряде архивохранилищ. Ведущее место среди них принадлежит Государственному архиву Российской Федерации. Очень важные материалы по теме исследования были обнаружены в Ф.112. (Осо-

передел». Л., 1989; Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. Л., 1986; Л.А. Воспоминания. М., 2003 и др.

¹ Хроника социалистического движения в России. 1878–1887 гг. Официальный отчет. М., 1906. С. 29–30; Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991.

² См. напр.: Иван Никифоров. Киев (июнь) // Работник. 1875. № 8. С. 76–78. // Газета «Работник» (1875 – 1876 гг.). Ред. и вступит. статья В.И. Невского. М., 1933; «Вперед!». Двухнедельное обозрение. Paris, 1969. С. 48; «Вперед». Непериодическое издание. Т. V. 1877. Paris, 1970. С. 59–67; Дейч Л. Письмо в редакцию «Общины». Зверская расправа с Гориновичем // Община. Социально-революционное обозрение. Париж, 1878. № 8–9. С. 16–17; Яков Стефанович. Наши задачи в селе (письмо в «Общину») // Община. Социально-революционное обозрение. Париж, 1878. № 8–9. С. 33–38; [Н.К. Бух]. Первое Чигиринское дело // Начало. Орган русских революционеров. № 1. Март 1878. // Революционная журналистика семидесятых годов. Под. ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). Ростов-на-Дону, 1907. С. 16–19; [С.М. Кравчинский]. Передовая статья // Земля и воля. Социально-революционное обозрение. № 1. 25 октября 1878 г. // Революционная журналистика семидесятых годов. Под. ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). Ростов-на-Дону, 1907. С. 68–78; «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. / Памятники агитационной литературы. Т. 1. М.-Пг., 1923. С. 141–165; С. 199–214.

³ Чигиринское дело (По официальным источникам) // Киевлянин. 1877. № 95, 96, 97, 98.

бое Присутствие Правительствующего Сената). В делах этого фонда № 473, 474 хранятся подлинники показаний Я.В. Стефановича, И.В. Бохановского и Л.Г. Дейча. В делах за № 475, 476, 477 обнаружены материалы допросов наиболее активных крестьян-чигиринцев (Е. Олейника, Л. Тененика, А. Приходько, С. Шутенко, А. Комаренко и др.) и материалы Киевской палаты Уголовного и гражданского суда,¹ кроме того в деле № 476 содержится переписка официальных лиц в связи с побегом из Киевской тюрьмы Я.В. Стефановича и др.²

Активно использовались и документы из Ф. 109. (Третье отделение. Е.И.В. канцелярии). В нем находятся «Справка о недоразумении между государственными крестьянами Чигиринского уезда Киевской губернии»,³ а также материалы жандармского расследования этих событий.⁴ В этом же фонде содержатся материалы жандармского дознания по «Чигиринскому заговору».⁵

Кроме того, использовались материалы из Ф. 533. (Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев) – «Автобиографии участников революционного движения присланные по запросу редакции библиографического словаря «Деятели революционного движения в России», в частности дополнение к биографической справке написанное Л.Г. Дейчем.

При работе над темой удалось привлечь материалы из Центральный державный історичний архів України у м. Києві (ЦДІАК України). В частности, это материалы Ф. 274. (Киевское губернское жандармское управление). В нем на 60 листах удалось обнаружить «Заключение и приговор Киевской соединенной судебной палаты по обвинению Стефановича Я.В., Дейча Л.Г., Бохановского И.В. и других лиц в создании народнической нелегальной организации в Чигиринском уезде / «Чигиринское дело»/⁶ и «Чигиринское дело» в Киевской губернии (Особое приложение к Киевским губернским ведомостям).⁷ Частично использовались

¹ ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 477. Л. 1–62.

² Там же, Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 591–593.

³ Там же, Ф. 109. 3-я эксп. 1875. Д. 144. Л. 1–14об.

⁴ Там же, Л. 20–28.

⁵ Там же, Ф. 109. 3-я эксп. 1877. Ед. хр. 262. Ч. 1, Ч. 2.

⁶ ЦДІАК України. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 22–60.

⁷ Там же, Л. 1–20об.

документы из Ф. 442. (Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор),¹ они дали возможность ознакомиться с фрагментами переписки должностных лиц по «Чигиринскому делу».

Эти документы, наряду с документами из ГА РФ, позволили не только воссоздать целостную картину событий, происходивших в Чигиринском уезде за период с начала 1870-х по 1877 гг., но и глубже осмыслить мотивы действий крестьян, методы воздействия революционеров на крестьянское сознание, ход и логику жандармского дознания.

Также использовались материалы Государственного архива в г. Тобольске (ГБУТО ГА) из фонда Ф.И. 152. («Дело о розыске бежавших из Киевской тюрьмы государственных преступников Дейча, Стефановича, Бохановского и надзирателя С. Тихонова»)².

Территориальные рамки исследования охватывают собой районы Правобережной Украины, преимущественно включающие в себя Чигиринский уезд Киевской губернии, а также города Киев, Одессу, Харьков.

Методологическая основа диссертации. Исследование основано на базовых принципах исторического познания: научной объективности, историзма и системности.

Принцип научной объективности предполагает поиск методологических средств, позволяющих максимально непредвзято реконструировать события, связанные с деятельностью революционеров-народников по подготовке и организации «Чигиринского заговора».

Принцип историзма требует рассмотрения происходящих в рассматриваемом регионе событий в контексте той исторической эпохи.

Использование принципа системности при проведении данной работы дает возможность целостно рассмотреть и проанализировать предмет исследования.

Для полного раскрытия темы диссертации, в работе используется специально-исторические методы исследования:

¹ ЦДІАК України. Ф. 442. Оп. 310. Д. 328.

² ГБУТО ГА. Ф.И 152. Оп. 8. Д. 81.

– сравнительно-исторический подход позволил осуществить ряд важных сопоставлений, в том числе при сравнении использования в разные исторические периоды революционерами «монархических мистификаций».

– метод проблемно-хронологического анализа способствовал рассмотрению отдельных проблем в хронологической последовательности.

– историко-типологический метод послужил для изучения принципиально однородных в пространственно-временном и социокультурном отношениях процессов развития чигиринского феномена на фоне крестьянских волнений и революционного народничества, протекавших в различных регионах страны на протяжении пореформенного периода.

Решая поставленные в диссертации задачи, автор полагает, что любая научная теория является естественно ограниченной.¹ Тем более, это важно при проведении исследования, затрагивающего вопросы «ментальной истории». Поэтому для получения новых, более адекватных результатов требуется применение современных методов исторического познания. Особая познавательная роль отводится семиотическому методу, позволяющему через анализ системы «знаков» расшифровать культурные коды традиционного общества, заложенные в тех или иных, сохранных чигиринскими документами, «текстах» культуры. Это позволяет глубже понять «картину мира» чигиринских крестьян и через нее мотивы и смыслополагание их протестной активности.

Поскольку в центре внимания будут оказываться конкретные революционеры-народники, крестьянские вожаки, а также отдельные их сторонники или объединения, следует отметить необходимость применения микроисторического подхода, в поле зрения которого находятся отдельные малые социальные группы, организации, индивиды в контексте их повседневных и экстраординарных поведенческих и коммуникационных практик. При этом вслед за Х. Медиком, под микроисторией понимается «не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях». Она характеризуется «интересом к преимущественно частным исто-

¹ Актуальные проблемы истории: Материалы «круглого стола» (12 января 1994 г.) // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 45–104.

рическим "микромирам", или "малым жизненным мирам", тем самым "малым областям",¹ в центре которых стоит отдельный человек». Помещенная под такой герменевтический «микроскоп», событийная канва чигиринских волнений предстанет в виде конкретных человеческих судеб, тем самым обеспечивая более глубокое понимание яркого феномена российской истории.

Кроме того, лучше осветить поставленную проблему позволит обращение к гносеологическому потенциалу новейших отечественных исследований по социальной психологии крестьянства: И.Л. Андреев, А.В. Гордон, С.Д. Домников, О.Г. Усенко, Л.В. Милов, П.С. Кабытов, М.Д. Карпачев и др.,² а также к работам западных ученых, изучавших протестное движение крестьян в дореволюционной России: П. Аврич, Дж. Александер, Дж. Биллингтон, Дж. Блам, П. Паскаль, М. Перри, Д. Филд.³ Большим подспорьем должны оказаться историко-культурные концепции В.М. Живова, Ю.М. Лотмана, П.А. Успенского и других авторов.⁴

¹ Медик Х. Микроистория // Thesis. 1994. Вып. 4. С. 193, 195.

² См., напр.: Андреев И.Л. Анатомия самозванства... С. 110–117; Он же. Искушение властью // Бремя власти. М., 2008. С. 383–460; Он же. Самозванство и самозванцы на Руси... С. 46–56; Гордон А.В. Крестьянские восстания в Китае XVII–XIX вв. Методологические проблемы изучения крестьянских движений в новейшей западной историографии. М., 1984; Он же. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М., 1989; Домников С.Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М., 2002; Усенко О. Г. К определению понятия «менталитет» // Российская ментальность: методы и проблемы изучения (Мировосприятие и самосознание русского общества. Вып. 3). М., 1999. С. 23–77; Он же. Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков. Тверь, 1994–97. Ч.1–3; Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М. 1998; Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX века. Самара, 1999; Карпачев М.Д. О правосознании воронежской деревни на рубеже XIX–XX вв // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления / под. ред. М.Д. Карпачева, М.Д. Долбилова, А.Ю. Минакова. Воронеж, 2003. С. 255–264.

³ См., напр.: Avrich P. Russian Rebels 1600–1800. N.Y., 1972; Александер Дж.Т. Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773 – 1775 гг. Уфа, 2011; Он же. Российская власть и восстание под предводительством Емельяна Пугачева. Уфа, 2012; Биллингтон Дж. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001; Blum J. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to Nineteenth Century. Princeton, 1961; Паскаль П. Пугачевский бунт. Уфа, 2010; Perrie M. Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: The False Tsars of the Time of Troubles. Cambridge, 1995; Филд Д. Размышления о наивном монархизме в России от эпохи Пугачева до революции 1905 г. // Экономическая история. Обзорение. Вып. 8. М., 2002. С. 110–115.

⁴ См., напр.: Живов В.М. Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М., 2002; Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996; Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996.

Научная новизна исследования. Впервые предпринимается попытка исследования практики использования революционерами-народниками идей «народного монархизма». В специальном виде такая задача никогда не ставилась в историографии. Между тем, чигиринские события представляют особый интерес для понимания природы народного недовольства и механизмов его детерминации в условиях многонационального общества, разделенного по сословному и конфессиональному признакам. Обращение к комплексному изучению Чигиринских событий, в частности, к опыту использования народниками монархической мистификации по принципу «цель оправдывает средства», позволит также ликвидировать серьезные «лакуны» в исследовании теории и практики революционного народничества. Тема диссертационного исследования «Революционеры-народники и идея «народного монархизма» (на примере Чигиринского заговора)» впервые является предметом специального рассмотрения и реализуется в настоящей работе в следующих элементах новизны:

- в источниковедческом аспекте выявлены и введены в научный оборот документы, напрямую связанные с «Чигиринским делом», хранящиеся в ГА РФ (Ф. 109, Ф. 112) и ранее практически не использовавшиеся историками;
- раскрыта сущность трактовки идеи «народного монархизма» в историографии; выявлены истоки использования идеи «народного монархизма» в революционной практике;
- проведен анализ крестьянского движения второй половины XIX века в Чигиринском уезде, выявлены причины аграрных беспорядков на Чигиринщине в конце 1860-х – начале 1870-х гг. Обоснован вывод о том, что главным ментальным катализатором активности участников крестьянского движения на Чигиринщине была незыблемая вера крестьян в «справедливого царя»;
- выявлены теоретико-организационные причины пересмотра некоторых программных и тактических положений народнической доктрины, в частности обращение бакунистов в лице «южных бунтарей» к ранее еще неиспользованным народниками способам воздействия на крестьянские массы в попытке поднять их

на антиправительственное восстание, через традиционное монархическое мировоззрение и присущую им веру в «справедливого царя»;

- дана оценка деятельности кружка «южных бунтарей» и определена особая роль его представителей (Я. Стефановича, Л. Дейча, И. Бохановского) в идейном обосновании и организации восстания крестьян на Правобережной Украине посредством использования подложного царского манифеста.

- реконструированы события 1877 г. в Чигиринском уезде: от зарождения идеи до практически полного формирования тайного крестьянского общества в Чигиринском уезде;

- обоснованы выводы о том, что действия группы «южных бунтарей», связанные с практической реализацией «Чигиринского заговора», оказали серьезное влияние на дальнейший ход всего народнического движения: фактически они послужили катализатором распада «Земли и воли», а чигиринский опыт оказал большое влияние на выработку программно-тактических положений народнической организации «Черный передел».

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. В диссертационном исследовании в результате анализа генезиса идеи «народного монархизма» было установлено, что уже с первой четверти XIX века в российском революционном движении, наряду с другими формами (военная революция, заговор и пр.), использовались идеи «народного монархизма» с целью воздействия на общественные низы для втягивания их в борьбу за водворение новых социальных идеалов. В качестве фитиля, который должен был привести массы в движение, задействовались «константиновская легенда», самозванчество «вельможного» типа и распространение благоприятных для народа слухов с помощью качественно выполненных подложных царских манифестов.
2. Анализ крестьянского движения второй половины XIX века в Чигиринском уезде показал, что в период с конца 1860-х до 1875 г. четко проявился «народный монархизм». Сделан вывод о том, что незыблемая вера крестьян в

«справедливого царя» была главным ментальным катализатором активности участников крестьянского движения на Чигиринщине.

3. Исследование показало, что провал «хождения в народ» поставил уцелевших от арестов революционеров перед необходимостью пересмотра некоторых программных и тактических положений народнической доктрины. Крайние бакунисты в лице «южных бунтарей» начинают склоняться к мысли об обращении к ранее еще неиспользованным народниками способам воздействия на крестьянские массы в попытке поднять их на антиправительственное восстание, используя их традиционное монархическое мировоззрение и присущую им веру в «справедливого царя».
4. В результате исследования было установлено, что к лету 1876 г. в среде народников-южан явственно обозначился программно-тактический кризис, вызванный безрезультатными попытками организовать народное восстание. Я.В. Стефанович, верный своим идеям, фактически создал в Киеве в конце 1876 г. небольшую революционную организацию. Целью оставалась подготовка восстания крестьян в Чигиринском уезде посредством использования подложного царского манифеста.
5. На основании введения в научный оборот новых архивных материалов удалось реконструировать события 1877 г. в Чигиринском уезде: к началу июня 1877 г. Я. Стефановичу и группе «южных бунтарей» на основе обращения к традиционно присущему крестьянству «народному монархизму» с помощью подложных царских документов («Высочайшая тайная грамота», «Устав крестьянского общества Тайная дружина», «Обряд святой присяги») удалось под носом у властей практически полностью сформировать тайное крестьянское общество в Чигиринском уезде.
6. Изучение материалов Чигиринского дела позволило прийти к заключению, что действия группы «южных бунтарей», связанные с практической реализацией «Чигиринского заговора», в частности, создание среди крестьян народно-боевой организации «Тайная дружина», оказали серьезное влияние на дальнейший ход всего народнического движения. Они не только стали причиной

ожесточенных дискуссий в «Земле и воле», но и фактически послужили катализатором распада этой организации. Во многом именно чигиринский опыт оказал большое влияние на выработку программно-тактических положений возникшей на обломках «Земли и воли» народнической организации «Черный передел».

Результатом работы в плане **практической значимости** является то, что полученные в ходе проводимого исследования результаты могут быть востребованы при дальнейшем изучении народнического движения, при создании специальных и обобщающих работ по истории аграрного движения в России, а также при разработке курсов лекций, спецкурсов и учебных пособий по отечественной истории для высших учебных заведений.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования отражены автором в 7 публикациях общим объемом 3 п.л., три из которых опубликованы в изданиях из списка, рекомендованного ВАК РФ. Всего же по истории отечественной общественно-политической мысли и революционного движения XIX – начала XX вв. автором опубликовано 10 работ общим объемом 6,8 п.л., из них 5 публикаций из списка, рекомендованного ВАК РФ. Результаты исследования отражены в докладах на региональных, всероссийских и международных научных конференциях (Сургут, Нижневартовск, Чебоксары).

Структура исследования построена по проблемно-хронологическому принципу продиктованному целью и задачами работы. Деление диссертации на главы и параграфы вытекает из логики научного исследования. Диссертация состоит из введения, 2 глав по 3 параграфа в каждой, заключения, списка использованных литературы и источников и 3 приложений.

Глава 1. Крестьянское движение в Чигиринском уезде в начале 1870-х гг. и революционеры-народники

§ 1.1. Идея «народного монархизма» в предшествующей практике российского революционного движения

Отечественная история богата серьезными социальными потрясениями и катаклизмами в виде коллективной борьбы народных масс, нередко выступавших под знаменами мифических царей или претендентов на трон. Целые века проходили под аккомпанементы грозного для правящей элиты русского бунта, по меткому высказыванию А.С. Пушкина – «бессмысленного и беспощадного», а XVII столетие вошло в историческую память страны под названием «бунташного века».

В советской историографии самые крупные проявления народного протеста XVII–XVIII вв. называли крестьянскими войнами, в то время как современные историки все чаще предпочитают использовать иную типологию массовых народных движений, в частности, реанимируя именование «русский бунт».¹

Так, историк В.Я. Мауль «знаковой чертой русского бунта» считает его тесную связь с «"народным монархизмом", основанным на идее "истинного царя". "Истинный" – это царь по Божьему промыслу, он – защитник простецов, гарант социальной стабильности, естественного порядка».²

¹ См., напр.: Мавродин В.В. Советская историческая наука о крестьянских войнах в России // Смирнов И.И. Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В. Крестьянские войны в России XVII – XVIII вв. М.-Л., 1966. С. 292–327; Черепнин Л.В. Об изучении крестьянских войн в России XVII – XVIII вв. (К теории проблемы) // Крестьянские войны в России XVII – XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 5–25; Соловьев В.М. Актуальные вопросы изучения народных движений (Полемиические заметки о крестьянских войнах в России) // История СССР. 1991. № 3. С. 130–145; Усенко О.Г. Психология социального протеста в России XVII – XVIII вв. Тверь, 1994. Ч. 1. С. 4–9; Канищев В.В. Русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Тамбов, 1995. С. 3–36; Мауль В.Я. Русский бунт как поиск традиционной идентичности (историографические и методологические заметки) // Клио. 2005. № 1 (28). С. 17–25.

² Мауль В.Я. Самозванные цари и царевичи в социокультурной ретроспективе русского бунта (до пугачевского восстания) // Социокультурные аспекты изучения русского бунта. Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной информации. 2005. № 40. С. 7.

В серьезном содержательном уточнении нуждается само понятие «наивный монархизм». Длительное время советские историки использовали его в том значении, которое было ему придано еще В.И. Лениным. Вводя этот термин в научный оборот, он определял его, как царистскую идеологию крестьянства. В одной из работ В.И. Ленин отмечал, что «монархизм мужика есть отмирающая наивность».¹ В период доминирования в отечественной историографии марксистской методологии подобная трактовка оставалась единственно приемлемой для исследователей. В частности, именно таковой придерживались ведущие советские историки-крестьяноведы, среди которых можно назвать А.М. Анфимова, Н.М. Дружинина, И.Д. Ковальченко, и др.²

Однако отказ от тотального использования марксистских схем в процессе исторического познания, ознаменовавший в России, хотя и с опозданием, наступление историографической революции с ее антропологическим поворотом,³ заставил современных российских исследователей по-новому посмотреть на трактовку «наивного монархизма» в приложении к российскому крестьянству. Как справедливо отмечал И.Л. Андреев, «универсальность этого тезиса просто подкупает. Наивный монархизм, как отмычка пригодная ко всем замкам... Наивный – значит простодушный, почти детский – здесь и размышлять не над чем».⁴

Американский ученый Д. Филд писал: «Суть наивного монархизма в поговорке «царь хочет, а бояре сопротивляются». Чего хочет царь? Того, что хочется нам. В некоторой степени наивный монархизм является следствием полноты единоличной власти и наблюдается повсеместно», как видим, исходя из тезиса Д. Филда, он распространял категорию «наивного монархизма» на весь комплекс от-

¹ Ленин В.И. Новая аграрная политика // Полн. собр. соч. Изд. 5. М., 1967–1981. Т. 13. С. 421.

² См. напр.: Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881-1904. М., 1984; Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX вв. М., 2004; Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М., 1946–1958. 2 т.

³ См. подр.: Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века. Курс лекций. Вып. III. Историографическая революция. С. 11-20; Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009.

⁴ Андреев И.Л. Анатомия самозванчества // Наука и жизнь. 1999. № 10. С. 112; Он же. Самозванство и самозванцы на Руси // Знание – сила. 1995. № 8. С. 48–49.

ношений с одной стороны самодержавной власти, а с другой абсолютного большинства ее подданных, то есть это своеобразное развитие идеи «вотчинного государства».¹

Отдельно Д. Филд выделял из глубинных напластований социальной психологии простого народа, так называемый, «народный монархизм», который «проявлялся в фольклоре, в церковных и гражданских церемониях, но в самой показательной форме в восстаниях и волнениях, в которых народ отказывался повиноваться «боярам»».² При этом исследователь делал крайне продуктивное в контексте изучения российского социума эпохи Нового времени заключение, что «в социальном аспекте народный монархизм был неразрывно связан с культурной пропастью между обществом и народом, которая образовалась к середине XVIII столетия».³

Этот посыл о связи базовых установок «народного монархизма» с культурным разрывом, наблюдаемым в российской обществе, был на более серьезном уровне развит историком М.Д. Карпачевым. Он оценивал «народный монархизм» с точки зрения эволюции традиционного правосознания пореформенного крестьянства, которое трактовал как переходное от традиционного общинного права, включавшего в себя набор специфических форм крестьянского самоуправления, включая волостной суд, к общегражданскому.⁴ О росте крестьянского правосознания, хотя и при сохранении сложившихся стереотипов восприятия образа царя-батюшки как покровителя патриархального мира, писал и ученый П.С. Кабытов.⁵

Оба эти автора справедливо отмечали, что эволюция крестьянского правосознания шла крайне медленно, так как «крестьянские общественные институты на протяжении столетий являлись важнейшей опорой самодержавного режима. Всем своим строем крестьянская семья, а вместе с ней и община, воспроизводила

¹ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 44-188.

² Филд Д. Размышления о наивном монархизме в России от эпохи Пугачева до революции 1905 г. // экономическая история. Обозрение. М. 2002. Вып.8. С. 110.

³ Там же, с.110.

⁴ Карпачев М.Д. О правосознании воронежской деревни на рубеже XIX-XX вв // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления / под. ред. М.Д. Карпачева, М.Д. Долбилова, А.Ю. Минакова. Воронеж, 2003. С. 255-264.

⁵ Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX века. Самара, 1999. С.51.

на уровне народной жизни модель авторитарного государственного строя с неограниченным правителем во главе».¹

В результате, по мнению М.Д. Карпачева, «в начале XX в. в России сохранялось две разные по своим цивилизационным характеристикам политические культуры. Общинное крестьянство не могло иметь гражданских качеств в их интеллигентом понимании. Отсутствие частной собственности на землю при массовой безграмотности делало так называемое «обычное право» основным регулятором межкрестьянских отношений... оно принципиально не совмещалось с формальной юридической законностью. Крестьянская жизнь носила замкнутый характер... Важнейшим компонентом патриархального мировоззрения крестьянства был наивный монархизм. Неограниченная власть царя в глазах крестьянства являлась естественным условием сохранения единства государства, гарантом его внутренней и внешней безопасности».²

Таким образом, в условиях историографического плюрализма 1990-х гг., осознавая ограниченность марксистской интерпретации категории «наивный монархизм», историки попытались несколько расширить и углубить содержание этого феномена, вписав его в общий контекст развития российской общественно-политической жизни.

Кроме того, исследователи активнее стали прибегать к использованию категорий социальной психологии при рассмотрении жизни крепостной³ и пореформенной российской деревни,⁴ как бы пытаясь очеловечить происходившие там процессы. Показать крестьянина не только в качестве объекта, но и субъекта исторического процесса. Вывести из толщи некоей крестьянской человека-массы

¹ Карпачев М.Д. О правосознании воронежской деревни на рубеже XIX-XX вв. С. 256.

² Карпачев М.Д. Общественно-политическая мысль пореформенной эпохи / Очерки русской культуры XIX века. Т. 4. Общественная мысль. М., 2003. С. 384.

³ Литвак Б. О некоторых чертах психологии русских крепостных крестьян первой половины XIX в. // История и психология. М., 1971. С. 199-214.

⁴ Фурсов В.Н., Перепелицын А.В., Плотникова Л.И. Социальная психология и пореформенная крестьянская повседневность // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2012. № 1 (120). Вып. 21. С. 139-144; Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). М., 1996. С. 35-36, 39.

личность отдельного крестьянина, чтобы определять мотивы поступков не только целых страт общества, но и «малых групп» и даже отдельных индивидов.¹ Исходя из этого, в современной историографии термин «наивный монархизм», как излишне оценочный в уничижительном смысле, постепенно замещается более точной формулировкой - «народный монархизм».

В самом общем виде под «народным монархизмом» сегодня понимается комплекс социально-политических представлений о царской власти, ее особенностях, функциях, образе, какими они сложились в массовом сознании во многом под влиянием форм и способов официальной репрезентации власти. Причем эти представления, как правило, приобретали персонифицированный характер, поскольку государство понималось через образ государя. В тоже время, народный монархизм – это функция места (статуса, должности, титула), а не имени.

Однако в еще большей степени монархическая мифология восходит к фольклорным истокам, своими корнями уходит в культурную архаику прошлого. Закрепляясь в народной ментальности на архетипическом уровне, она тесно связывалась с религиозной «картиной мира» носителей традиционного сознания. Причем эти социокультурные процессы происходили не в рамках доктрины церковного богословия, а на уровне повседневного бытового православия, которое переплеталось с языческими пережитками, житейским прагматизмом и т.п.

В контексте народных монархических представлений царь осознавался ставленником божьим на земле, следовательно, гарантом незыблемости установленных богом справедливых порядков. Для мифологического сознания немислимы сомнения в истинности царя, это то же самое, что усомниться в истинности божией. Поэтому если народу жилось все равно плохо, то царь не мог считаться виновником его бедствий. Тогда начинался поиск первопричины народных нестроений, которые усматривались в непосредственном источнике зла – чиновниках, боярах (дворянах), осмысливаемых в качестве изменников. По мысли соци-

¹ Безгин В.В. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.; Тамбов, 2004; Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: Пер. с англ. М., 1992.

альных низов, именно они утаивали от царя правду о народных тяготах, т.е. царь был не в курсе происходящего. Значит, требовалось до него донести информацию о наболевших проблемах, например, через мирских челобитчиков.

Но рано или поздно наступало прозрение, чаще всего в какие-то кризисные, переломные времена, когда простолюдинам становилось ясно, что правящий царь все знает, но, тем не менее, не исправляет жизнь народа к лучшему. На фоне того, что усомниться в истинности царя нельзя (он помазанник божий), ситуация имела единственное приемлемое разрешение в рамках антитезы царей «истинных» и «ложных», причем последний атрибутировался через связь с «черным», «колдовским» антимиром. Но если на троне сидит ненастоящий царь, значит, где-то должен быть царь «истинный», тот который ставленник и помазанник бога. Таким образом, складывалась благоприятная социо-психологическая почва для появления разного рода самозванцев, выдававших себя за «истинных» царей. Это вовсе не означало, что люди были готовы поддержать любого заведомого авантюриста, принимавшего на себя царское имя и обещавшего из корыстных соображений облегчить народные тяготы. Социальные низы должны были быть уверены, что перед ними действительно проявился «подлинный» государь, следовательно, их нужно было в этом убедить. В рамках народного монархического сознания бытовали устойчивые представления о том, что «истинного» царя отличает ряд специфических черт и особенностей внешности, поведения, манер и т.д., которым должен был соответствовать любой ложный претендент на имя или статус царя/царевича. Из выше указанного следует, что народный монархизм теснейшим образом был связан с феноменом самозванцев, но не только с ним.¹

¹ См.: Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М., 2006; Гурьянова Н.С. Монарх и общество: к вопросу о народном варианте монархизма // Старообрядчество в России (XVII – XX вв.). М., 1999. С. 126–148; Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 205–337; Мауль В.Я. Харизма и бунт: психологическая природа народных движений в России XVII – XVIII веков. Томск, 2003; Он же. Архетипы русского бунта XVIII столетия // Русский бунт. М., 2007. С. 255–446; Усенко О.Г. Монархическое самозванчество в России в 1762 – 1800 гг. (Опыт системно-статистического анализа) // Россия в XVIII столетии. Вып. 2. М., 2004. С. 290–353; Успенский Б.А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б.А. Избранные тру-

Как справедливо отмечал исследователь И.В. Побережников, в XVIII–XIX вв. «были широко распространены слухи, несшие благоприятную (оптимистическую) информацию для социальных низов. Большой социальный резонанс вызывали слухи о "милостивых" царских указах, "благой вести", ликвидировавшей нежелательные социальные препоны, предлагавшей оптимальный вариант социального устройства, повышение сословного статуса и т.п.».¹

До начала XIX в. самозванчество, опиравшееся на идею «народного монархизма», облекалось в мифологизированные образы «истинных царей», роль которых примеривали на себя авантюристы – харизматики, именно они представляли главную опасность для правящей элиты. Наиболее ярким из них был, как известно, Е.И. Пугачев.²

XIX век знаменовал собой появление нового социально-политического феномена – русского радикализма в его крайней революционной форме. Его рождение оказалось результатом своеобразия русской истории, определяющей вехой которой стали преобразования Петра I.

Петровские реформы не только придвинули Россию к Европе, но и породили две глубокие национальные проблемы социального и идеологического характера. По мысли Е.Л. Рудницкой, выражением первой из них «стал глубокий разрыв, образовавшийся вследствие приобщения верхов общества, дворянства к европейской культуре и массой народа... Выражением второй, связанное с этим разрывом, – появление интеллигенции, которой было суждено сыграть огромную роль в русской истории».³

ды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 142–183; Филд Д. Размышления о наивном монархизме в России от эпохи Пугачева до революции 1905 г. // Экономическая история. Обзорение. Вып. 8. М., 2002. С. 110–115; Perrie M. Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: The False Tsars of the Time of Troubles. Cambridge, 1995.

¹ Побережников И.В. Крестьянское правосознание и волнения на Урале в середине XVIII в. // Власть, право и народ Урала в эпоху феодализма. Свердловск, 1991. С. 119–126.

² Мауль В.Я. Имя-Образ императора Петра III в механизме культурной идентификации переходной эпохи (по материалам Пугачевского бунта) // Проблемы истории культуры. Нижневартовск, 2005. Вып. 2. С. 178–187.

³ Рудницкая Е.Л. Русский радикализм // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. М., 1997. С. 7.

Если еще в XVIII в., при всех его политических коллизиях, наблюдалось относительное единство самодержавной власти и дворянства перед лицом народной России (венцом этого единения стала «Жалованная грамота дворянству»), то наступивший XIX в. в корне изменил картину. «Дней Александровых прекрасное начало» быстро закончилось и сменилось аракчеевщиной, что для основной массы политически активного дворянства, воспитанного на идеях французского Просвещения, означало отступление самодержавия с пути реформ.

В свою очередь это привело к зарождению первых декабристских организаций, быстро эволюционировавших от мирной деятельности к планам подготовки свержения династии Романовых. Неожиданная смерть Александра I 19 ноября 1825 г., и последовавшее после нее междуцарствие прямо привели декабристов к восстанию на Сенатской площади. Нельзя не согласиться с исследователями в утверждении, что «14 декабря 1825 г. стало результатом отступления самодержавия с пути Просвещения, и, вместе с тем, положило начало никогда больше не исчезавшего противостояния интеллигенции и власти».¹

Для характеристики этого трагического для русской истории раскола как нельзя лучше подходят знаменитые слова В.И. Ленина: «Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная от Чернышевского и кончая героями "Народной воли". Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. "Молодые штурманы будущей бури" – звал их Герцен».²

При этом сил радикально настроенной интеллигенции еще явно не хватало, чтобы самостоятельно решить задачу реализации проекта справедливого общественного устройства. Как бы ни различались политические взгляды, а также программные и тактические установки русских революционеров от декабристов до народников, в них прямо или косвенно содержалось апеллирование к простому народу с тем, чтобы поднять его на борьбу против самодержавия за достижение нового социального идеала. В этом контексте идеалисты-романтики из числа пе-

¹ Рудницкая Е.Л. Русский радикализм. С. 7.

² Ленин В.И. Памяти Герцена // Полн. собр. соч. Изд. 5. М., 1967–1981. Т. 21. С. 315.

редовых дворян-военных, а потом разночинцев-народолюбцев не могли не учитывать или просто игнорировать веру тех же солдат, а затем и крестьян в доброго и справедливого «царя-батюшку».

«Особому восприятию царской власти на Руси способствовали некоторые конкретно-исторические особенности, – пишет В.Я. Мауль. – Патриархальный характер жизни русского человека на протяжении значительной части его доиндустриальной истории, привязанность к территориальным и социальным рамкам, отождествление общих взглядов и понятий со своими личными формировали "соборный" тип личности. В такой ситуации для психологической адаптации себя в мире большое значение имел авторитет (культ) старшего – отца, покровителя и защитника семейства. Подобный стереотип переносился на царя, тем более что отношения в государственной и общественной иерархии строились по такому же принципу. С одной стороны, подразумевалась безусловная "отдача себя", а с другой – милость, забота, покровительство. Поэтому, в мировосприятии простонародья, царь – "отец" большого семейства, грозный, строгий, но справедливый для всех подданных».¹

Чтобы более эффективно воздействовать на сознание простого народа радикально настроенные революционеры стремились максимально широко задействовать весь имеющийся у них пропагандистский арсенал, и в такой ситуации идеи «народного монархизма» казались вполне подходящим и допустимым средством. Первыми в своей политической практике попытку связать стихийный монархизм общественных низов с нуждами революционного движения предприняли декабристы.

Вся обстановка междуцарствия способствовала актуализации этой идеи. Как известно, после бездетного Александра I следующим по старшинству братом, который должен был наследовать царский трон, являлся Константин Павлович, однако задолго до смерти предшественника он официально отрекся от престола. Уже на маневрах 1819 г. Александр сообщил Николаю Павловичу об этом и о

¹ Мауль В.Я. Самозванные цари и царевичи в социокультурной ретроспективе русского бунта (до пугачевского восстания). С. 9.

назначении его новым наследником. Все это нашло отражение в официальном манифесте от 16 августа 1823 г., переданном на хранение московскому митрополиту Филарету, а также в Государственный совет, Сенат и Синод. Пакеты надлежало вскрыть в случае смерти императора.¹

Первоначально, а именно 27 ноября 1825 г., вся страна присягнула Константину, и формально в России появился император Константин I. В магазинах уже были выставлены его портреты. Однако он престола не принимал, но одновременно не желал и формально отречься от него в качестве императора, которому уже принесена присяга. Так сложилась весьма двусмысленная и опасная для правящей династии ситуация междоусобицы.²

Переприсяга в пользу Николая Павловича была назначена на 14 декабря 1825 г., ею и решили воспользоваться декабристы для прямого военного выступления против верховной власти. Сам факт переприсяги был весьма неординарным явлением в политической жизни Империи, и это событие быстро обросло массой слухов. Именно тогда зародилась та самая «константиновская легенда», которая не один десяток лет будет будоражить умы и чувства рядовых россиян и эксплуатироваться как простыми авантюристами, так и революционерами.

Накануне переприсяги даже некоторые из гвардейских офицеров близких к декабристским кругам полагали, что выступают именно в защиту несправедливо низложенного Константина. Любопытный случай отложился в документах о событиях 14 декабря 1825 г. Ротный командир Преображенского полка, впоследствии генерал-адъютант Игнатъев вспоминал: «Во 2-ю роту, составленную из молодых солдат, вошел внезапно незнакомый офицер (Чевкин. – С.Т.) в адъютантском мундире. Польстив нижним чином уверением, что вся гвардия ждет от них примера и указания, объявил он в превратном виде о назначении на следующее утро присяги государю императору Николаю Павловичу и уверяя, что он собою

¹ Гордин Я.А. События и люди 14 декабря. Хроника. М., 1985. С. 10.

² См. подр.: Нечкина М.В. Декабристы. М., 1982. С. 105–108.

пожертвовал, чтобы спасти первый полк русской гвардии от присяги дерзновенно называемой им клятвопреступлением».¹

Еще более показательные сведения в своих воспоминаниях приводит М.А. Бестужев о том, по каким мотивам пристал к Северному обществу его товарищ по службе в лейб-гвардии Московском полку князь Д.А. Щепин-Ростовский. Вот как описывается его поведение на собрании в преддверии выступления 13 декабря 1825 г.: «Вечно без толку кипящая натура Щепина вдруг окунулась в атмосферу ей неведомую, бурливое волнение которой еще более ее вскипятило. Не понимая, что дело шло совсем не о том, чтобы иметь царем Константина или Николая, – он за Константина выкрикивал самые отчаянные фразы и следственною комиссиею был помещен в число самых отчаянных членов нашего Общества, тогда как даже о существовании Общества ничего не знал».²

Если даже многие элитные гвардейские офицеры были дезориентированы обстановкой междуцарствия, то что тут говорить о рядовых солдатах. Неудивительно, что дворянские революционеры попытались сыграть на идее «народного монархизма». Ведь для простого народа даже «самовольное воцарение или венчание на царство, законное в обрядовом отношении, еще не означало, что этот царь "истинный"».³ В данном же конкретном случае ожидания, связанные с «истинным» царем, уже были направлены на Константина. Этот фактор не без успеха использовали декабристы утром 14 декабря.

В частности, так действовал в казармах, где квартировал лейб-гвардии Московский полк, А.А. Бестужев (Марлинский). «Брат (А. Бестужев. – С.Т.) говорил солдатам, что он адъютант императора Константина, что его задержали на дороге в Петербург и хотят заставить гвардию присягнуть Николаю и пр. и пр. Солдаты отвечали в один голос:

– Не хотим Николая – ура, Константин!!»⁴

¹ Цит. по: Гордин Я.А. События и люди 14 декабря. Хроника. С. 159–160.

² Воспоминания Бестужевых. М.-Л., 1951. С. 67–68.

³ Мауль В.Я. Самозванные цари и царевичи в социокультурной ретроспективе русского бунта (до пугачевского восстания). С. 7.

⁴ Воспоминания Бестужевых. М.-Л., 1951. С. 69.

Итог хорошо известен – Лейб-гвардии Московский полк первым вышел на Сенатскую площадь.

О схожей ситуации рассказывал в своих показаниях на следствии поручик лейб-гвардии Финляндского полка барон А.Е. Розен: «На вопрос генерал-адъютанта Е.Ф. Комаровского, "отчего они не следуют за первым взводом", его взвод отвечал: "Мы не знаем, куда и что нас ведут. Ружья заряжены, сохрани бог убить своего брата, мы присягали государю Константину Павловичу, при присяге и у обедни целовали крест"». ¹ Да и в своих воспоминаниях А.Е. Розен подтверждал факт использования декабристами идей «народного монархизма»: «Правда, что первые роты из лейб-гвардии Московского полка были выведены под предлогом верности данной присяге Константину. Правда и то, что когда слышались возгласы в толпе "лучше вместо Константина конституцию!" и когда спросили нескольких человек: "Кто такая конституция?" – то ответили им: "Это супруга Константина"». ²

Такие же свидетельства встречаются и в других источниках, в том числе в материалах следствия. ³

Конечно, это не означает, что для возбуждения солдат использовалась только «константиновская легенда». Тот же А.Е. Розен отмечал, что «правда и то, что гренадерам и надежным унтер-офицерам были объявлены другие причины». ⁴ Но сам факт успешного обращения декабристов к глубинным пластам народных монархических представлений, несомненно, имел место в ходе подготовки и осуществления восстания 14 декабря, а главное он катапультировал в жизнь устойчивое существование «константиновской легенды», что в дальнейшем дало русским радикальным кругам возможность еще не раз использовать ее для возбуждения анти-царских настроений.

¹ Цит. по: Невелев Г.А. Андрей Евгеньевич Розен и его «Записки декабриста» // Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 16.

² Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 133.

³ Из писем и показаний декабристов. СПб., 1906. С. 16.

⁴ Розен А.Е. Записки декабриста. С. 133.

Практически сразу после коронации в Москве ходят слухи о том, что сенаторы «избрали Николая Павловича и возвели на престол, когда поняли что его брат хочет освободить крестьян»¹.

После разгрома движения декабристов и суда над ними, после создания III Отделения С.Е.И.В.К. в Российской империи, «подмороженной» Николаем I, оппозиционное движение полностью не исчезло. Более того, его проявления наблюдались уже на рубеже 1820–1830-х гг. на примере действия сначала кружка «братьев Критских», а затем революционной организации Н.П. Сунгурова, которая была создана на основе слияния группы Н.П. Сунгурова со студенческим кружком Я.И. Костенецкого.²

Под впечатлением от прокатившихся по стране «чумных» и «холерных» бунтов военных поселян 1830–1831 гг., волнений городской бедноты в Севастополе, начавшихся 3 июня 1830 г. и поддержанных матросами и солдатами местного гарнизона, «общество Сунгурова» разработало план вооруженного восстания силами московского гарнизона. По этому плану предусматривался, в частности, захват артиллерии, вовлечение в восстание рабочих московских фабрик и тульских оружейных заводов, а также городской «черни», освобожденных из тюрем заключенных, причем последних предполагалось «заинтересовать» возможностью грабежа и пьянства. Но очень важно, что при составлении плана «сунгуровцы» делали серьезную ставку на использование все той же «константиновской легенды». Они надеялись внушить народу, что в поддержку восставшим прибудет из Польши цесаревич Константин Павлович с войском, освободит крестьян, отменит подати и т.д.³

Имея достаточно малочисленную организацию (историкам известны имена 33 человек⁴), члены «Общества» Н.П. Сунгурова рассчитывали на введение в России конституции, которая «ограничивает деспотизм монархов, дает свободу граж-

¹ Чернов С.Н. Слухи 1825–1826 гг. // С.Ф. Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности. Л., 1934. С. 569.

² Эйхенбаум Б. «Тайное общество Сунгурова (по неизд. докум. из архива III Отделения) // Заветы. 1913. № 3. С. 15–63.

³ Дьяков В.А. Освободительное движение в России, 1825–1861. М., 1979. С. 96.

⁴ Там же, с. 50.

данам, воспламеняет их душу любовью к отечеству, производит между ними равенство, дает способы раскрытия всем их нравственным и умственным способностям...».¹

При столь небольшой численности и, не имея, в отличие от декабристов, серьезной опоры в армии, сунгуровцам ничего не оставалось, как для достижения поставленных целей попытаться привлечь социальные низы. Тем более что в выступлениях 1830–1831 гг. они не без оснований усматривали признаки недовольства простого народа царствованием Николая I. В такой ситуации революционеры с помощью распространения «константиновской легенды» хотели поднять массы против якобы «ложного царя», обманом занявшего трон и правящего несправедливо.

Тем более, что эта легенда приобретала все более тревожное для Николая I звучание и обростала надеждами на некие социальные перемены, связанные с именем Константина: «Константин Павлович, имея себя обиженным, ездил в Царьград и во Иерусалим и нашел в Царьграде отцовское письмо и во Иерусалиме тоже отцовское письмо и порфиру и в обоих письмах назначено после Александра быть Константину царем, и привез все оное в Россию и не мог уверить или урезонить, чтобы быть царем ему, то и оставлено все до времени благопотребного».²

В дальнейшем, в период «апогея самодержавия» Николая I, революционеры-разночинцы, не имея достаточно сил, противопоставили диктату власти бесцензурное печатное слово. Особенно активно русская бесцензурная революционно-демократическая печать заявила о себе в 1853 г., когда А.И. Герцен (в 1847 г. он навсегда покинул Россию. – С.Т.) основал в Лондоне «Вольную русскую типографию» (ВРТ. – С.Т.) и начал с развертывания идеи борьбы за освобождение крестьян.³

Острая постановка вопроса привлекла к нему ряд русских эмигрантов, в том числе, возобновились его отношения с В.А. Энгельсоном, который начал активно

¹ Цит. по: Дьяков В.А. Освободительное движение в России, 1825–1861. С. 96.

² Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII – XIX вв. М., 1967. С. 202.

³ Пирумова Н.М. Александр Герцен – революционер, мыслитель, человек. М., 1989. С. 72–73.

сотрудничать в ВРГ. Причем среди ранних изданий ВРГ (до выхода «Полярной звезды») этому автору принадлежало видное место – 4 из 13 агитационно-пропагандистских произведений.¹

В.А. Энгельсон вел свою пропагандистскую работу с более радикальных позиций, чем А.И. Герцен. Трудно не согласиться с мнением исследователей, утверждавших, что в прокламациях В.А. Энгельсона «отчетливо прослеживаются черты, проявившиеся позднее в революционной пропаганде 60-х годов: та же непримиримость к существующему режиму, та же жажда борьбы с ним».²

Имея под рукой столь серьезное идейное оружие как свободная печать, В.А. Энгельсон в своих агитационных произведениях обращался к глубинным истокам народной ментальности, используя при этом ее монархический потенциал. Все его прокламации обращены к народу и прежде всего старообрядцам. В двух «Видениях отца Кондратия» автор, прибегая к клерикальной лексике и воздействуя на религиозное сознание простонародья, стремился побудить его к прямому выступлению против царя. Для этого он, с одной стороны, использовал «константиновскую легенду», а с другой – пытался добиться делигитимизации правящего монарха, изображая его не русским царем.

Вот как обращается в тексте прокламации к своей пастве святой старец Кондратий: «Народ же Российский сотворих себе кумира в царе своем нечестивом Николае Гольштинском, иже вошед на престол Монамахов путем беззакония, уморив брата своего Константина и тем уподобихся Каину. И многие скверны сей царь бе соделатель во мнози лета своего царения. При восшествии на престол повесил он Муравьева Апостола, иже бе за народ и правду. Во Молитвословиях приказует нечестивец – царь имя свое печатать буквами крупными. Мое же имя возле его изображено печатью мелкою. Судьи его лихоимцы, чиновники грабители, народ отдан им и содержится им, царем, противно закону моему, в крепости у дворян».³

¹ Рудницкая Е.Л. А.И. Герцен. Начало революционной пропаганды (К 175-летию со дня рождения) // Исторические записки. Т. 116. М., 1988. С. 268.

² Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. М., 1997. С. 28.

³ Цит. по: Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. С. 61.

В первом «Видении» старца Кондратия простому народу внушалась мысль, будто господь прогневался на Россию за то, что русские верят нечестивому и незаконному царю Николаю, служат ему и поклоняются как кумиру, и гнев этот не прекратится, пока русский народ во всем ему подчиняется и дает рекрутов. Налицо попытка продемонстрировать народу правящего императора как «ложного» государя, «несоответствие поведения» которого «массовым ожиданиям могло восприниматься как правление лже-царя... В то время как "истинный" царь – ставленник Бога, "ложный" – слуга Дьявола». Более того, «если подлинный царь может уподобляться Христу и восприниматься как образ Бога, живая икона», то «неистинный» царь (по сути дела, самозванец на троне) – это «лже-икона, т.е. идол».¹

Как явствует из текста прокламации, изображение Николая I в соответствующей монархической тональности в образе «лже-царя» должно было пробудить в сознании простых читателей извечную антитезу божьего и дьявольского начал. Это, несомненно, была очень мощная посылка на «десакрализацию» власти Николая I как данной не от бога, ведь борьба против подобных антихристовых проявлений есть благое дело для любого православного христианина.

Таким образом, под видом духовной литературы революционеры 1840–1850-х гг. пытались воздействовать на социальные низы, чтобы вместе противостоять самодержавию и внушать народу веру в священную правоту такой борьбы. Неслучайно, текст вышеприведенной прокламации очень высоко оценил А.И. Герцен. Он назвал ее шедевром, и в конце января 1854 г. 500 экземпляров этой прокламации были отправлены в Константинополь для пересылки в Россию.²

Внутриполитическая обстановка в стране в 1850-х гг. была весьма тревожной: с одной стороны, рост числа крестьянских выступлений подталкивал самодержавие к подготовке крестьянской реформы «сверху», а, с другой – оппозиционные правительству силы видели в этих восстаниях кризис правящего режима и

¹ Мауль В.Я. Самозванные цари и царевичи в социокультурной ретроспективе русского бунта (до пугачевского восстания). С. 7.

² Летопись жизни и творчества А.И. Герцена. 1851–1858. М., 1976. С. 182.

стремились воздействовать на русское общество посредством печатной пропаганды. В таких условиях противостояния самодержавия и революционно-демократического движения состоялось оглашение «Манифеста» 19 февраля 1861 г., возвестившего народу о крестьянской реформе и отмене крепостного права. Однако реформа не умиротворила общественных противоречий, скорее наоборот. Текст «Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» в некоторых регионах Российской Империи в целом не устроил крестьянство, а в ряде губерний трактовался и вовсе весьма произвольно и отнюдь не в пользу власть предержащих.

Наибольшую известность получили события в селе Бездна Спасского уезда Казанской губернии, где роль лидера на себя взял грамотный крестьянин Антон Петрович Сидоров¹ (вошел в историю как Антон Петров. – С.Т.). Он толковал текст «Положения 19 февраля» в выгодном для крестьян русле. Изучая «Положения», он наткнулся на помещенный в приложении к ним примерный образец уставной грамоты, в которой была фраза: «После 10-й ревизии отпускаются на волю». А. Петров увидел в ней доказательство того, что настоящая воля была объявлена еще три года назад (10-я ревизия была в 1858 году), но помещики ее утаили. Он стал внушать крестьянам, «чтобы они не слушали помещиков и начальников, приказывал крестьянам не ходить на барщину, не платить оброка, не давать подвод и т.д.»²

Регулирование поземельных отношений между крестьянами и помещиками А. Петров формулировал следующим образом: «Помещику земля – горы да доли овраги да дороги и песок да камни лесу ему ни прута; переступит он шаг со своей земли – гони его добрым словом, не послушался – секи ему голову, получишь от царя награду».³ Естественно, крестьяне внимали ему и стекались в с. Бездна со всех окрестных уездов. В результате, сложившаяся ситуация потребовала от пра-

¹ Троицкий Н.А. Россия в XIX веке. Курс лекций. М., 1997. С. 228.

² Козьмин Б.П. Казанский заговор 1863 года. М., 1929. С. 45.

³ Крестьянское движение 1861 г. после отмены крепостного права. М.-Л., 1949. Ч. 1. С. 63.

вительства применении военной силы – около 350 крестьян оказались убиты и ранены, а сам Антон Петров 19 апреля 1861 года был расстрелян.

Обстановка в период оглашения «Манифеста 19 февраля» оставалась непростой. В 1861 г. помещичьи крестьяне практически не почувствовали изменений в своем положении. Долгожданная реформа не смогла удовлетворить их чаяний. Нельзя не согласиться с мнением Б.П. Козьмина, отмечавшего, что «полученную "волю" они почти повсеместно не признали за волю настоящую. Эта "воля" в их представлении была волей "панской", "барской", и они продолжали ждать другой воли, которая окончательно положит предел их зависимости от помещиков».¹

Именно на почве подобных настроений то тут, то там вспыхивали «крестьянские бунты». Их пик как раз пришелся на 1861 г. Для сравнения приведем следующие данные:

1860 г. – 108 выступлений;

1861 г. – 1859 выступлений;

1862 г. – 844 выступления.²

Причем многие акты коллективного протеста были теснейшим образом связаны с царистской психологией их участников. Чаще всего дело ограничивалось провоцированием и бытованием слухов, например, о «милостивых» указах царя, которые якобы изданы в интересах народа, но утаиваются изменниками-боярами. По мысли историка П.С. Кабытова, крестьянский монархизм проявлялся в самой показательной форме и явном неуважении «к присутственным местам и чиновникам при отправлении должности». Исследователь отмечал, что «многие крестьяне отделяли представителей местных органов власти от самодержца-царя. У них выработалось убеждение, что действия чиновников противозаконны, направлены против интересов крестьянства, что они искажают волю царя-батюшки» и

¹ Козьмин Б.П. Казанский заговор 1863 года. С. 8.

² Троицкий Н.А. Россия в XIX веке. Курс лекций. С. 189, 229.

«оскорбляя чиновника, они выступают против нарушителя царской воли, а не ее выразителя».¹

Таким образом, «константиновская легенда» продержалась около 40 лет, причем за этот период времени, по мнению исследователя К.В. Чистова, «особенно выделяются 1825–1827, 1831–1834, 1845 и 1861–1862 гг.». Причем, «бытование легенды в основном соответствует ритму народных движений первой половины XIX в.».² Однако не следует забывать того факта, что зачастую в эти же периоды в России активизировалась и деятельность тайных революционных обществ, которые пытались использовать легенду в своих целях.

Многочисленность народных выступлений убеждала революционные круги в реальности и возможности скорой крестьянской революции в России. Уже осенью 1861 г. А.И. Герцен бросил клич «В народ»!³ С целью объединения своих сил для подготовки крестьянской революции в 1861 г. началась мощная пропагандистская компания. Неслучайно, 60-е гг. XIX в. вошли в историю российского революционного движения, как «эпоха прокламаций».⁴

Объектом соответствующей агитации стали практически все слои русского общества. Специальную прокламацию, обращенную к помещичьим крестьянам, написал Н.Г. Чернышевский. Его воззвание «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» появилось непосредственно под впечатлением от царского манифеста и «Положений» 19 февраля 1861 г. В понятных для народа выражениях автор пытался показать барским крестьянам, что после реализации положений «Манифеста» жить им стало еще хуже, чем до отмены крепостного права. Достаточно ярко был обрисован «конфискационный» для крестьян механизм осуществления реформы (отрезки, лесные и речные угодья, сенокосы и т.д.). На примере других стран (Франция, Англия, США) автор разъяснял крестьянам, что такое настоящая воля и отвечал на им же поставленный вопрос: «А как же нам, русским

¹ Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX в. С.52.

² Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII – XIX вв. М., 1967. С. 199.

³ Пирумова Н.М. Александр Герцен – революционер, мыслитель, человек. С. 130.

⁴ Шелгунов Н.П. Воспоминания // Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания. В 2-х тт. М., 1967. Т. 1. С. 242.

людям, в исправду вольными людьми стать?». Крестьян призывали готовиться к восстанию, а для этого учиться у братьев-солдат военному делу, присматриваться к офицерам, а, главное, проводилась мысль о необходимости согласованных действий и выступлении по общему сигналу: «А когда приготовленность будет, нам тоже видно будет. Ну тогда и пришлем такое объявление, что пора люди русские, доброе дело начинать, и что во всех местах в одну пору начинается доброе дело, потому что везде тогда народ готов будет, и единодушие в нем есть, и одно место от другого не отстанет. Тогда и легко будет волю добыть. А до той поры готовься к делу, а сам виду не показывай, что к делу подготовка у тебя идет».¹

В другом воззвании «Бью челом народу православному» также разоблачался антинародный характер царской власти.² Более того, предпринимались попытки делегитимизировать ее, изобразить царя – нерусским, а, следовательно, не христианским и не защитником православного народа: «Нечего правды и лучшей доли ждать нам от царя нашего немца; он знает свои выгоды и соблюдает их, да выгоды своих верных слуг помещиков, что помогают ему давить и обижать нас». Далее автор, разоблачая грабительский характер крестьянской реформы и адресуясь к опыту безденского выступления, бросал призыв: «Встанем теперь только дружной, да без страха постоим за себя, не разбежимся от кучки солдат с ружьями, не подставим им молча головы под пули, как в Бездне подставили. Пусть узнают силу русского топора мужицкого. Покажем царю, что нельзя нас принимать вместо скота рабочего, прогоним немцев с земли своей!»³

Однако быстрого революционного эффекта в самом начале 1860-х гг. прямые печатные обращения к крестьянству не дали. Правительству, несмотря на мощный подъем стихийного крестьянского движения, удалось не допустить его сращивания с действиями революционеров из первой «Земли и воли» и отбить радикальный натиск 1861–1862 гг. В такой ситуации представители революционного движения связывали свои надежды с 1863 г., когда истек срок введения в

¹ Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. С. 92.

² Написана в декабре 1861 г.; предполагаемый автор студент Казанского университета И.Д. Пеньковский.

³ Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. С. 125.

действие уставных грамот. Среди сельчан поползли слухи, что именно в это время будет объявлена настоящая воля, и тогда не только будут прекращены их повинности по отношению к помещикам, но вся земля у тех будет отобрана и разделена между крестьянами.

Вполне уместно для оценки сложившейся ситуации привести мнение Б.П. Козьмина, отмечавшего, что «такое настроение крестьян создавало крайне напряженное и угрожающее положение. Казалось, что в 1863 г., когда крестьяне убедятся в том, что их надежды на получение от царя новой воли не оправдались, они повсеместно восстанут против помещиков и властей, и произойдет революция, превосходящая своими ужасами столь памятную дворянам пугачевщину. Ожидание грядущей крестьянской революции было широко распространено в различных кругах тогдашнего общества».¹

В связи с этим часть революционеров посчитала вполне допустимым попытаться ускорить ход событий и вызвать восстание, играя на «народном монархизме», т.е. поднять всероссийский бунт, используя в качестве катализатора подложный царский «Манифест». Для этого смелого, но авантюрного начинания была выбрана Казанская губерния, известная своими крестьянскими выступлениями 1861 г. В историю революционного движения эти события вошли под название «Казанского заговора».²

Справедливости ради надо отметить, что идея монархической мистификации зародилась в радикальных кругах близких к польским повстанцам 1863 г., но при этом она нашла горячих сторонников и среди русской революционной молодежи. Поэтому вполне правомочно утверждать, что «"Казанский заговор"... заслуживает внимания так, как является одним из проявлений сотрудничества русских революционных демократов с польскими патриотами, сотрудничества, направленного против общего врага – царизма».³

¹ Козьмин Б.П. Казанский заговор 1863 года. С. 8.

² Историография заговора рассмотрена в разделе монографии «Революционная ситуация 1859–1861 гг.». М., 1960. Лейкина-Свирская В.Р. «Казанский заговор».

³ Ковальский Ю. Русская революционная демократия и январское восстание 1863 года в Польше. М., 1958. С. 247.

Идея организации крестьянского движения в центре России была озвучена на одном из заседаний виленского комитета партии «белых». Один из его лидеров Я. Гейштор указывал в своих воспоминаниях: «8 февраля состоялось заседание комитета, на котором Иероним Кеневич представил свой проект диверсии в России, дабы оказать помощь нашему восстанию. Он хотел поднять массы народа под лозунгом наделения землей... Кеневич развивал план крестьянского движения на Волге и Каме, в местностях прославившихся в русской истории массовыми мятежами и хранивших традиции Пугачева».¹

Сам «Манифест» был написан членом московской организации «Земли и воли» Ю. Безингером – студентом-революционером, в то время служившим в армии. Затем текст был дополнен русским революционером Н.С. Скрыдловым, после чего передан в руки И.В. Кеневича.²

В документе, который стилистически напоминал царские манифесты, указывалось, что государь, уступая просьбе помещиков, с болью в сердце, приказал крестьянам оставаться в положении крепостных еще в течение 2-х лет – до 3 мая 1863 г. Поскольку же срок наступил, то манифест провозглашал: «Ныне, признав Всемогущего на помощь, настоящим Манифестом объявляем полную свободу всем верноподданным нашим, к какому бы званию и состоянию они не принадлежали. Отныне свобода веры и выполнение обрядов ее церкви составит достояние всякого.

Всем крестьянам, как бывшим крепостным, так и государственным, даруем в определенном размере землю, без всякой за оную платы как помещикам, так и Государству, в полное – неотъемлемое и потомственное их владение.

Полагаясь на верность народа нашего и признав за благо для облегчения края упразднить армию нашу, мы, отныне впредь и навсегда, освобождаем наших любезных верноподданных от всякого рода набора и повинностей рекрутских. Затем, солдатам армии нашей повелеваем возвратиться на место их родины». Далее

¹ Цит. по: Ковальский Ю. Русская революционная демократия и январское восстание 1863 года в Польше. С. 249.

² Ковальский Ю. Русская революционная демократия и январское восстание 1863 года в Польше. С. 254.

«Манифест» провозглашал отмену всяких податей, наделение земель солдат, фабричных людей и мещан, и призывал избрать по 4 представителя от каждой общины, а затем и каждого уезда. Последние должны, в свою очередь, выбрать губернские власти, а съезду местных представителей в Москве надлежит образовать государственный совет, который будет управлять вместе с царем. Также в «Манифесте» извещалось, что каждый, кто воспротивится воле царя, будет рассматриваться как враг, и «пусть каждый встанет на борьбу с ними». Манифест был датирован 1 марта 1863 г. и подписан именем Александра II.¹

Этот «Манифест» был отпечатан в г. Фридрихсгаме (Норвегия) в количестве 42 тыс. экземпляров, затем доставлен в Финляндию, и, наконец, в Санкт-Петербург, где уже попал в руки И.В. Кеневича.²

Таким образом, центральной фигурой заговора был И.В. Кеневич, а ближайшим помощником М.А. Черняк, поручик 48-го пехотного Одесского полка. К тому же, он являлся членом казанского комитета «Земли и воли», но после того как «землевольты» не одобрили предложений И.В. Кеневича и М.А. Черняка, последний вышел из состава «Земли и воли». Впрочем, это не мешало ему при общении с радикально настроенной молодежью выдавать себя за члена «Земли и воли». Вскоре им удалось вовлечь в заговор нескольких лиц, проходивших срок испытания для поступления в «Землю и волю», в первую очередь штабс-капитана Н.К. Иваницкого, а также офицеров Р.И. Станкевича, А.Е. Мрочека и студента И.Я. Орлова.³

Вообще дело заговора в Казани в целом имело благодатную почву, там, среди студентов, существовала весьма обширная организация. Студенты были разделены на несколько кружков, находящихся в отношениях с Центральным Комитетом «Земли и воли».⁴ Представители этих студенческих кружков в то время

¹ Ковальский Ю. Русская революционная демократия и январское восстание 1863 года в Польше. С. 255.

² Там же.

³ Козьмин Б.П. Казанский заговор 1863 года. С. 56.

⁴ О серьезности организации говорит тот факт, что только один из студенческих кружков имел состав до 50 человек.

выступали в роли апостолов, как называли лиц, ходивших в народ с прокламациями.¹

Сторонники заговора пытались привлечь к нему и революционно настроенных студентов. В частности, И.М. Красноперов на допросе показал, что «Иваницкий говорил много и бойко. Сначала он говорил о своем участии в Крымской компании, потом распространялся о том, что его любят все солдаты, говорил о стрельбе из ружей о том, что в Ижевском заводе он надеется получить 20 тыс. ружей... Из его слов можно было заключить, что он готовится к какому-то восстанию и потому желал привлечь на свою сторону молодых людей из студентов».²

В конце концов, когда дело сочли более-менее подготовленным, 15 марта 1863 г. состоялось встреча М.А.Черняка с казанскими студентами, ход которой по протоколам дознания реконструировал Б.П. Козьмин. Она проходила на квартире врача Ф.И. Бургера, где присутствовали, кроме хозяина, М.А. Черняк, Н.К. Иваницкий и студенты В.М. Полиновский, А.С. Сергеев, С.Я. Жеманов, А.Я. Щербаков и К.В. Лаврский. М.А. Черняк рекомендовался агентом русского революционного комитета «Земли и воли» и предъявил клочок почтовой бумаги, на котором было написано: «Предъявителю сего верить. Бакунин».

Затем М.А. Черняк рассказал, что он принадлежит к «партии действия», выделившейся из комитета вследствие его пассивности, и поделился планами организации восстания. «Восстание нужно начинать как можно скорее, – говорил М.А. Черняк. – Вряд ли мы дождемся когда-нибудь в другой раз такого благоприятного стечения обстоятельств... Восстание должно начаться в Казанской губернии, как самой удобной в стратегическом отношении. Отсюда оно пойдет по Волге, перейдет на Урал и Дон, а с Дона его направят так, чтобы оно соединилось с восстанием в Польше. Начинать нужно до начала полевых работ».

Далее, о более конкретных обстоятельствах, говорил уже Н.К. Иваницкий. Отвечая присутствующим, что они могут сказать о «настроении народа и какими средствами их партия думает действовать на народ», М.А. Черняк заявил, что на

¹ Козьмин Б.П. Казанский заговор 1863 года. С. 58.

² Цит. по: Козьмин Б.П. Казанский заговор 1863 года. С. 78.

этот вопрос он не может дать определенного ответа, пока донесения разосланных по России агентов не выяснят положения (никаких агентов, конечно, не было. – С.Т.). На следующий вопрос М.А. Черняк ответил, что «их партия решила действовать на народ от имени царя и для этой цели заготовила манифесты, в которых крестьянам обещаны земля и разные права». Заявление М.А. Черняка произвело на студентов крайне неблагоприятное впечатление, и завязался спор, в конце которого М.А. Черняк заявил: «Когда Гарибальди делал высадку в Сицилии, его также называли сумасшедшим. Я даю Вам слово, что во всяком случае в апреле мы начнем одни; подумайте». На другой день представители от казанских студентов В.М. Полиновский и С.Я. Жеманов пришли к М.А. Черняку и заявили, что на организацию восстания в Казани и окрестностях они согласны, но в качестве средства для возбуждения народа они будут употреблять не подложные манифесты, а свои прокламации.¹

К несчастью для организаторов заговора Н.К. Иваницкий познакомился со студентом Казанского университета Иваном Глассоном, который оказался провокатором, и уже 3 апреля 1863 г. подробнейшим образом доложил III Отделению о подготовке восстания в Казани. Информацию о готовящемся выступлении довели до местных властей, и те объявили губернию фактически на осадном положении. В конце апреля – начале мая 1863 г. начались аресты. 29 апреля были одновременно произведены обыски у Н.К. Иваницкого, С.Я. Жеманова и И. Глассона. На квартире Н.К. Иваницкого был найден «Манифест», листовки «Земли и воли» и пр. Жандармерия арестовала Н.К. Иваницкого и С.Я. Жеманова, а потом последовали массовые аресты. И.В. Кеневич, М.А. Черняк и Р.И. Станкевич были арестованы значительно позднее, в частности, И.В. Кеневич – в начале июня 1863 года в тот момент, когда переходил русскую границу.²

Следствие продолжалось до конца 1863 г. Следственная комиссия разделила всех обвиняемых на три категории. К первой из них причислили так называемых

¹ Козьмин Б.П. Казанский заговор 1863 года. С. 82–84.

² Ковальский Ю. Русская революционная демократия и январское восстание 1863 года в Польше. С. 279–281.

«главных вдохновителей и организаторов» Н.К. Иваницкого, И.В. Кеневича, А.Е. Мрочека, Р.И. Станкевича, а также русского офицера Н. Михайлова, И.Я. Орлова, А.И. Маевского, Госьцевича, Ф.И. Новицкого и А.С. Олехновича. Все они были преданы военно-полевому суду, и, по приговору, четверо – И.В. Кеневич, Н.К. Иваницкий, А.Е. Мрочек и Р.И. Станкевич – 6 июня 1864 г. были казнены, остальные получили длительные сроки каторжных работ. М.А. Черняка, арестованного позже, расстреляли 11 октября 1865 г.¹

Так трагически закончился широко задумывавшийся и построенный на мистификации «от имени царя» «Казанский заговор». В нем нельзя видеть только интриги польских революционеров против русского правительства, несмотря на то, что идею с подложным манифестом русские революционные круги в целом не приняли. Отчетливее всех данную позицию выразил А.И. Герцен: «Мы не сомневаемся, что это воззвание сделано людьми благородными, но не сообразившими... что они в нем поддерживают старую несчастную мысль, что царь хочет дать настоящую волю, только ему все кто-то мешает, в то время, когда ясно что... он сам настоящей воли дать не хочет».²

Активное привлечение к заговору казанской революционно настроенной молодежи, хотя в большинстве своем и порицавшей поляков за использование подложного манифеста, но все-таки готовой выступить вместе с ними, свидетельствовало, что желание непосредственного революционного действия в отсутствие широкого народного движения толкало русских революционеров в сторону мало испытанных способов воздействия на крестьянские массы, среди которых было использование идей «народного монархизма».

Что касается реального воздействия подложного «Манифеста», то власти оценили его как не принесшее революционерам никакого результата. Полковник С.А. Слуцкий, бывший депутатом от военного ведомства в следственной комиссии, расследовавшей казанское дело, в особой записке, представленной началь-

¹ Козьмин Б.П. Казанский заговор 1863 года. С. 122–126.

² Цит. по: Ковальский Ю. Русская революционная демократия и январское восстание 1863 года в Польше. С. 247.

ству, утверждал, что «распространение манифеста не произвело в народе вредного влияния и, напротив, вызвало в нем сильное негодование на злоумышленников». Думается, однако, что он несколько лукавил и старался выдать желаемое за действительное. Б.П. Козьмин, детально исследовавший «Казанский заговор», отмечал, что «имеются указания на то, что в некоторых местах Тамбовской и Саратовской губерний крестьяне на первых порах отнеслись к манифесту с "живым участием", полагая, что "это – милость царская", а в Пензенской губернии из-за манифеста произошли крестьянские волнения, потребовавшие вмешательства военной команды».¹

Таким образом, незавершенность крестьянской реформы, сохранение крепостнических пережитков, а в более широком смысле слова – нерешенность аграрного вопроса, помноженные на наличие в сознании простонародья мощнейших пластов традиционной культуры, завязанных на вере в «царя-батюшку», оставляли для революционеров последующих поколений соблазн воспользоваться нестареющей идеей «народного монархизма». Только теперь на смену монархическому самозванчеству пришло так называемое «вельможное самозванчество».

Подобный тип самозванчества возникает, если самозванец выдает себя не за самого государя, а лишь за его представителя, и действует как бы от имени и по поручению царя. Одним из важных аргументов в завоевании народного доверия являлось использование «вельможными самозванцами» подложных царских документов. Именно так в дальнейшем действовали организаторы «Чигиринского заговора». Непосредственным предтечей «чигиринцев» в подобном способе воздействия революционеров на социальные низы с целью их антиправительственного возбуждения явился в начале 1870-х гг. уроженец г. Саратова из дворян П.В. Григорьев, и, самое удивительное, что заодно с ним выступил известнейший русский литератор Г.И. Успенский.²

При реализации своего замысла П.В. Григорьев исходил из простой мысли, что в силу крестьянского невежества будет достаточно все той же «константинов-

¹ Козьмин Б.П. Козьмин Б.П. Казанский заговор 1863 года. С. 99.

² Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. В 2-х кн. М., 1930. Кн.1. С. 241–242.

ской легенды» для организации мощного бунта. В саратовских кружках П. В. Григорьев слыл вообще оригиналом. При этом знавшие его люди отмечали у него редкие способности «к пропаганде среди крестьян при умении владеть в совершенстве простонародным языком; говорили о большой склонности к литературе, вероятно, находившей приложение в то время в составлении каких-нибудь прокламаций, но никогда не упоминали, чтобы он пытался претворить в дело свою идею».¹ Однако случай свел его с Г.И. Успенским, о котором хороший знакомец последнего А.И. Иванчин-Писарев писал: «Как часто бывало в сношениях этого большого писателя и человека с людьми, искавшими общения с ним, последние до такой степени очаровывались его умом, проницательностью и обаятельными свойствами его характера, что чувствовали потребность не только говорить с ним совершенно откровенно, но и проверять правильность своих взглядов освещения предмета с точки зрения любимого писателя. Неудивительно поэтому, что Григорьев договорился с Глебом Ивановичем до своей теории о "самозванце"».²

Оценивая личность Г.И. Успенского, мемуарист отмечал, что «в те годы в его характере сказывался временами какой-то игривый задор, толкавший его в сторону поступков, казавшихся в другое время невыносимыми в связи с его обычной сдержанностью. И вот в голове Успенского мелькнула мысль: "а если попробовать "Константина"».³

Действовать решили зимой в Тульской губернии. Роль «Константина» играл Г.И. Успенский, а П.В. Григорьев представлялся «его молочным братом», и они таким дуэтом начали объезжать деревни. В период этих вояжей повозка останавливалась около окрестных кабаков, и П.В. Григорьев отправлялся внутрь для беседы. Г.И. Успенский так описывал дальнейшее автору мемуаров: «Я лежу, закрылся плотнее, а мамкин сын пошел в кабак... Что он там говорил, что делал — не знаю, только выходит из кабака в сопровождении двух-трех мужиков и несет

¹ Иванчин-Писарев А.И. Хождение в народ. М.-Л., 1929. С. 409.

² Там же.

³ Там же, с. 410.

бутылку водки со стаканчиком. Снял шапку. "Отведайте, говорит, ваше высочество!"... Угостивши верноподданных остатками водки, мамкин сын вернулся наконец; вскочил на облучек, а на крыльце кабака – уже с пяток мужиков. "Помалкивай, ребята! Знай, наша будет!" – крикнул он и с этими словами стегнул лошаденку». Так проехали еще две-три деревни. По оценкам все того же Г.И. Успенского, его попутчик был великолепен: «Какая выдержка! Какое умение плести что-то несурзное, загадочное. Кажется вот несусветная чепуха, а суеверные умы что-то улавливают, в простых сердцах загорается надежда».¹

Успех этой, на первый взгляд, нелепой игры двух образованных людей в «Константина» подтверждал неплохое знакомство нашей интеллигенции с народной психологией. В этой связи уместно вспомнить высказанное в литературе мнение, что в качестве «театрализованного действия» «самозванчество актуализировало социокультурные связи с миром народной смеховой культуры, в том числе с так называемой "игрой в царя", правила которой были запрограммированы в традиционной ментальности». Но в этой «самозванческой игре» претенденту обязательно требовалось доказать правомерность своих притязаний на сакральный статус или имя.²

В рассмотренном выше случае таинственное обрамление встречи с «венценосной персоной», определенный стиль поведения не только ее самой, но и особенно лица из ее окружения, могли выступать весомым фактором воздействия на народные души. Несомненно, произведенный самозванцами эффект мог быть достигнут только тогда, когда почва для него была подготовлена слухами среди крестьян, что помещики обманом скрыли истинную царскую волю, прописанную в манифесте 1861 г.

Именно так вели себя в данной ситуации обе «высокие особы», что оказывало предполагавшееся ими воздействие на крестьян. Об этом свидетельствуют воспоминания самого Г.И. Успенского: «Наутро двинулись в обратный путь... –

¹ Иванчин-Писарев А.И. Хождение в народ. С. 411.

² См. подр.: Мауль В.Я. Самозваные цари и царевичи в социокультурной ретроспективе русского бунта (до пугачевского восстания). С. 37.

Вот посмотрите, что сегодня выйдет! – сказал Григорьев, – я предупредил, что поедем назад. В этот раз уже не заворачивали к кабакам... И вдруг, представьте, у одной околицы – целая толпа! Встречают с хлебом-солью!.. Я закутался поплотнее. Вижу, поснимали шапки, опускаются на колени... Григорьев остановил лошадь – толпа хлынула к саням. "Рано православные, – говорит мамкин сын, – рано! Нельзя ему обозначаться! Молчок, ребята, молчок!... Вдруг: "Ваше высочество, обнадежьте их милостивыми словами!"... Что тут делать? Пробормотал что-то не своим голосом... Уж и натерпелся я страху! – Говорил Глеб Иванович и с большой тоской в голосе прибавил: – А ведь мамкин-то сын прав оказался!»¹

В этой «забавной» истории революционеры не то чтобы проводили какую-то «разведку боем» с прицелом на будущее, сколько «безобидно» развлекались от души, не планируя продолжения соответствующих экспериментов, либо же информация о таковых не сохранилась. Однако при определенных условиях сведения о результатах подобного рода мистификаций могли быть сочтены вполне удачными и стать отправной точкой для действий последующих революционных групп.

Из всех вышеприведенных фактов следует, что уже с первой четверти XIX века в российском революционном движении, наряду с другими формами (военная революция, заговор и пр.), использовались идеи «народного монархизма» с целью воздействия на общественные низы для втягивания их в борьбу за водворение новых социальных идеалов. В качестве фитиля, который должен был привести массы в движение, задействовались «константиновская легенда», самозванчество «вельможного» типа и распространение благоприятных для народа слухов с помощью качественно выполненных подложных царских манифестов.

Особой активностью отличалось «вельможное самозванчество» в пореформенный период, когда половинчатая и плохо понятная крестьянству реформа 1861 г. давала повод многочисленным слухам и спекуляциям на тему несправедливого решения земельного вопроса и породила слухи о «черном переделе» всего помещичьего земельного клина. Для революционно настроенной молодежи начала

¹ Иванчин-Писарев А.И. Хождение в народ. С. 412.

1870-х гг., под влиянием бунтовской проповеди М.А. Бакунина жаждавшей прямого и активного действия, обращение к «монархической идее», замешанной на вере крестьян в доброго «царя-батюшку», оставалось еще одним пока не использованным до конца тактическим резервом, сила которого потенциально была способна поднять народ на восстание против власти.

§ 1.2. Крестьянское движение в Чигиринском уезде в период с конца 1860-х до 1875 г.

История крестьянского движения в Чигиринском уезде Киевской губернии своими корнями уходит в далекое прошлое. Его особенность, как отмечал ряд исследователей, состояла в том, что крестьяне сознавали свою борьбу за землю как продолжение героической деятельности их предков – «вольных казаков», которая велась в XVI–XVIII вв. По мысли историков, именно это придавало крестьянам стойкость и упорство в отстаивании своих требований.¹

Повсеместные слухи, порожденные подготовкой крестьянской реформы, также затронули жизнь Правобережной Украины. Постепенно грядущие ожидания сельского населения облекались в мечты о возвращении благословенных времен казачьей вольницы. Все чаще в обывательской среде слышались рассказы о том, что «мужики не хотят больше быть панскими, что Кармелюк вернулся из Сибири, вырежет всех панов по селам и пойдет с мужиками на город».²

В предреформенный период, находящийся в благодатных климатических условиях Чигиринский уезд в социально-экономическом отношении представлял собой следующую картину: 80 помещиков владели 112 000 дес. пашенной и сенокосной земли, 33 170 дес. леса; 11 704 хозяйств помещичьих крестьян занимали 37 707 дес. пашенной земли. Площадь казенных (государственных) земель составляла 107 000 дес., из них пригодной – более 53 000, леса – более 2000 дес. и

¹ См., напр.: Пойда Д.П. Крестьянское движение в Правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). Днепропетровск, 1960. С. 199–200; Кислицына И.Л. Бакунизм на юге России (70-е гг. XIX века). Владивосток, 1992. С. 136–137.

² Короленко В.Г. История моего современника. Т. 1. М., 1976. С. 78.

непригодной – более 31 000 дес. Незначительную часть этой площади занимали казенные (государственные) крестьяне – около 4 000 хозяйств, большая же часть была во владении чиновников–дворян, в арендованном владении, или же составляла запасные площади.¹

С «1839 г. все бывшие "старостские поместья"², а также находившиеся в Чигиринском уезде имения, отобранные от духовных корпораций и конфискованные у частных лиц, поступили в ведение Министерства Государственных Имуществ. При этом оказалось, что в некоторых из них существовал так называемый "майоратный порядок" устройства крестьян, основанный на владельческих записях и отбывании барщины натурой, между тем как в других – крестьяне платили только денежный подушный оброк».³

В результате, в течение 1839–1846 гг. для государственных крестьян Чигиринского, как и других уездов, всевозможные барщинные повинности заменили оброком в казну.⁴

Даже правительственные источники отмечали, что «при таких разнообразных условиях, в коих находились крестьяне юго-западной части Чигиринского уезда, поземельное устройство их, по общей единообразной системе, основанной

¹ Сенченко О.С. Чигиринські події 1870-х років // Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). Харків, 1934. С. 3.

² Старостские поместья – Юго-западная часть Чигиринского уезда Киевской губернии составляла в XVII и XVIII столетиях собственность Польской короны и состояла из многочисленных поместий и земельных участков, раздаваемых польскими королями вельможам и сановникам во временное, а впоследствии и в потомственное владение. Лица, получившие таким образом коронные земли, назывались «старостами» и имели на таковые почти полное право собственности, ограниченное лишь обязанностью уплачивать известную часть своего дохода на содержание королевского войска. Начиная с 1774 г. старостские поместья стали раздаваться на эфитестиническом праве (эфитестиническое право – это вещное, наследственное, отчуждаемое право владения и пользования чужой землей с обязанностью вносить арендную плату в пользу собственника и не ухудшать имения – С.Т.), причем сроком на 50 лет, вследствие чего польские вельможи стали полными хозяевами пожалованных им участков земли и устраивали положение принадлежащих к последним крестьян, по личному своему усмотрению, оставляя их на оброке или же возлагая на них отбывание барщины натурой. // ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 477. Л. 198об.

³ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 477. Л. 109–109об.

⁴ Сенченко О.С. Чигиринські події 1870-х років // Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 3.

на оброчном положении и на установленных Министерством Государственных имуществ, люстрационных актах вызывало множество затруднений».¹

Киевский губернатор Н.Н. Гессе указывал на ряд социокультурных особенностей данной территории: «Местность, в которой расположены одиннадцать волостей бывших государственных крестьян, в числе 28 000 душ, представляет резкое отличие от прочих местностей не только Чигиринского уезда, но и всей Киевской губернии. Занимая пространство между реками Днепром и Тясмином, сходящиеся как бы треугольником до впадения последней в первую, сорок слишком деревень, составляющих сказанные волости, расположены двумя полосами на сыпучих песках, окаймляющих сказанные речки. Многие из этих деревень тянутся на значительное пространство (до 8 верст), и часто одна деревня соединяется с другою без особенных промежутков. За волостями Чигиринского уезда следует в таком порядке еще 8 волостей бывших государственных крестьян, расположенных в Черкасском уезде. Также резко отличаются бывшие государственные крестьяне и от прочего населения Киевской губернии. Потомки некогда выходцев из-за Днепра, принадлежащих к казачьему сословию, они сохранили буйный оттенок в своем характере».²

В такой обстановке 16 мая 1867 г. последовал Высочайший указ правительствующему сенату о поземельном устройстве государственных крестьян в 9 западных губерниях, на основании которого государственным крестьянам этих губерний были предоставлены в собственность земли и угодья, отводимые им в надел посредством выкупа с рассрочкой выкупных платежей. Все это излагалось в «Правилах 20 октября 1867 года для составления, предъявления и утверждения люстрационных актов» и в «Инструкции люстрационным комиссиям о производ-

¹ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 477. Л. 109об. Люстрация – периодическая опись государственного имущества для учета доходов в финансовых и военных целях. Ее проведение имело целью получить сведения о земельных угодьях и других принадлежностях казенных имений, средствах производства, находившихся у крестьян, установить новое распределение земель между ними, определить на основании поземельной оценки хозяйственные повинности крестьян и рассчитать доходы от использования земель и оброчных статей.

² Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). Харків, 1934. С. 80.

стве поверочных люстрационных работ». Действия поверочных люстрационных комиссий, на основании ст. 10 инструкции, должны были состоять:

- 1) в обходе границ каждого селения;
- 2) в устройстве крестьянского землевладения; в отводе, земель для безземельных крестьян: бобылей и огородников, а также для отставных солдат и переселенцев из лиц русского происхождения;
- 3) в отводе земель для разных назначений и в образовании из земель, какие затем останутся свободными, участков для продажи лицам русского происхождения;
- 4) в изготовлении планов и других документов;
- 5) в классификации и оценке земель, а также и в исчислении люстрационных за земли доходов и оброков;
- б) в составлении ведомости об окончательных результатах поверочно-люстрационных работ.

Составленные на основании этой инструкции люстрационные акты должны быть люстрационными чиновниками, на основании ст.28 правил 20 октября 1867 г., предъявлены крестьянам в присутствии мирового посредника, о чем и составляется акт. В случае каких-нибудь против люстрационных актов возражений, последние вносятся в особый протокол, который вместе с люстрационным актом, передается на окончательное рассмотрение и утверждение губернского по крестьянским делам присутствия (ст. 33.). Губернское присутствие делает окончательное постановление об утверждении тех люстрационных актов, которые оно признает правильными, и исправлении тех актов, по коим возражения будут признаны уважительными, с правом понижения в известном размере выкупных платежей (ст. 34.).¹

В указанных особых случаях губернское по крестьянским делам присутствие должно было представлять спорные моменты на разрешение министра государственных имуществ.

¹ Чигиринское дело (по официальным источникам) // Киевлянин. 1877. № 95.

Несмотря на то, что бывшие государственные крестьяне получили земли несколько больше чем помещичьи, малоземелье было бичом для черноземных губерний западных губерний в целом. По данным на 1873 г., в 10 волостях Чигиринского уезда у бывших государственных крестьян числилось 57 196 десятин удобной земли. В этих волостях насчитывалось 7779 крестьянских дворов и 24 364 души мужского пола. Несложные арифметические расчеты дают следующую картину. В среднем на двор приходилось 7,35, а на одного человека мужского пола – 2,34 десятины земли.¹

Хотя в действительности в уезде было достаточное количество земли, но при господствовавшей там «подворно-участковой системе крестьянского землепользования основное количество удобных земель было захвачено кулаками».²

Кроме того, непомерные выкупные платежи, заменившие оброчную подать, тяжелым бременем легли на плечи крестьянской бедноты. Парадокс ситуации был в том что, несмотря на существующий участковый способ надела землей, подушная подать и другие сборы с крестьян собирались по душевой раскладке. И для бедных крестьян это была фактически непосильная ноша. Например, в 1870 г., по данным киевской люстрационной комиссии, причиталось с бывших государственных крестьян Чигиринского уезда подушной подати и различных налогов до 5 рублей с души. «Таким образом, – сообщал начальник киевской люстрационной комиссии Труль, – даже вовсе безземельный крестьянин, имеющий однако 4 души, одних подушных сборов обязан платить около 20 рублей, что равняется уже местной наемной оплате годовому работнику».³

Поэтому уже на первых порах деятельность люстрационных чиновников встретила серьезные трудности, которые были порождены требованиями крестьянами душевой разверстки земель в размере 5 десятин на душу. Особую активность движение за душевой передел на Чигиринщине приобрело в начале 1870 г.

¹ Цифры взяты из источника: Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 29–31.

² Пойда Д.П. Крестьянское движение в Правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). С. 197.

³ Центральний державний історичний архів України у м. Києві (ЦДІАК України). Ф. 442. Оп. 310, 1871 г. Д. 328. Л. 5.

Началось оно с выступления крестьян с. Субботова, заявивших на сельском сходе начальнику киевской люстрационной комиссии, «что царь даст крестьянам такое количество земли, а если невозможно будет за недостатком земли, то отберет землю у помещиков и раздаст крестьянам».¹

Вслед за субботовцами такую же позицию заняли крестьяне других сел Чигиринского уезда. Они решительно требовали раздела всех земель, включая помещичьи, которые, по их мнению, «в недавнее время отрезаны для них правительством собственно для панов».²

Указания на то, что крестьяне подкрепляли свои требования ссылками на царскую справедливость, содержатся и в официальных источниках, отмечающих, что «подобные стремления были вызваны непониманием законоположений, относившихся к поземельному устройству, а также ложным слухом о существовании какого-то "Царского указа" о всеобщем переделе земель, скрытого будто бы чиновниками и духовенством».³

Сложившаяся социально-правовая коллизия стала результатом своеобразного столкновения векового, мощно укоренившегося в крестьянских представлениях мифа о милостивом царе-батюшке, пришедшего из русского средневековья, с менявшейся социально-экономической реальностью Нового времени. Ярким примером неизбежного ментального противоречия была трагедия крестьянских ходяков-челобитчиков. Очень хорошо об этом сказано у В.Г. Короленко: «В те годы ходяки тучами летели в Петербург. Это было целое бытовое явление. Они шли к царю, освободившему народ, с надеждой, что он на их стороне, что он стоит за правду. А от министерств и сената они получают лишь формальные ответы: не хватает документа, пропущен срок обжалования, статьи такие-то и такие-то, им чуждые и непонятные. Конечно, часто представления этого крестьянского мира были совершенно фантастичны, и самому широкому государственному строю порой приходилось бы вступать с ними в столкновения. «Народной правде», выне-

¹ Пойда Д.П. Крестьянское движение в Правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). С. 200.

² Там же.

³ ГАРФ. Ф. 112. Оп.1. Д. 477. Л. 110.

сенной из глубины прошлых веков, возникшей и сложившейся при других условиях, противостоял весь уклад, современной жизни, основанной на началах римского права. Это была, конечно, трагедия, но разрешить ее можно было бы только пристальным вниманием к глубоким народным запросам, широким просвещением и законностью».¹ Однако представители власти особенно на местах зачастую оказывались отнюдь не на высоте положения и скорее провоцировали углубление конфликта, нежели пытались разрешить сложившийся многовековой клубок проблем, и здесь, к сожалению, Чигиринский уезд также не был исключением из общего правила.

Начавшееся в нем стихийное крестьянское движение привлекло к себе внимание властей. По сводкам III Отделения, начиная с 1868 г., «обнаружился целый ряд волнений между государственными крестьянами Чигиринского и Черкасского уездов Киевской губернии вызвавший некоторые правительственные мероприятия и уголовные преследования за преступления совершенные крестьянами. В этих волнениях выразились в начале стремления большинства государственных крестьян Черкасского и Чигиринского уездов к изменению земельного устройства созданного Высочайшим указом от 16 мая 1867 г. в смысле равномерного наделения землею на душу мужского пола, при том в количестве от 5 до 15 десятин. Такие стремления порождены были, как видно, непониманием крестьянами относящихся до их земельного устройства законоположений, вызванного быть может, и не вполне ясной редакцией некоторых статей инструкции 20 октября 1868 г для составления предъявления и утверждения люстрационных актов и нелепых слухов о существовании какого-то "Царского указа" скрытого чиновниками о всеобщем переделе земель».²

В сложившейся ситуации министерство государственных имуществ обратилось в Главный комитет по устройству сельского состояния с предложением обсудить требования бывших государственных крестьян Киевской губернии и принять по этому вопросу решение. Однако генерал-губернатор Юго-западного края

¹ Короленко В.Г. История моего современника. Т. 3. М., 1976. С. 30.

² ЦДІАК України. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157. Л. 22.

А.М. Дондуков-Корсаков выступил против возможного удовлетворения требований крестьян о душевом переделе земли. В своем представлении на имя министра государственных имуществ он писал: «Ничто не может быть вреднее поголовного уравнивания земель и повинностей между всеми крестьянами. При такой всеобщей нивелировке полагаются непреодолимые преграды людям, одаренным от природы способностями, радушием и трудолюбием выбиться из общего уровня посредственности. Если все крестьяне будут одинаково наделены малыми участками земли, едва достаточными для пропитания и платежа податей, то они навсегда составят отдельный класс, не имеющий ничего общего с другими небольшими землевладельцами, владеющими своими землями на праве полной собственности, а не общинно».¹

Далее в своей записке для разрешения существующей проблемы он предлагает следующее: «По всем сим соображениям я считаю нужным обратиться к в/в-ву с покорнейшею просьбою положительно отказать в домогательстве некоторых обществ заменить участковое пользование душевым переделом земель. Но, если вопреки справедливости, народным обычаям, существующим узаконениям и общей государственной пользе дело это уже решено и совершенно неожиданно для меня дозволено по желанию безземельных крестьян заменять подворное владение душевым, то я убедительно прошу приостановить по крайней мер объявление крестьянам об этом дозволении до тех пор, пока не будут окончены все отводы наделов в помещичьих имениях».²

В результате дальнейшего рассмотрения вопроса в столице Главный комитет 28 мая 1870 г. принял постановление, в котором признавал оба способа владения крестьянским наделом – участковый и общинный (душевой) – «имеющими равное значение перед законом». Главный комитет нашел возможным не препятствовать переходу бывших государственных крестьян к подушному землевладе-

¹ Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 22.

² Там же, с. 24.

нию, «но не иначе как под условием, чтобы при этом права каждого крестьянина были совершенно ограждены от посягательства других членов общества».¹

О причинах крестьянского движения в начале 1870-х гг. сохранились свидетельства жандармского полковника В.Д. Новицкого, служившего тогда в Киеве. Он отмечал, что «пока крестьяне, эти, по определению прежней люстрационной комиссии платили оброк соразмерно достоинству и пространству отведенных им участков земли, до тех пор они довольствовались своим положением, исправно платили оброк и другие государственные повинности... большая часть населения, наделенная малыми наделами пространством от 1 до 6 десятин на двор, пополняли эти платежи доходами от значительных заработков в Херсонской губернии, где при душевом наделе по 5 десятин земли, весьма плодородной, в имениях помещиков ощущается постоянный недостаток в рабочих руках ... В таком положении крестьянство пребывало до 1867 г. вплоть до издания высочайшего указа о переводе крестьян государственных имуществ на выкуп, а 28 мая 1870 г. последовал указ, в силу которого было разрешено перевести крестьян означенной местности на общинное пользование землею, но уже без всякой прирезки, а только предоставлением им права передела всей вообще земли между собою, причем требовалось еще, чтобы в определенный срок крестьяне составили письменный договор с поименованием в нем каждого хозяина, изъявляющего согласие уступить свой участок обществу, для раздела между его членами, чтобы означенный передел был совершен ими полюбовно и без всякого содействия со стороны правительства».²

Именно в этих метаморфозах В.Д. Новицкий усматривал основные причины последовавших затем беспорядков. «Такой оборот дела крестьян Киевской губернии, не сочувствующих вовсе общинному владению, как совершенно для них чуждому и непонятному, – по мнению В.Д. Новицкого, – до крайности их озадачил, тем более, что, домогаясь, надела до 5 десятин на душу, даже те крестьяне,

¹ Пойда Д.П. Крестьянское движение в Правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). С. 201.

² Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991. С. 104–105.

которые владели наиболее крупными участками, доходящими до 18 десятин на двор, ожидали приращения своего благосостояния».¹

Кроме того, это обстоятельство отмечал и губернатор Н.Н. Гессе: «Главная причина волнения крестьян... желание получить земельный надел в количестве 5 десятин, по примеру соседних с ними крестьян Херсонской губернии».²

В целом сложно не согласиться с мнением исследователя Д.П. Пойда о том, что «постановление от 28 мая 1870 г. ... было принято именно для того, чтобы убедить крестьян, требующих душевого передела земель в невыгодности этого, и этим сохранить прежний участковый способ владения землей».³

В такой обстановке в 1872 г. люстрационные работы были окончены, и составленные акты предъявлены крестьянам. С этого времени протестная активность селян резко увеличивается, и вскоре движение приобрело массовый характер, охватывая все новые территории, но идеологический центр сопротивления устойчиво сохранялся за Чигиринским уездом.

К 1873 г. ситуация еще более обострилась. Это отчетливо видно из «Записки», составленной в Канцелярии киевского, подольского и волынского генерал-губернатора о причинах возникновения движения среди бывших государственных крестьян в Чигиринском уезде против люстрационных актов (март 1873 г.): «В некоторых селениях Чигиринского у. [уезда] при предоставлении крестьянам люстрационных актов в начале минувшего февраля месяца произошли беспорядки. Начались эти беспорядки, как видно из донесений губернатора, в с. Трушевицах и выразились в том, что когда местный мировой посредник, приступая к предъявлению люстрационного акта, предварительно пригласил... тамошнего священника для совершения благодарственного молебна, то крестьяне, отказались слушать и молебен и люстрационный акт, который также был передан священнику для прочтения, заявили о своем желании получить не менее 5 десятин земли на душу. В то же время, чтобы не дать возможности засвидетельствовать в волост-

¹ Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. С. 104–105.

² Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 80.

³ Пойда Д.П. Крестьянское движение в Правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). С. 202.

ном правлении какие-либо документы, крестьяне с угрозами взяли у старшины печать волостного правления, а от других должностных лиц их штемпеля».¹

Естественно, что реакция чигиринских крестьян во многом объяснялась их тяжелым экономическим положением. Однако, несомненно, «масла в огонь» подливали сама обстановка в пореформенной деревне и механизм проведения земельных преобразований на Правобережной Украине, непонятный селянам и порождавший их открытое недовольство. Надежды на осуществление справедливого с точки зрения крестьян земельного передела реанимировали в их сознании различные монархические чаяния в виде слухов о косвенном участии «царя-батюшки» в восстановлении социальной правды. Свое воплощение такие умонастроения нашли в расплзающихся по провинциальной Украине вымышленных историях о неких «царских грамотах», в которых венценосцу отводилась едва ли не ключевая роль.²

Свидетель тех событий В.Г. Короленко, живший тогда с родителями в Житомире, так описывал происходящее: «Потом стали толковать о каких-то "золотых грамотах", которые появлялись неведь откуда на дорогах, в полях, на заборах будто "от самого царя", и которым верили мужики, а паны не верили, мужики осмеливались, а паны боялись... Затем грянула история о "рогатом попе"... Эта глупая сказка попала в настроение ожидания: "Щось буде!" Что именно будет, — неизвестно... Золотые грамоты, бунты мужиков, убийства, рогатый поп... вообще нечто необычное, тревожное, небывалое».³

В дальнейшем эти ожидания и помыслы нашли выражение в протестных выступлениях крестьян в начале 1870-х гг. в Киевской губернии. По итогам проведенного расследования было установлено, что «между крестьянами, неудовлетворенными положением комитета об устройстве сельского состояния 28 мая 1870 г., состоялось убеждение, что и это не настоящий Царский указ, что подлинный скрыт чиновниками, а потому ни под каким видом не следует соглашаться с

¹ Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг. Сб. док-тов. М., 1968. С. 123.

² Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции. М. 1993. Т. 21. С. 90.

³ Короленко В.Г. История моего современника. Т. 1. М., 1976. С. 73.

люстрационными актами; при этом находя, что никакие жалобы не могут быть правильно разрешены на месте, крестьяне решили жаловаться лично государю императору и ожидать другого "настоящего Царского указа", который удовлетворит все их желания».¹

В результате в селах Чигиринского уезда сформировались две противоборствующие силы. Бедноту и часть середняков, настаивавших по-прежнему на душевом переделе земель и требовавших по 5 десятин на душу, стали называть «душевиками», а зажиточную часть крестьянства именовали «актовиками» (подписавшиеся под актами, закреплявшими за ними участки земли).

В такой напряженной ситуации из крестьянской среды выделились харизматические предводители протеста. Особой популярностью и авторитетом пользовался житель с. Сагуновки Ломоватской волости Черкасского уезда Фома Денисович Прядко, ходивший по селам Чигиринского уезда и призывавший крестьян добиваться передела по душам. Вскоре имя его стало обрастать различными легендами, вплоть до фамилии Прядко (якобы от слова Прятка, т.е. неуловимый для властей). По сведениям нелегальной газеты революционеров-народников «Начало», этот отставной солдат был «человеком семейным и довольно богатым... В среде крестьян Фома слыл хорошим хозяином, умным, честным и грамотным мужиком и потому пользовался уважением не только у своих сельчан, но и далеко в окрестностях».²

По мнению безымянного автора статьи в «Начале»³, именно Ф.Д. Прядко принадлежала идея отправки ходоков в Санкт-Петербург к царю с прошением: «Долго ждал он (Ф. Прядко – авт.) "передела земли" и наконец решился убедить своих сельчан, а также крестьян соседних волостей послать выборных к царю, чтобы сообщить ему о бедственном положении народа, просить о немедленном размежевании земель и устройстве крестьянского быта на общинных началах».⁴

¹ Чигиринское дело (по официальным источникам) // Киевлянин. 1877. № 95.

² Революционная журналистика семидесятых годов / Под. ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). Ростов-на-Дону, 1907. С. 17.

³ Предположительно автором статьи был революционер-народник Н.К. Бух.

⁴ Революционная журналистика семидесятых годов. С. 17.

В результате его инициатива была поддержана, и крестьяне избрали 6 ходатаев, в число коих попал и сам Ф.Д. Прядко. Их снабдили общественным приговором, деньгами и направили в столицу. Хотя точного текста прошения не сохранилось, на основе заявленных при предъявлении люстрационных актов жалоб и возражений, все претензии можно свести к следующим пунктам:

- 1) Недостаточность земельных наделов;
- 2) Зачисление земель неудобных в число удобных и увеличение платежей;
- 3) Продажа ферменных земель посторонним лицам, между тем как сами крестьяне недостаточно наделены землею;
- 4) Передача запасных земель одним участковым собственникам, без участия для пользования этою землею общинников;
- 5) Переразверстка земель между общинниками.¹

Однако путешествие из «Чигирина в Петербург» не принесло вожеленных результатов. Крестьянские ходатаи были арестованы и препровождены в Киев, а оттуда – к месту жительства под надзор полиции.²

Вслед за этим, на рубеже 1873–1874 гг. в селах Чигиринского уезда начались массовые аресты активных участников движения. Попытались власти схватить и Ф.Д. Прядко, но крестьяне не дали этого сделать, и он перешел фактически на нелегальное положение.

Возможно, столь сильное влияние Ф.Д. Прядко на крестьян объяснялось помимо его личных достоинств еще и тем, что он в качестве положительного героя оказался «встроен» в схему получивших широкое распространение слухов о «милостивом» «царском манифесте». Именно в рассказах Ф.Д. Прядко эти монархические легенды обрели более-менее реальные очертания. Столичная эпопея излагалась им следующим образом: «По прибытии в столицу он написал три прошения на имя царя. Одно подал через военного министра, другое прямо на Высочайшее имя и третье через принца Ольденбургского. Первые два не достигли сво-

¹ Чигиринское дело (по официальным источникам) // Киевлянин. 1877. № 95.

² Пойда Д.П. Крестьянское движение в Правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). С. 208.

его назначения. Принц же лично принял от него прошение и, выдав расписку в получении, обещал доставить царю. При этом принц Ольденбургский разрезал записку пополам и одну половину дал ему (в подтверждение Фома показывал своим землякам какую-то бумагу с печатью), а другую оставил у себя, чтобы представить вместе с прошением царю». Далее следует такая версия событий: «В назначенный день Фома захватив с собой расписку, данную ему принцем Ольденбургским, отправился во дворец. Царь принял его ласково, напоил чаем, долго расспрашивал о житье-бытье крестьянском и сетовал, что не может помочь их горю, так как паны сильны и не допускают его сделать что-либо для них. В конце-концов Фома советовал крестьянам от имени государя, силой добиваться раздела земель и общинного землевладения».¹ Естественно, оваянный такой легендарной славой, Ф.Д. Прядко оказывал огромное влияние на протестующих селян, и потому аграрные волнения продолжались.

В 1874 г. власти приступили к введению в действие окончательно утвержденных актов. Земельные повинности были рассчитаны казенной палатой также исходя из люстрационных актов. Крестьяне, однако, оставались в твердом убеждении, что люстрация произведена неправильно и продолжали апеллировать к якобы скрытому от них «царскому указу». Протест против люстрационных актов в первую очередь выражался в отказе крестьян от взноса дополнительных выкупных платежей. В газете «Киевлянин» сообщалось: «На этой почве недовольства выросли разные нелепые слухи, конечно в свою очередь еще больше поддерживающие волнения, в роде того, что принятие актов с выкупом земли устанавливает новую крепостную зависимость; что оно влечет за собою неминуемо лишение права на какое-то наделение землею, имеющее произойти по какому-то "Царскому указу"; далее, что таковое принятие крестьянами актов принесет несчастье, от которого подчинившиеся люстрационным актам будут только "ахать" и проч. (отчего и называются они "актовые люди")».²

¹ Революционная журналистика семидесятых годов. С. 18.

² Чигиринское дело (по официальным источникам) // Киевлянин. 1877. № 95.

Первые серьезные волнения обнаружались в Чаплинской, Адамовской и Шабельничской волостях при взыскании недоимки добавочных выкупных платежей. Меры увещевания и принуждения, предпринятые местными полицией и мировыми посредниками, действия не возымели. В своем докладе киевский губернатор Н.Н. Гессе писал А.М. Дондукову-Корсакову: «При проведении в исполнение окончательно утвержденных люстрационных актов, как донес мне Чигиринский исправник, – крестьяне Чаплинской, Адамовской и Шабельничской волости, будучи недовольны люстрационными действиями, отказались вносить недоимку дополнительных выкупных платежей, насчитанных в конце октября 1874 г. при переводе прежде платимого оброка на платежи, и при этом заявили, что они на будущее время не будут совсем платить никаких сборов впредь до удовлетворения их претензий и что отберут у участковых хозяев дополнительные наделы, данные в добавок нормальных наделов».¹

Безуспешной в разрешении спорной ситуации оказалась и попытка командированного на место событий члена губернского по крестьянским делам присутствия Богуславского, как и действия председателя черкаско-чигиринского съезда мировых посредников Стааля.²

При встрече с крестьянами Богуславскому было заявлено большое количество жалоб. В обобщенном виде их можно представить следующим образом: 1) что люстраторы приписывали к люстрационным актам и наделяли землею разных лиц без согласия общества; 2) что общинники наделяны землею без разделения земель между членами общины, тогда как люстрационные чиновники и мировой посредник объявляли им Высочайшее повеление, в котором говорилось о разделе земель; 3) что люстраторами отданы нормальные наделы земли вступивших в общинный договор лиц, участковым крестьянам без согласия первых, и заменены из других земель; 4) что некоторые участки, в ущерб другим, увеличены на столько, что собственники их сами не обрабатывают, а, пользуясь малоземельностью, отдают в аренду за высокую плату; 5) что из запасных и ферменных земель наделе-

¹ Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 53.

² Там же, с. 59.

ны не члены общества, а посторонние лица, тогда как эти земли крайне необходимы для крестьян; 6) что в списки земель удобных включены земли вполне неудобные; 7) что при объявлении люстрационных актов не объяснялся мировым посредником порядок обжалования, вследствие сего многие крестьяне пропустили срок для обжалования; 8) что люстраторы делили земли между членами семейств произвольно, и разделенные между членами семьи земли записывали в люстрационных актах за одним лицом; 9) что министерством отказано в прирезке земель и указано, что безземельные могут переселяться в другие губернии; между тем безземельных между крестьянами этой местности почти нет – все они наделены землею, хотя в чрезвычайно малом количестве, и как имеющие землю не могут переселяться; 10) что у некоторых по старой люстрации были наделы, по введении же новых люстрационных актов земель не оказалось».¹

Таким образом, вскрылся целый пакет ошибок, нарушений и несогласованностей в действиях люстрационных комиссий, которые вызвали рост крестьянского недовольства. В результате усиления административного и полицейского контроля, а также путем некоторых уступок, властям удалось на время снизить накал страстей. Однако время было упущено, да и половинчатые меры уже не могли удержать от дальнейших выступлений население взбудораженных местностей.

Новая волна протестов началась весной 1875 г. с выступления крестьян Чаплицкой волости, состоявшей из 4 сел (Чаплиц, Тарасовки, Подорожного и Вороновки). Поводом к беспорядкам послужило требование к крестьянам об уплате дополнительного выкупа за землю. Начиная с 15 января, волостное правление уведомило мирового посредника 1-го участка Чигиринского уезда, что, во-первых, крестьяне Чаплицкой волости выкупных платежей не вносят и заявляют, что не внесут их до тех пор, пока жалобы их на люстрационные акты не будут удовлетворены по «указу Государя Императора» так, как прежние их уполномоченные, ходившие в 1873 г. в Петербург, с просьбою к Государю, дали свое согласие получить землю «по указу его Величества». Во-вторых, что крестьяне запре-

¹ Чигиринское дело (по официальным источникам) // Киевлянин. 1877. № 95.

щают вносить собранные уже 1800 р. в казначейство; в-третьих, что крестьяне начинают выбирать новых уполномоченных по совету Ивана Бахмацкого для принесения новых жалоб на люстрационные акты; в-четвертых, что крестьяне села Тарасовки, собравшись в Чаплицкую волость 24 марта под предводительством Ивана Бахмацкого, Цегорицы и Ковальчука, решили окончательно не платить дополнительного выкупа.

Дальнейшие события развивались следующим образом: 26 марта 1875 г. крестьяне всех селений Чаплицкой волости до 500 человек собрались в волостное правление и решили не платить дополнительно выкупа за землю до тех пор, пока не получат по 5-ти десятин на душу и, выражая недовольство крестьянином Полуденко, ранее исполнявшим должность старшины, разломали у него плетень.¹

Крестьян попытались урезонить прибывший на место происшествия 29 марта мировой посредник Фитилев и председатель съезда мировых посредников, член губернского комитета по крестьянским делам присутствия Богуславский, но все их попытки оказались тщетными. Более того, было учинено насилие над крестьянами, которые не присоединились к решению большинства односельчан не платить дополнительного выкупа по люстрационным актам. Вследствие возникших беспорядков в с. Чаплицы были введены войска, а 1 мая туда прибыл губернатор. Был собран сход, однако и на нем увещевания губернатора подействовали только на малую часть крестьян. Тогда же местный житель Прокоп Олейник громко заявил мировому посреднику Фитилеву, объяснявшему порядок выкупа крестьянами их земель, что объяснения его не справедливы, будто ему, Олейнику, хорошо известно, что царь земли не продает. Заявление это сильно подействовало на крестьян, собравшихся на сходе, и окончательно дезавуировало увещевания мирового посредника. 2 мая уже в соседней д. Вороновка крестьяне, собравшиеся на сходе, также постановили не принимать люстрационных актов и не платить дополнительного выкупа.

В результате доноса было установлено, что во главе подстрекателей к неповиновению властям стоял небезызвестный Ф.Д. Прядко. Более того, власти выяс-

¹ Чигиринское дело (по официальным источникам) // Киевлянин. 1877. № 96.

нили, что протестующие создали своеобразный орган управления из 18 человек во главе с Ф.Д. Прядко. Большинство крестьян, пошедших за ним, «решило высказать полное сопротивление подчиняться люстрационным актам, и таким образом достигнуть наделения землею по 5 десятин на душу».¹

В ходе дальнейшего расследования дела было установлено, что «Ф. Прядко и 18 человек крестьян Чаплинской волости и соседних волостей, являются главными руководителями движения. Захватив в свои руки всю власть, они собирали совершенно произвольно волостные и сельские сходы и на них убеждали крестьян не принимать люстрационных актов, а держаться сообща одних требований; для достижения единодушного соглашения всех крестьян, пропагандаторы действовали убеждениями, ложными уверениями, угрозами и даже насилием против тех из крестьян, которые не могли или хотели разделять их взглядов».²

Подобное влияние Ф.Д. Прядко на развитие ситуации, конечно же, нельзя считать случайным. Он был несомненным харизматическим лидером возникшего вновь движения, что отмечали и местные власти. Однако попытки задержать его зачастую оказывались тщетными, а то и наталкивались на сопротивление оберегавших его крестьян. Вот что об этом докладывал местный исправник Шепелев губернатору: «Крестьянин с. Сагуновка Ломоватовской волости Фома Прядко, известный подстрекатель крестьян, преследуемый полицией и находящийся в бегах до двух лет в январе месяце настоящего года (1875 – авт.) появился было на место постоянного жительства, о чем когда узнал Ломоватовский волостной старшина, то, отправившись в дом Прядки, арестовал его, однако не мог взять его в волостное правление, так как Прядка с помощью жены и сына, силою вырвался и ушел, при каковом сопротивлении повредил руку волостному старшине... Фома Прядка и теперь скрылся из Ломоватовской волости, поймать его полиция лишена возможности потому, что крестьяне тщательно укрывают его».³

¹ Чигиринское дело (по официальным источникам) // Киевлянин. 1877. № 96.

² Там же.

³ Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 61–62.

Кроме Чаплинской волости беспорядки распространились также на Боровицкую, где 26 марта собралось до 300 человек, 60 самых активных из них во главе с крестьянином Степаном Корженко, пришли в волостное правление потребовали прочтения «царского указа», дарующего крестьянам по 5 десятин на душу, а также прочтения актов на землю. В дальнейшем следствие выяснило, что крестьяне Боровицкой волости поддерживали тесные контакты с Ф.Д. Прядко, который «в ночь со 2 на 3 мая был в с. Боровицы и ночевал у Николая Чаприна, к которому тогда же собрались крестьяне и совещались, как им поступить, чтобы получить по 5 десятин на душу. При этом Ф. Прядко было выдано из общественных денег на расходы по этому делу 6 рублей».¹

Сильные беспорядки охватили также Адамовскую и Шабельницкую волости. Терпение власти было на пределе. Она склонялась к подавлению выступлений крестьян с помощью армии. В донесении на имя киевского генерал-губернатора А.М. Дондукова-Корсакова от 6 апреля 1875 г. Н.Н. Гессе предлагал следующее: «...имея в виду, с одной стороны, непослушание крестьян к исполнению возложенных на них обязанностей, а с другой справедливость некоторых жалоб, я признавал бы необходимым, прежде всего водворить данный порядок через расквартирование войска в волости Х., Чаплинской и Шабельнической, более других производящих беспорядки. Но так, как эта мера есть временная и неудовлетворение справедливых, быть может, претензий постоянно будет вызывать беспорядки, то я полагал бы необходимым в виду того, что почти все люстрационные акты по Чигиринскому уезду окончательно утверждены, не обращая внимания на пропуски крестьянами сроков на принесение жалоб, испросить разрешения на пересмотр актов по тем обстоятельствам, на которые крестьяне выражают неудовольствие местными мировыми учреждениями при особо командированном человеке со стороны Министерства Государственных Имуществ и так как по Чигиринскому уезду наделы малы и не совсем доброкачественны, то разрешить переселение на казенные свободные земли не только бобылям, огородникам, но и из

¹ Чигиринское дело (по официальным источникам) // Киевлянин. 1877. № 96.

многодушных семейств тем членам, кои пожелают и окажутся многонедоимочными».¹

В ответ А.М. Дондуков-Корсаков заявил, что просит «командующего войсками Киевского округа расположенный в Златополе драгунский полк передвинуть на время полкового сбора на местные квартиры в Чаплинскую, Боровицкую и Шебальническую волости. По прибытии этих войск я покорнейше прошу ваше превосходительство назначить крестьянам для взноса выкупных платежей и других податей самый короткий срок и, если за сим они не внесут недоимок, приступить к взысканию таковых немедленно, а в случае сопротивления обратиться к содействию военного начальства. Я полагаю, что присутствие ваше на месте было бы полезно».²

Н.Н. Гессе именно так и поступил. Он лично прибыл в с. Шабельники и потребовал от крестьян взноса в трехдневный срок всех недоимок, однако его усилия мало что изменили. Из протокола составленного помощником пристава видно, что в тот же день состоялся волостной сход, на котором крестьяне решили и заявили, что они не примут люстрационных актов и платить по ним ничего не будут до тех пор, пока не увидят на этих актах собственноручную подпись Государя Императора. Тогда же, 26 апреля уполномоченные от Шабельницкой волости крестьяне в составе 12 человек, подали киевскому губернатору докладную записку, в которой волость заявила, что дополнительного выкупа она платить не будет пока не получит земли «по указу Его Императорского величества» при чем крестьяне просили губернатора об исключении неудобной земли из наделов».³

Таким образом, поездка губернатора мало что дала, «тем более, что по прибытии на место он удостоверился в основательности претензий крестьян и недобросовестных действиях Алифина и Шушерина (мировые посредники – авт.)».⁴ Однако власть склонялась к силовому варианту решения проблемы, хотя и понимала необходимость исправления некоторых ошибок. В результате для подавле-

¹ Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 60.

² Там же, с. 62–63.

³ Там же.

⁴ Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991. С. 107.

ния беспорядков в с. Шабельники 28 апреля были введены два эскадрона уланского полка для экзекуции.

На собранном под прицелами ружей новом сходе, крестьянам еще раз попытались разъяснить незаконность их действий и, как пишет официальный источник, когда «некоторые из крестьян заявили, что принимают участие в беспорядках лишь по принуждению остальных, то таковым предложено было выйти из толпы и стать в сторону. Едва некоторые последовали этому предложению, как стоявший в толпе Митрофан Душейко начал грозить им; было отдано приказание его арестовать, вместе с шабельницким волостным старшиною Прудким. Когда арестованных вывели за фронт, то толпа бросилась их освобождать, но не была к тому допущена солдатами».¹

Из рапорта чигиринского исправника Панкевича на имя губернатора Н.Н. Гессе видно, что власти действовали весьма жестко: «Восстановляя порядок, употребив для сего эскадрон, командир полка счел нужным четырех человек особенно буйных здесь же в пример другим наказать розгами и дал ударов первому 40, второму около 25, а двум последним около 15 каждому, толпа смирилась, никаких больше беспорядков не было, но все остались при прежнем упрямстве – не платить выкупных платежей и не признавать люстрационных актов пока не дадут земли на души, как домогаются... Помощник пристава с присланным человеком отправлен для розыска Прядки».²

На эти события откликнулась и революционная печать: «Это была поистине башибузукская расправа. Губернатор подзывал каждого и спрашивал, согласен ли он подписаться на участковый надел; после отказа приказывал валить на землю и сечь. Двоих засекали до смерти. Первые избиения были так чувствительны, что многие поколебались и уступили, но большинство устояло».³

¹ Чигиринское дело (по официальным источникам) // Киевлянин. 1877. № 96.

² Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 67–68.

³ Я.С. Чигиринское дело // «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. / Памятники агитационной литературы. Т. 1. М.; Пг., 1923. С. 143.

Волнения же в Шабельницкой волости продолжались до конца 1875 г., и в продолжение всего этого периода там находились войска, которые были выведены только 2 января 1876 г. Кроме того, беспорядки охватили также Новоселицкую, Рацовскую, Липовскую волости. Остроту ситуации в Чигиринском уезде весной – летом 1875 г. характеризует рапорт на имя министра юстиции К.И. Палена от киевского губернского прокурора Д.И. Данилевского: «...бывшие государственные крестьяне некоторых волостей Черкасского и Чигиринского уездов, не желая принимать отведенных им люстрационным актом земель, отказываются принимать люстрационные акты, вносить выкупные за землю платежи, оказывают явное сопротивление распоряжениям сельских властей и мировых посредников, против некоторых сельских урядников и волостных старшин, а равно и членов своих обществ употребили насилие, вообще производят беспорядки, требуя раздела земель поровну, по числу ревизских душ в обществе, и что волнение охватило 19 волостей с населением до 40 000 душ, для принятия мер к прекращению беспорядков на место происшествия отправился г. киевский губернатор, потребовавши военную силу».¹

Более того, события начали приобретать опасный оттенок для властей. В рапорте командира полка от 30 апреля 1875 г. о беспорядках в с. Шабельники с крайним сожалением сообщается, что «в толпе крестьян были временно отпущенные нижние чины и присутствием своим доказывали полную солидарность с неповинившимися высшей власти».²

Как видим, рядовой состав армейских частей иной раз был на стороне протестующих крестьян. Лидеры движения также не дремали, пытаясь укрепить стойкость сельских жителей новыми слухами монархической окраски. Несомненно, здесь первую скрипку вновь играл Ф.Д. Прядко, уже имевший опыт использования этого пропагандистского инструмента. На сей раз в ход была пущена легенда о приезде наследника цесаревича. Вот как описывал ситуацию в своем донесении от 15 июля 1875 г. губернатору Н.Н. Гессе чигиринский исправник Пан-

¹ Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг. Сб. док-тов. С. 153.

² Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 69.

кевич: «... в первых числах мая между крестьянами волнующихся и смежных волостей распространился слух, что 15 или 23 мая будет здесь наследник цесаревич по крестьянскому делу, и что тех, кто не представит своих люстрационных актов до приезда запишут в актовые и отберут землю. Слух этот, как следовало полагать, пущен руководителями волнений, с целью поддержать волнения в крестьянах и распространить таковые на остальные волости... при этом какая-то неизвестная личность, явившись 12 мая в Чигиринский монастырь к игуменье, называясь посланным от графа Толстого, просила о приготовлении в монастыре квартиры для его сиятельства, намеренного оставаться здесь в ожидании приезда наследника цесаревича». В донесении, придавая этому случаю особое значение, исправник выдвигал предположение – не был ли этим посланником сам Ф.Д. Прядко, «схожий с ним по описанию примет».¹

В такой обстановке власти больше не могли медлить, и последовал прямой приказ Н.Н. Гессе чигиринскому исправнику Панкевичу от 10 мая 1875 г.: «Вследствие полученной от вас сегодня телеграммы по беспорядкам в Чигиринском уезде, поручаю вам не останавливаться арестованием главных зачинщиков беспорядков и продолжать таковые в новых волостях, в которых через подстрекателей начинаются беспорядки, а в случае оказания при сем сопротивления для устранения сего обращайтесь к содействию расквартированных команд».²

После этого начались широкомасштабные аресты, о чем доносили губернатору местные исправники. Так, Панкевич рапортовал: «Драгуны выступили, пехота прибыла, арестованных 38, стесняюсь арестами недостатком помещения, дело по-прежнему доношу почтой».³

В результате активных действий местной администрации поймано было большинство зачинщиков беспорядков. К рапорту от 31 мая 1875 г. все тот же Панкевич приложил список из 12 фамилий крестьян с. Шабельников арестованных «по обвинению в тайном подстрекательстве своих односельцев к неповино-

¹ Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 152.

² Там же, с. 81.

³ Там же, с. 82.

вению властям и проч. отправляемым этапным порядком 16 июня 1875 г. в Киев». В списке значились: Г.К. Бруль, А.С. Комаренко, С.С. Больбот, Н.К. Дьяченко, К.П. Прудкой, С.Н. Миркотан, К.И. Прудкой, В.И. Руденко, И.И. Прудкой, С.К. Душейко (он же Пархоменко), Карпо Прудкой, С.С. Бондаренко.¹

События в Чигиринском уезде очень беспокоили губернские и столичные административные круги. Тем более что в период массового крестьянского движения весной – летом 1875 г. власть в некоторых селах и волостях фактически находилась в руках крестьян, заинтересованных в душевом разделе земли. Мало-земельные крестьяне, сообщал киевский губернатор, «захватили всю власть и влияние в этом движении, так что выбирают все сельское и волостное правление из своей среды и таким большинством заставляют себе повиноваться и тех, которые бы хотели исполнить законные требования властей».²

Особенно большую тревогу царского правительства вызывал тот факт, что почти во всех селах бывших государственных крестьян Чигиринского уезда люстрационные акты не были признаны крестьянами и возвращены уездным властям, а в 18 селах крестьяне добились заключения договоров о переходе к душевому способу владения землей, заявляя, что они «люстрационных актов не принимают, выкупать в вечную собственность земель не желают и платить выкупных платежей не будут».³

В поисках выхода из тупика киевский губернатор Н.Н. Гессе предлагал разрешить губернскому по крестьянским делам присутствию пересмотреть жалобы чигиринских крестьян на проведенные люстрации, «не стесняясь пропущенными для обжалований сроками» с тем, чтобы запасные земли и прирезки «передать в распоряжение общества» и «все неудобные земли, неправильно зачтенные в удобные, исключить», а «платежи понизить до существующего оброка».⁴

¹ Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 109.

² ЦДІАК України. Ф. 442. Оп. 314, 1875 г., Д. 47. Ч. 2. Л. 60об.

³ Там же, Л. 149.

⁴ Пойда Д.П. Крестьянское движение в Правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). С. 214.

Исходя из предложений Н.Н. Гессе, киевский генерал-губернатор А.М. Дондуков-Корсаков, обращаясь 23 июня 1875 г. к министру внутренних дел, предлагал следующее: «В настоящее время, после принятых мер при посредстве военной силы и придания главных зачинщиков в распоряжение губернских властей, крестьяне приведены к повиновению, они не оказывают явного сопротивления, вносят, хотя неохотно и несполна, выкупные платежи, но они далеко не устроились совершенно, и с выводом войск следует ожидать, что при первом поводе, несомненно возникнут новые, еще большие беспорядки и буйные раздоры между безземельными и участковыми хозяевами.

Обсуждая это дело, я прихожу к тому убеждению, что так, как правительственное распоряжения, превратно понятое крестьянами, подало повод к незаконным с их стороны домогательствам и возбудило несбыточные надежды, то для выхода из настоящего положения необходимо испросить высочайшее разрешение, чтобы договоры о переделе земель по душам, как заключенные крестьянами бессознательно, признаны были ничтожными, чтобы крестьянам было с особою торжественностью отказано в домогательстве их о душевых наделах, чтобы соответственно сему были переделаны люстрационные акты и чтобы все сделанные уже прирезки земель были оставлены в распоряжении целого общества, согласно высочайшему повелению 30 апреля 1871 г. Одним словом, необходимо, чтобы был восстановлен доселе существовавший обычный порядок владения землями. Мера эта вызовет непременно на первое время неудовольствие со стороны безземельных крестьян, которые окончательно лишатся надежды получить наделы на счет участковых домохозяев, но мера эта будет, во-первых, справедливою, а во-вторых, она возможна и проведение ее в исполнение положит конец беспорядку, тогда как при теперешнем положении крестьяне никогда не разверстают между собою земель. Владелицы участками никогда не согласятся на их уменьшение, а безземельные будут требовать своей доли в переделе земель.

Затем, когда спокойствие будет вполне водворено, необходимо будет дозволить малоземельным и огородникам, владеющим только усадьбами, по уважении к их совершенной бесплодности, переселяться на казенные земли в другие губер-

нии, не придавая, впрочем, этой мере вида уступки домогательствам крестьян, не представляя им особых льгот, но и не удерживая их на местах теперешнего жительства; дабы уменьшить число безземельных в селениях и отстранить постоянные поводы к недоразумениям и разного рода домогательствам на счет домохозяев, владеющих своими наследственными участками... Дело это я нахожу настолько важным, что считаю необходимым вслед за сим прибыть в С.-Петербург, дабы личными разъяснениями дополнить все то, что могло бы возбудить сомнение со стороны вашего сиятельства».¹

Комментируя эти высказывания, историк Д.П. Пойда справедливо отмечал: «Если Гессе предлагал успокоить крестьян ценой некоторых уступок, то Дондуков-Корсаков, явно рассчитывал на наивный монархизм крестьян, предлагая использовать его против тех же крестьян».²

Пытаясь разрешить разногласия, 18 июля 1875 г. по распоряжению Александра II было созвано экстренное заседание Главного комитета (куда был приглашен и киевский генерал-губернатор А.М. Дондуков-Корсаков) для рассмотрения событий в Чигиринском уезде. На этом заседании было принято следующее постановление:

1. Поручалось киевскому генерал-губернатору объявить от имени царя крестьянам тех обществ Чигиринского уезда, где составлены договоры о переделе земель по числу душ, что домогательства их о прирезке «казенных земель по душевому расчету ни в коем случае не может быть исполнено и что раздел по душам состоящих в обществе подворных участков может последовать не иначе, как при полном и непринужденном согласии на это владельца каждого из сих участков».

2. Если и после этого крестьяне этих обществ будут настаивать на душевом разделе земель, то потребовать от них немедленного раздела по душам своих участков; «в случае же отказа от того всех или некоторых крестьян, признать эти

¹ Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 144–145.

² Пойда Д.П. Крестьянское движение в Правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). С. 214.

договора недействительными, оставив существующее подворное владение земель...».

3. Вместе с уничтожением составленных крестьянами договоров о переделе земель по душам признавались недействительными и прежние люстрационные акты. Составление новых люстрационных актов поручалось министерствам внутренних дел, государственных имуществ и финансов совместно с генерал-губернатором Юго-Западного края.¹

Таким образом, можно согласиться с мнением историка Д.П. Пойда, что «постановление от 18 июля следует рассматривать и как вырванную у царизма борьбой крестьян некоторую уступку, поскольку проведенные люстрации, которыми так была ограблена крестьянская беднота, были отменены».²

На основании постановления Главного комитета от 18 июля 1875 г. в селах Чигиринского уезда, куда специально выехал А.М. Дондуков-Корсаков, начали составлять новые люстрационные акты. Но т.к. вышеприведенное постановление исключало возможность составления договоров о переходе к душевому способу владения землей, то, естественно, что по новым люстрациям в силе оставался прежний участковый способ землевладения.

Но даже после появления этого постановления в чигиринских селах было по-прежнему беспокойно. Более того, в воздухе словно бы витали какие-то неясные ожидания, вполне возможно, связанные с новыми мероприятиями власти. Тем более что экономическое положение большинства крестьян только ухудшилось, ведь постой военных команд также ложился на сельские сходы тяжелым бременем.

Чигиринский исправник Панкевич сообщал Н.Н. Гессе 26 июня 1875 г.: «Платежи идут весьма слабо. В Шабельниках начинает ощущаться недостаток продовольствия, в некоторых семьях не стало хлеба. В некоторых волостях скрывшие вещи, из опасения описи и продажи, до сих пор опасаются держать их

¹ Пойда Д.П. Крестьянское движение в Правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). С. 214–215.

² Там же, с. 215.

на дому и есть сведения, что много из зарытого в землю перегнило. В дер. Вороновке несколько хозяев, оставив дома, с семействами и имуществом перебрались на днепровские острова, везде говорят: «потерпим до Петра». По всему видно, что на «Петра» 29 июня крестьянами ожидается что-то неясное, неопределенное, чего они и сами не знают, но верят и ждут, что случится что-то такое, что должно послужить развязкой дела и непременно в их пользу».¹

Данные опасения чиновников не были беспочвенными. Плодящиеся слухи о скрытом «царском указе» усугублялись присущими традиционной народной культуре мессианскими и эсхатологическими ожиданиями. Образную и точную оценку подобным социально-психологическим настроениям дал исследователь В.Я. Мауль: «В сгущавшейся атмосфере святотатственной беспросветности народ отчаянно ждал, когда же сверкнет "луч света в темном царстве", наполненном коллективными фобиями, раздражающей сменой настроений и колебаниями психики масс, легко впадавших в панику, иными их эмоциональными переживаниями».²

В обстановке всеобщего ажиотажа в среде крестьян появлялись и свои блаженные, всегда высокопочитаемые на Руси. В этой связи актуальны выводы ученых о том, что все сакральное пространство мира в рамках традиционного восприятия было выстроено в бинарной оценочной иерархичности, когда положительному члену оппозиции обязательно противостоял его отрицательный антипод (левому – правое, верху – низ, правде – кривда, божьему – дьявольское и т.д.).³

Следовательно, можно полагать, что, в народном мнении, из уст блаженных юродивых звучал глас самого Христа, в то время как представители официальной власти (государевы изменники) пытались строить дьявольские козни. На Чиги-

¹ Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 145.

² Мауль В.Я. Самозванные цари и царевичи в социокультурной ретроспективе русского бунта (до пугачевского восстания). С. 38.

³ См. подр.: Мауль В.Я. Смеховое зазеркалье пугачевского бунта: опыт интеллектуальной рефлексии // Социокультурные аспекты изучения русского бунта. Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной информации. 2005. № 40. С. 65; Мыльников А.С. Самозванчество в контексте просвещенного абсолютизма (О модификации просветительской идеологии в народной культуре) // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М., 1995. С. 25–26.

ринщине в роли такой святой блаженной выступила крестьянка села Тюнек Настасья Лихошерстная.¹

Она ходила по с. Адамовка с Евангелием, читала разные молитвы и проповедовала, что «скоро явится в с. Адамовку начальство, начнет рубить всем участковым головы; она же, прислана Иисусом Христом сказать всем душевым крестьянам, чтобы они собирались вокруг нее, так как она хочет что-то разъяснить о земле». Волостной старшина Тыщенко в своих показаниях свидетельствовал, что «29 августа... увидел во дворе волости толпу женщин, посреди которых стояла Лихошерстная и что-то говорила. Когда же Тыщенко вышел на крыльцо, то последняя обратилась к нему с вопросом: "почему, ты старшина, людям правды не открываешь? Я послана от Бога – открыть правду, чтобы держались до Семена (1 сентября), а того дня последует деление земель на души". Затем обратившись к толпе, Лихошерстная продолжала: "люди добрые, дайте мне защиту, – я за вас стою!" После этой речи толпа стала кричать и упрекать старшину за то, что он от них скрывает правду. В виду такого беспорядка, старшина велел арестовать Лихошерстную, и сам бросился ее брать, но толпа не позволила ему это сделать... Весьма непродолжительное время спустя к толпе подошел и священник Яковлев, при содействии которого и была арестована Лихошерстная. Толпа народа, впро-

¹ Сохранился любопытный рапорт о ней: «В дополнение к рапорту от 30 августа № 217 вашему превосходительству честь имею донести, что по сведениям, собранным в селах Тюньках и Адамовке, оказывается, что крестьянка Настасья Лихошерстная происходит из духовного звания из с. Новоселицы, оставшись с детства еще в сиротств служила у священника с. Тюнек, откуда около 12 лет назад вышла замуж за местного крестьянина, грамоте выучилась с детства, нрава была тихого, молчалива, угрюма, в свободное от работ время увлекалась чтением церковных книг, коих и найдено у нее на дому десять, получила их давно по наследству от бабки, в крестьянское дело не вмешивалась, до 24 августа за нею ничего особенного не замечалось, а того числа возвратившись с мужем из Чигирина с ярмарки, стала заговариваться, что она видела в Чигирине, то на дороге какого-то старика с черными крестами на руках, или же что слышала голос божий, приказывавший ей идти в народ поучать истине и св. евангелию, равно и тому, чтобы крестьяне по примеру шебальницких требовали деления земель на души и проч. Муж сначала ее удерживал, а затем 28 числа она ушла к священнику села Тюнек, просила выповедать и во время, не дав окончить оной, сказала, что свыше велит ей идти в Адамовку, снять там головы священнику, писарю и старшине, при чем убежала из церкви. После и на следующий день ходила по селу, толковала женщинам такие же нелепости, женщины слушая ее, плакали и собирались целой толпой, так и явились к адамовскому священнику 29 августа с обличениями, что он срывает истину, далее произошло все то, что значится в рапорте № 217» // Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). Харків, 1934. С. 169.

чем, несколько раз пыталась освободить ее в то время, как она препровождалась в арестантскую камеру».¹

30 августа при сопровождении Лихошерстной в г. Чигирин толпа попыталась ее освободить, в результате ее смогли доставить в Чигирин только окольными путями т.к. «прямой дорогой везти ее оказалось невозможным, потому что крестьяне, с целью освободить арестованную опять собирались толпами». В дальнейшем, при медицинском освидетельствовании Настасья Евсеевна Лихошерстная была признана властями сумасшедшей.²

И подобный случай в тех драматичных обстоятельствах не был единичным. Например, в селении Кожарах «местная крестьянка Евгения Коваленкова распростила нелепые слухи, что в Киеве вешают уже "панов", скоро вешатели придут и сюда, что содержащихся в тюрьме скоро распустят и с посадивших взыщут штраф по 100 рублей за каждый месяц».³

С помощью арестов и использования войск удалось, казалось бы, добиться некоторого успокоения в беспокойных волостях. Но власти не чувствовали себя в полной безопасности пока на свободе находился Ф.Д. Прядко, а он, казалось, был неуловим, чем еще более усиливал свое харизматическое воздействие на крестьян. Вот, что писал 17–18 ноября 1875 г. о роли крестьянского пропагандиста в Чигиринских беспорядках А.М. Дондукову-Корсакову Н.Н. Гессе: «Предпринимая все средства к розысканию крестьянина Прядки и имея для сего секретных агентов, я постоянно получал, негласным путем, сведения о свиданиях будто бы Прядка со священником с. Сагуновка. Обстоятельство это вынудило меня даже в одну из моих поездок в минувшее лето в Черкасский уезд пригласить к себе сказанного священника и разъяснить ему каково значение Прядки в деле обнаружившихся беспорядков между бывшими государственными крестьянами Чигиринского уезда, так и ту ответственность, которой может подвергнуться всякое лицо, способствующее к укрывательству столь злонамеренного человека».⁴

¹ Чигиринское дело (по официальным источникам) // Киевлянин. 1877. № 97.

² Там же.

³ Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 171.

⁴ Там же, с. 174.

В результате, власти назначили за голову народного вожака денежную награду в 100 рублей, но «долго не находился охотник, который сумел бы и решился поднять руку на столь любимого и влиятельного человека среди крестьян».¹

В конце концов, Ф.Д. Прядко был арестован в ночь с 7 на 8 ноября 1875 г. в с. Сагуновке Черкасского уезда. Черкасский исправник Шепелев доносил: «В открытии пристанища Прядки и поимке его, главным образом, принимали участие нанятые агенты: проживающий в с. Сагуновка еврей Борух Брусилковский и крестьянин с. Сагуновка Дементий Сагун, получившие за два дня до взятия Прядки 100 рублей». Ф. Прядко был арестован в ночь с 7 на 8 ноября в доме Дементия Сагуна, куда его пригласили, чтобы почитать псалтырь.² При аресте Ф.Д. Прядко со своей семьей оказали сопротивление, избив волостного старшину и писаря.³

Арест Ф.Д. Прядко подвел некую черту под событиями в Чигиринском уезде, связанными с борьбой крестьян за справедливое, как им казалось, разрешение земельного вопроса в пользу душевого раздела. Репрессивные меры, реализованные во вводе воинских команд, определенные уступки, в виде списания части выкупных платежей, а главное массовые аресты мало-мальски причастных к движению крестьян на некоторое время снизили накал напряженности.

Масштабы арестов и других полицейских мероприятий хорошо иллюстрирует выдержка из судебного заключения по «Чигиринскому делу»: «В семи волостях Чигиринского уезда в конце 1874 и в начале 1875 гг., при приведении в действие люстрационных актов многие из крестьян оказали такое сопротивление, ко-

¹ Революционная журналистика семидесятых годов. С. 19.

² Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 175.

³ При аресте Ф. Прядко совместно со своей семьей избив волостного старшину и писаря, за что и были судимы 3 августа 1876 г. Киевской соединенной палатой уголовного и гражданского суда. В 1876 г. они были осуждены. Ф. Прядко – в исправительно-арестантское отделение на 2 года, а потом под особый надзор полиции на 4 года; его двадцатилетний сын А. Прядко – к тюремному заключению на 1 год 4 месяца, а потом под особый надзор полиции на 4 года и брат Ф. Прядко – О. Прядко осужден на 1 год и 10 месяцев в исправительно-арестантское отделение, а потом под особый надзор полиции на 4 года. Жена Ф. Прядко – Н. Прядко и шестнадцатилетняя дочь Ф. Прядко судом оправданы. До июля 1877 г. Ф. Прядко находился в Киевской тюрьме // Пойда Д.П. Крестьянское движение в Правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). С. 217.

торое привело администрацию к необходимости принятия чрезвычайных мер для установления законного порядка, и послужило основанием для возбуждения уголовного преследования, состоявшего из 53 отдельных производств, под названием «о волнениях среди государственных крестьян некоторых волостей Чигиринского уезда».¹ Всего к делу было привлечено 336 человек.²

Однако это была не окончательная точка в разрешении наболевших аграрных споров, а, как показало время, – только многоточие. В борьбе крестьян за равный душевой надел четко проявился их «народный монархизм», надежды на доброго «царя-батюшку», который должен разрешить в их пользу все спорные вопросы. Эти царистские ожидания вылились в широкую волну слухов о существовании спрятанного панами и чиновниками «царского указа», повелевавшего наделить селян землю на справедливых основаниях. Отсюда вытекала и стойкость крестьян в борьбе за достижение своей цели – отказе от якобы «неправедных» люстрационных актов и требовании душевого надела в 5 десятин.

В советской историографии, отмечая проявления «наивного монархизма» крестьян, историки указывали: «Царистская идеология, как и разрозненность, стихийность и локальность крестьянских волнений того периода были следствием низкой политической сознательности крестьянства. Однако в тех условиях царистская идеология крестьянства – лишь оболочка объективно-боевого демократизма крестьянства, боровшегося за ликвидацию остатков крепостничества в деревне революционным путем».³

Сегодня, в рамках новых методологических стратегий, данный тезис требует пересмотра и его можно интерпретировать, в том смысле, что незыблемая вера крестьян в «доброе царя-батюшку» представляется теперь главным, а не второстепенным ментальным катализатором активности участников крестьянского движения на Чигиринщине. При наличии социально-экономических оснований протеста, несомненно, что в условиях доиндустриального общества именно «тра-

¹ ЦДІАК України. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157. Л.22об.

² Чигиринское дело (по официальным источникам) // Киевлянин. 1877. № 98.

³ Пойда Д.П. Крестьянское движение в Правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). С. 219.

диционное сознание, базирующееся на божественном, сакральном объяснении бытия было единственно возможной формой осмысления реальности».¹

Мифологическому мышлению носителей традиционного сознания имманентен был и культ монарха – ставленника божия на земле, а потому надежды возлагавшиеся крестьянами на мудрость его справедливых решений «наивными» могут казаться только рационально мыслящему человеку, чья «картина мира» опирается совсем на иные ценностные установки. Эту естественную и единственно возможную тогда веру массы крестьян в царскую милость с успехом эксплуатировали их вожаки, тот же Ф.Д. Прядко, тонко чувствующий ситуацию, и не раз прибегавший к использованию каких-то элементов «народного монархизма» – будь то слухи о «царских грамотах», вымышленная встреча с царем во время визита в столицу, ожидавшийся приезд цесаревича и пр. Монархические убеждения крестьян в дальнейшем чутко уловили и некоторые революционеры-народники, вынесшие из опыта «хождения в народ» уверенность, что поднять крестьян на революцию можно только используя традиционно присущий крестьянам «народный монархизм». Тем более что на Чигиринщине для этого наличествовала и достаточно прочная социальная база, сохранившаяся после крестьянских беспорядков 1873–1875 гг.

§ 1.3. Итоги и уроки «хождения в народ» 1874 г. на Украине

«Хождение в народ» – движение радикальной интеллигенции в народную среду для пропаганды идей социализма – являлось, несомненно, важнейшим этапом в развитии революционного народничества.² Теоретическая концепция

¹ Мауль В.Я. Самозванные цари и царицы в социокультурной ретроспективе русского бунта (до пугачевского восстания). С. 6.

² См. подр.: Богучарский В.Я. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912; Итенберг Б.С. Движение революционного народничества. Народнические кружки и «Хождение в народ» в 70-х гг. XIX в. М., 1965; Троицкий Н.А. Большое общество пропаганды 1871–1874 (так называемые «чайковцы»). Саратов, 1963; Он же. Первые из блестящей плеяды (Большое общество пропаганды 1871–1874 гг.). Саратов, 1991; Он же. Крестonosцы социализма. Саратов, 2002; Филиппов Р.В. Из истории народнического движения на первом этапе «хождения в народ». Петро-

народников начала 1870-х гг. была, как справедливо отмечал Н.А. Троицкий, «отражением интересов крестьянства». Их тактические расчеты строились главным образом на крестьянстве как решающей, по их мнению, революционной силе. Наконец, вся их практическая деятельность до 1874 г. была направлена на создание условий и подготовку кадров для социальной пропаганды в деревне среди крестьянства.¹

Вся осень и зима 1873 г. проходили в крупнейших городах России в чрезвычайном оживлении молодежи². Средний возраст участников кружков был намного моложе 30 лет, т.е. это были очень молодые люди, зачастую представители учащейся молодежи с оппозиционным образом мыслей, достаточно легко подверженные воздействию революционных идей о преобразовании общества.³

Одним из идейных наставников революционной молодежи тогда выступал П.Л. Лавров, автор знаменитых «Исторических писем», которые О.В. Аптекман называл «евангелием революции».⁴ Основная идея «Исторических писем» заключалась в обращении к интеллигенции работать среди народа во имя его духовного преображения и политического освобождения не на основе существующих политических порядков, но на иной, а именно социалистической основе. Однако, по мнению П.Л. Лаврова, ни народ, ни народническая интеллигенция не готовы к революции, т.е. нужно долгое «подготовление» ее «путем развития научной социологической мысли и пропаганды социалистических идей в народе».

заводск, 1967; Гинев В.Н. Народническое движение на Среднем Поволжье 70-е гг. XIX в. М.-Л., 1966; Venturi F. *Roots of revolution: A history of populist and socialist movements in nineteenth century Russia*. Berlin, 1960; Пелевин Ю.А. «Хождение в народ» 1874–1875 гг. // Вопросы истории. 2013. № 4. С. 64–98; № 5. С. 83–99; № 6. С. 38–51.

¹ Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. Саратов, 2002. С. 143.

² См. подр.: Синегуб С.С. Воспоминания чайковца // Былое. 1906. № 9. С. 98–136; Кулябко-Корецкий Н.Г. Из давних лет // Историко-революционная библиотека. М., 1931; Шишко Л.Э. Общественное движение в шестидесятых и первой половине семидесятых годов. М., 1920; Клеменц Д.А. Из прошлого. Л., 1925; Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1990.

³ Б.С. Итенберг по архивным данным III отделения установил возрастной состав участников движения. Установлен возраст 1665 человек. Из них: 27, 5% – моложе 21 года, 38, 4% – от 21 до 25; 21, 3% – от 25 до 30 лет. Т.е. 87, 2% участников движения были в возрасте до 30 лет, а 65, 9% в возрасте до 25 лет // См. подр.: Итенберг Б.С. Указ. соч. С. 377.

⁴ Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. Пг., 1924. С. 122.

Неким антиподом П.Л. Лаврова выступал М.А. Бакунин. В 1873 г. увидела свет его основная работа «Государственность и анархия» со знаменитым «Прибавлением А», в котором М.А. Бакунин прямо писал, оппонируя идеям П.Л. Лаврова: «Другой путь боевой, бунтовской. В него мы верим и только от него ждем спасения. Народ наш явным образом нуждается в помощи. Он находится в таком отчаянном положении, что ничего не стоит поднять любую деревню. Но хотя и всякий бунт, как бы неудачен он ни был, всегда полезен, однако частных вспышек недостаточно. Надо поднять вокруг все деревни. Что это возможно, доказывают нам громадные движения народные под водительством Стеньки Разина и Пугачева».¹

Исходя из этого тезиса М.А. Бакунина, задача революционеров – немедленно поднять всероссийскую революцию, которая уничтожит всякую государственность и установит социалистическое общежитие на основе «свободных федераций», рабочих ассоциаций и «вольных крестьянских общин».

Непосредственный участник тех событий О.В. Аптекман отмечал, что «программы вожаков революции дебатировались страстно как в кружках, так и на сходках».² Однако в спорах, ведущихся между сторонниками П.Л. Лаврова и М.А. Бакунина, в главной мысли противники сходились – поработитель народа – царизм, и «пора наконец открыть народу глаза на причины этого зла и тем заставить его выйти из бездейственного состояния».³

Радикальная молодежь была охвачена небывалым энтузиазмом. «В эту зиму, – писал Н.А. Чарушин о зиме 1873–1874 гг., – молодой Петербург кипел в буквальном смысле этого слова... Всех охватила нетерпеливая жажда отрешиться от старого мира и раствориться в народной стихии во имя ее освобождения. Люди безгранично верили в свою великую миссию, и оспаривать эту веру было бесполезно. Это был своего рода чисто религиозный экстаз, где рассудку и трезвой

¹ Бакунин М.А. Государственность и анархия. М., 2014. С. 664.

² Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. С. 129.

³ Чарушин Н.А. О далеком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX века. М., 1973. С. 200.

мысли уже не было места».¹ Такое настроение господствовало повсеместно, не зря П.Л.Лавров назвал участников этого беспрецедентного похода «крестоносцами социализма».²

Начало активному движению было положено весной 1874 г., а лето 1874 г. вошло в историю народничества, как «шальное лето». Вскоре массовое движение радикальной российской молодежи по полицейским оценкам охватило 37 губерний.³ Массовый характер оно носило и на юге России, где центрами движения были Киев, Харьков и Одесса.⁴ Именно Киев стал своеобразной отправной точкой для движения революционеров вглубь Украины, в т.ч. и на Правобережье.

Особенностью движения на Украине был преимущественно бакунистский (бунтарский) характер пропаганды, исходящий, как уже выше указывалось, из тезиса, что русский народ готов к революции – он «социалист по инстинкту и революционер по природе».⁵ «Теория Бакунина лучше отвечала настроению радикальной молодежи, – писал П.Б. Аксельрод. – Эта теория подкупала нас своей простотой, прямолинейностью, тем, что она без всяких оговорок радикально разрешала все вопросы».⁶

Одним из рассадников бакунизма в Киеве, а потом и по Украине был революционный кружок, вошедший в историю под названием «киевская коммуна».⁷ «Наряду с петербургским кружком Ф.Н. Лермонтова и С.Ф. Ковалика "Киевская коммуна" была одной из первых народнических организаций 70-х гг., восприняв-

¹ Чарушин Н.А. О далеком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX века. С. 202.

² Лавров П.Л. Философия и социология. М., 1965. Т. 2. С. 7.

³ Полицейское дознание учло 37 губерний, охваченных «хождением в народ», еще 4 губернии были выявлены последующим дознанием и 10 советскими историками. Всего «хождением в народ» была охвачена 51 губерния. Подробнее об этом см.: Троицкий Н.А. Царские суды против революционной России: политические процессы 1871–1880 гг. Саратов, 1976. С. 42.

⁴ См подр.: Чудновский С.Л. Из дальних лет (отрывки воспоминаний 1869–1872 гг.) // Былое. – 1907. № 10. С. 218–241; Фроленко М.Ф. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. М. 1989. С.263–271; Бух Н.К. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. М. 1989. С.38; Дейч Л.Г. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. М. 1989. С.68–69.

⁵ Бакунин М.А. Речь на конгрессе Лиги мира и свободы в 1868 г. // Бакунин М.А. Избранные сочинения. Пг.; М., 1920. Т. III. С. 112.

⁶ Аксельрод П.Б. Пережитое и передуманное. Берлин, 1923. С. 111.

⁷ Там же, с. 108.

ших идеи революционного анархизма М.А. Бакунина, – отмечает исследовательница И.Л. Кислицына.¹ Среди участников «киевской коммуны» можно назвать Е.К. Брешко-Брешковскую, В.И. Веригу, В.А. Бенецкого, братьев Л. и Н. Левенталей, В.К. Дебогория-Мокриевича, М.А. Коленкину и др.² На последнем этапе существования коммуны в ее состав влился Я.В. Стефанович.³

Вот как характеризовал взгляды свои и своих друзей В.К. Дебогорий-Мокриевич: «Будучи сторонниками бунтовской программы, мы защищали и доказывали ее справедливость всеми способами. Но главным образом на помощь призывали историю... Мы толковали о том, что у нас на окраинах сохранилось много революционных традиций, что на Волге до сих пор поют песни про Пугачева и Стеньку Разина, а на Днепре – про гайдамаков».⁴

Доказательства в пользу особой революционности украинских крестьян бакунисты находили в их поведении во время польского восстания, «в их преследованиях польских "панов-повстанцев" и той ненависти, с какой они относились тогда вообще к панам, к разряду которых причисляли всех людей привилегированного звания». Впоследствии, встав на вполне умеренные либерально-демократические позиции, В.К. Дебогорий-Мокриевич несколько скорректировал взгляды на этот вопрос, отмечая, что «борьба украинцев-крестьян в 1863 г. с бунтовщиками – поляками-помещиками – в своем основании имела конечно, те же мотивы, которые создали в прошлом веке гайдамачину, но отсюда не следовало того, что возможно было повторение гайдамачины в наше время».⁵ Но летом 1874 г. у сторонников бунтовской ориентации преобладало убеждение в возможности поднять украинских крестьян на восстание, да еще и под социалистическими знаменами.

Надо признать, что оптимизм в рядах участников «хождения в народ» вообще и на Украине в частности зашкаливал. О степени наивности молодых ради-

¹ Кислицына И.Л. Бакунизм на юге России (70-е гг. XIX века). Владивосток, 1992. С. 99.

² Революционное народничество 70-х гг. XIX века. М., 1964. Т. 1. С. 270.

³ См., напр.: Аксельрод П.Б. Пережитое и передуманное. С. 109; Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. С. 143.

⁴ Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. С. 161.

⁵ Там же, с. 163.

калов и их абсолютной доверчивости и некритичности в отношении существующих революционных программ свидетельствовал хотя бы тот факт, что наиболее рьяные бакунисты попытались на практике реализовать идею М.А. Бакунина о ставке на разбойный элемент. Они отталкивались от его тезиса о том что «есть в самом русском народе лицо, смеющее идти против мира: это разбойник», и «разбой составляет важное историческое явление в России – первые бунтовщики, первые революционеры в России, Пугачев и Стенька Разин, были разбойники».¹

Летом 1874 г. революционеры-южане попытались на практике реализовать эту бакунинскую идею. Членам «киевской коммуны» Е.К. Брешко-Брешковская принесла весть, почерпнутую ею из газет о том что где-то в Полтавской или на юге Киевской губернии появился разбойник, который грабит богатых помещиков и евреев и раздает награбленное беднякам-крестьянам. Это известие взволновало революционеров, в результате решено было установить с ним контакт. Сделать это вызвались П.Б. Аксельрод и Е.К. Брешко-Брешковская. Они условились двигаться разными дорогами до точки randevu. Но, как вспоминал позже П.Б. Аксельрод: «Пространствовав около недели пешком, я нигде даже намеков в подтверждение газетного сообщения о разбойнике не слышал. Газетное известие, взволновавшее нас, было очевидно, плодом чьей то досужей фантазии или нарочно пущенной в обращение газетной уткой».²

Степень революционной экзальтации и революционного нетерпения в кругах революционной молодежи была очень высока. Все ждали революции и слома старой государственной машины, что называется, «вот-вот». Один из участников «хождения в народ» на Украине Л.Г. Дейч так определял логику мысли молодых пропагандистов: «Время, когда народ из состояния нищеты, невежества и унижения перейдет, благодаря проповеди молодых энтузиастов, в царство свободы, довольства и просвещения, представлялось многим из них столь близким, что они готовы были ожидать его наступления чуть ли не через несколько лет».³ Были и

¹ Бакунин М.А. Государственность и анархия. С. 661.

² Аксельрод П.Б. Пережитое и передуманное. С. 120.

³ Дейч Л.Г. Хождение в народ. Из воспоминаний. Пг., 1919. С. 3.

еще более скорые пророчества. Самые горячие и нетерпеливые головы «революцию ожидали кто «по весне», кто «по осени»; иные даже думали, что она произойдет сейчас.¹

Одним из главных элементов в пропагандистской компании было использование специальной «литературы для народа»,² которая в радикальных кругах считалась эффективным средством революционизации крестьян. В таких произведениях, написанных в псевдонародном стиле, часто с использованием сказочных или фольклорных мотивов, доказывалась несправедливость существующего строя и внушалась мысль о том, что от царя и от господ нельзя ожидать облегчения жизни простого народа. Очень часто пропагандистские брошюры несли мощный антиклерикальный заряд. Но при этом нельзя не указать еще на одну составляющую некоторых из подобного рода литературных произведений. В них авторы пытались апеллировать к глубинным чувствам, традиционно присущим простому русскому мужику, а именно к его представлениям о символах социальной справедливости и связанному с этим дремлющему «народному монархизму». Исследователь В.Г. Базанов отмечал, что «пропагандистская литература революционных народников, постоянно заимствующая у фольклора отдельные образы, мотивы и фабулы, расцвеченная народными пословицами, прибаутками и афоризмами, внутренне полемична к одной из главных идей устной словесности (вера в царя) и крестьянским практическим "хождениям", стихийным беспомощным обреченным. Кроме путешествия в далекие земли, – вернее, сказочные мечты о таком путешествии, – были еще паломничества крестьянских ходоков к царю-защитнику. В "народных книгах", созданных революционерами 70-х годов, показывается весь ужас путешествий за правдой в царские палаты».³

¹ Цит. по: Пелевин Ю.А. «Хождение в народ» 1874–1875 гг. // Вопросы истории. 2013. № 4. С. 75.

² См. подр.: Захарина В.Ф. Голос революционной России: литература революционного подполья 70-х гг. XIX века. М., 1971.

³ Агитационная литература русских революционных народников. Потаенные произведения. 1873–1875 гг. Л., 1970. С. 62.

Приведем характерный пример из брошюры «Хитрая механика».¹ «Эх ты царь наш батюшка! Верили мы тебе, верили, да уж чтой-то изверились! Живешь ты в палатах каменных, и сердце-то у тебя стало каменное! Как дал ты нам волю, стали нас господа с уставными грамотами больно обижать, да и воля-то сама, коли правду сказать, только по названию что воля, потому мы все-таки у помещиков временнообязанными остались... Ждали от тебя настоящей чистой воли, а вышло тут чтой-то неладно; воля-то на волю не похожа. Врут, думали мы, это все дворянские штуки! В те поры верили мы еще в тебя а и сколько мы к тебе ходоков посылали с слезными прошениями, чтобы услышал ты плач наш мужицкий, жалобный... Что ж, услышал ты нас? Услышал наш батюшка! Ходоков только мы своих уж боле не видали; все они говорят, в Сибири сгнили, а на нас на самих ты свое царское войско с пушками да генералами насрал. Уж была тут воля чистая и настоящая!»²

Революционный пафос брошюры, написанной на большом конкретном материале, взятом из реалий русской жизни, делал ее очень популярной среди пропагандистов. Например, С.А. Подолинский отзывался о ней как о прекрасной книге, которая очень понравилась революционным деятелям на Украине.³ Однако в данном случае для нас интересна не ее антиправительственная направленность, а то, что в ней налицо попытка обращение к фигуре царя. Да, здесь она предпринимается в острокритическом ключе, но сам факт обращения к царскому образу, явно свидетельствует, что ее автор отдавал себе отчет в наличии у социальных низов мощнейшего пласта «народно-монархической культуры», которой нужно противопоставить свои контраргументы. Наличие в ментальности российского крестьянина веры в доброго «царя-батюшку» могло использоваться и использовалось пропагандистами в своих беседах с крестьянами для развенчания этого мифа,

¹ «Хитрая механика» была написана В.Е. Варзаром зимой 1873–1874 гг. и издана в 1874 г. под псевдонимом Андрей Иванов в Цюрихе в типографии журнала «Вперед» // См. подр.: Захарина В.Ф. Голос революционной России: литература революционного подполья 70-х гг. XIX века. М., 1971. С. 62.

² Агитационная литература русских революционных народников. Потаенные произведения. 1873–1875 гг. С. 63.

³ Цит. по: Захарина В.Ф. Голос революционной России: литература революционного подполья 70-х гг. XIX века. С. 63.

иначе говоря, шло со знаком «минус». Но ведь само признание факта наличия у народа такой веры могло зародить соблазн использовать эту веру и со знаком «плюс», т.е. обратить ее на службу революционной идее.

Это совпадало с тем, что реально видели пропагандисты на землях правобережной Украины. Вот как описывал свои первые впечатления от посещения деревни представитель «киевской коммуны» В.К. Дебогорий-Мокриевич, отправившийся вместе со Я.В. Стефановичем и еще тремя товарищами под видом красивиц по Киевской и Подольской губернии. Целью похода была своеобразная рекогносцировка на местности, узнать, чем дышит крестьянин в местах, где в прошлом веке действовали отряды гайдамаков. «Так, из разговоров оказалось, что крестьянские движения происходили главным образом в конце пятидесятых и начале шестидесятых годов, т.е. в период до и тотчас после освобождения крестьян, и что приблизительно с половины шестидесятых годов волнения стали происходить реже, а к семидесятым годам их почти вовсе не было... Другое явление, бросившееся в глаза, было повсеместное желание крестьянами подушного передела земли, и на это явление мы обратили самое серьезное внимание. Передел земли являлся исходной точкой при выработке всех наших практических программ. В этом желании народа, показывавшем его отрицательное отношение к личной поземельной собственности, мы усматривали, с одной стороны, социалистический идеал будущего, с другой – во имя этого надеялись вызвать народное восстание. Для нас, украинцев, община не была и не могла быть исходной точкой программы, так как общины в виде, как она существовала на севере России, мы не имели».¹ По мнению украинских крестьян, передел земли должен был совершиться соразмерно количеству людей всех званий и сословий, цифра ожидаемого надела колебалась около 5 десятин. В 1874 г. ожидание земельного передела приурочивалось к воинской реформе, которая проводилась в это время. «Теперь будут брать всех в солдаты: и пана, и цыгана, и мужика. И за это царь даст всем по-

¹ Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. С. 171.

ровну земли, – толковал мне один крестьянин», – вспоминал В.К. Дебогорий-Мокриевич.¹

Однако «от всех, от кого мы слышали о "переделе земли", мы слышали также, что этот передел должен совершиться по воле царя. По представлению крестьян, царь уже давно осуществил бы это, если бы ему не противились паны и чиновники – исконные враги крестьян, а вместе с тем и царя». Таким образом, первый серьезный вывод был сделан странствующими пропагандистами в том духе, что «царизм являлся в самой тесной связи с земельным идеалом крестьян. Свои желания, свои понятия о справедливости крестьяне переносили на царя, как будто это были его желания, его понятия. Передел земли должен был совершиться потому, что этого желал царь».²

Одной из целей этой пропагандистской экспедиции было узнать, как можно больше о большом Корсунском восстании крестьян в годы Крымской войны. Революционеры надеялись найти именно в этих местах в крестьянах хороший бродильный элемент для организации бунта. Любопытна та информация, которой пользовались революционеры. Она могла в дальнейшем во многом повлиять на идею использования подложного крестьянского манифеста в Чигирине. «Во время севастопольской войны... в имении князя Лопухина (местечко Корсунь и окрестные села) распространился слух о существовании царского манифеста, по которому будто бы даровались крестьянам "казацкие права"... Манифест этот, как подозревали крестьяне, прислан был священникам для опубликования всему народу, но они его скрыли. То в одной, то в другой деревне крестьяне стали требовать от своих приходских священников, чтобы те прочли им манифест. Но так как попы, по мнению крестьян находились в соглашении с помещиками и потому не хотели читать, то крестьяне, собравшись из деревень в количестве тысяч до десяти человек, пришли в местечко Корсунь ко дворцу Лопухина, для того чтобы потребовать

¹ Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. С. 172.

² Там же, с. 174.

выдачи им на руки царского манифеста».¹ Для пресечения волнений пришлось вызвать войска, и крестьянское выступление было подавлено.²

На основе полученной информации странствующие революционеры-бакунисты пришли к выводу, что «в свежих воспоминаниях, сохранившихся в народной памяти об этом бунте, живых рассказах о нем мы видели революционные традиции, то поэтому находили, что было бы весьма полезно устроить в Корсуне поселение или революционный притон».³

Однако нехватка денег у членов «киевской коммуны», несмотря на хлопоты В.К. Дебогория-Мокриевича, привела к отказу от корсунского проекта. В результате Я.В. Стефанович опять отправился на юг Киевской губернии, но теперь в компании с Е.К. Брешко-Брешковской и М.А. Коленкиной, которая выдавала себя за племянницу Е.К. Брешко-Брешковской. Об основательности подготовки говорил тот факт, что участники предприятия достали подробные военные карты Киевской, Херсонской и Подольской губерний, куда они направлялись, планируя начать работу с крупных сел при сахарных заводах.⁴

Во время этих странствий они достигли большого села Смела, которое в дальнейшем будет использоваться «южными бунтарями» как форпост. В период своих странствий по украинским губерниям Я.В. Стефанович и Е.К. Брешко-Брешковская вели пропаганду и среди штундистов, для этой цели Я.В. Стефанович занялся детальным изучением Нового завета. Сектанты слушали их с большим интересом, но выводы делали, исходя из своих представлений о мире. Так

¹ Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. С. 177.

² В Киевской губернии крестьянские волнения происходили в марте и апреле 1855 г. по поводу царских манифестов 11 января 1854 г. и 24 января 1855 г. о народном ополчении. Стремление крестьян на основании этих манифестов получить волю связано было с историческими воспоминаниями о казачестве, его самоуправлении и независимости. Волнения эти особенно проявились в Свирском, Васильковском и Каневском уездах Киевской губернии. По официальным данным было убито от 11 до 30 человек и 27 крестьян ранено, со стороны солдат убит 1 унтер-офицер и 10 солдат ушиблено, а по свидетельству очевидцев было убито 20 крестьян и ранено более сотни.

³ Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. С. 178.

⁴ Брешко-Брешковская Е.К. Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. 1873–1920 . М., 2006. С. 40.

после одной из бесед, когда весь народ разошелся, хозяин дома, где остановились пропагандисты, обратился к Е.К. Брешко-Брешковской с такими словами:

«— Сестра, я не знаю, кто ты и откуда ты пришла, но когда ты вошла ко мне, пока я молотил зерно, я решил что ты императрица или дочь императора...

– Почему? Спросила я. Я же выступала против царской власти.

– В Библии говорится, что царей осудит их собственное племя, – ответил он».¹

Естественно, этот диалог не мог ускользнуть от внимания Я.В. Стефановича. В этих же странствиях Я.В. Стефанович и Е.К. Брешко-Брешковская достигли Тульчина. Описывая свои впечатления от этого местечка, Е.К. Брешко-Брешковская обращала внимание на то обстоятельство, что «здесь постоянно сменяли друг друга ремесленники, бродяги и контрабандисты. Кроме того, население жило в постоянном ожидании набегов последователей знаменитого Кармелюка. Кармелюк был легендарным героем-разбойником, который оставался невидимкой, при свете дня грабил богатых и помогал бедным».²

Интересна в этом ракурсе реакция на эти рассказы Я.В. Стефановича, как будущего идейного вдохновителя и руководителя «Чигиринского дела». «Стефанович с восторгом слушал истории об этом герое и о том доверии, которое питали к нему бедные люди, – вспоминала Е.К. Брешко-Брешковская. – Он представлял себе войны, которые вели запорожцы, и страстно желал возродить храбрую борьбу украинцев со всем, что мешает их миролюбивой жизни, полной красоты и поэзии».³

Как видим, на этом этапе движения бакунисты, к числу которых принадлежали участники этой группы, предпочитали использовать практику так называемой «летучей пропаганды». Она заключалась в том, что революционеры ходили по деревням и селам, заводя разговоры и безнадежно пытаясь подбить мужиков на бунтовские акции. Мемуаристы отмечали, что «этот вид пропаганды особенно

¹ Брешко-Брешковская Е.К. Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. 1873–1920. С. 54.

² Там же, с. 62.

³ Там же, с. 62–63.

привлекал молодежь относительной трудностью. Пропагандист все время находился в напряженном состоянии: с одной стороны, он все время, проводимое среди незнакомых крестьян, должен был настолько хорошо играть свою роль, чтобы в нем не заподозрили переодетого барина, с другой – ему приходилось проявлять большую находчивость, чтобы во всяком пустом разговоре найти подходящую почву для пропаганды».¹

С.Ф. Ковалик так оценивал ее значение: «"Летучая пропаганда", по существу своему, не могла иметь задачей не только последовательного просвещения народа, но и систематического его революционизирования – она стремилась внести революционное брожение в широкие слои населения. Пропагандист не считал потерянным время, если ему удавалось возбудить в своих случайных собеседниках – крестьянах или рабочих – какую-нибудь отдельную революционную мысль или даже только усилить существующее у них недовольство своим положением. С этого положения обыкновенно и начинались разговоры: отсюда легко было перейти к эксплуатации крестьян помещиками, к притеснениям купцов, к злоупотреблениям чиновников. Если все эти стадии беседы проходили удачно, то пропагандист переходил к оценке верховной власти и доказывал, что она в лице царя, является покровителем всех тех, кто угнетает народ. В результате собеседники призывались к самодеятельности, к борьбе всем миром с кулаками, помещиками и чиновниками. Активные крестьяне, готовые стать в ряды борцов, встречались очень редко».²

Подобный вид пропаганды предполагал и достаточно хорошее овладение народником-пропагандистом каким-либо видом крестьянского ремесла. Так, например, Я.В. Стефанович выступал в роли сапожника, хотя, как впоследствии иронично отмечала Е.К. Брешко-Брешковская: «Мой племянник (Стефанович – авт.), сапожник, и его «тетя», красильщица, не заработали никаких денег своим ремеслом, отчасти из-за своей неумелости, а отчасти из-за того, что время уходи-

¹ Ковалик С.Ф. Революционное движение семидесятых годов // Революционеры 1870-х годов. Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. Л., 1986. С. 186.

² Там же.

ло на другие дела». В конце концов, эти скитания по Украине закончились для Е.К. Брешко-Брешковской арестом. К счастью для Я.В. Стефановича, он был в отъезде, отправившись в Киев за деньгами и разузнать общую ситуацию.¹

Вообще, слабая конспирация, характерная для эпохи «хождения в народ», привела к настоящему полицейскому погрому среди народников- пропагандистов. Разгром движения, начавшийся с ареста в мастерской Пельконена в Саратове, вскоре вырос в гигантское полицейское дознание о «Пропаганде в Империи», официально начатое 4 июля 1874 г. под началом начальника московского ГЖУ И.Л. Слезкина и прокурора Саратовской судебной палаты С.С. Жихарева.²

Погром затронул и Украину, начавшись с Черниговской губернии. В этом отношении следствию очень помогли откровенные показания народного учителя Г.С. Трудницкого. Чудом избежавший ареста в Киеве, В.К. Дебогорий-Мокриевич писал, что «со всех сторон, откуда не доходили к нам сведения мы слышали тоже лишь об арестах да розысках... Денег у нас было мало. Мы были скомпрометированы. Нас разыскивали, и скрыться нам было не у кого. Одним словом мы были разбиты на голову».³

Общие цифры арестованных не оставляли сомнения в полном провале «хождения в народ». Жандармский полковник В.Д. Новицкий, осуществлявший «проверку числа арестованных лиц», отмечал, что таковых было только в 1874 г. по 26 губерниям больше 4 тысяч человек.⁴ В качестве обвиняемых в этих губерниях значилось 770 человек, из них 158 женщин.⁵ Отметив, что «неразысканными оказалось всего 53 человека тех, кого полиция желала иметь», историк М.Н. Покровский вполне справедливо заключал: «Такого полного провала революционное движение в России ни разу не испытывало ни раньше, ни после».⁶

¹ Брешко-Брешковская Е.К. Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. 1873–1920 . С. 64.

² См. подр.: Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. С. 157–158.

³ Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. С. 201.

⁴ Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. С. 77.

⁵ Записка графа К.И. Палена. Успехи революционной пропаганды в России // Дейч Л.Г. Социалистическое движение начала 70-х годов в России. М.-Л., 1928. С. 46.

⁶ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен / Избранные произведения. Кн. 2. М., 1965. С. 456.

Пропагандируя в народе, революционеры с удивлением отмечали, что русский мужик, оказался для них своеобразной «terra incognita». Совершенно иллюзорной и оторванной от реальной действительности оказалась вера народников-пропагандистов в то что «русский мужик социалист по натуре». Сложно не согласиться с утверждением Б.С. Итенберга, что «уже первое соприкосновение с народом показало, что крестьян в первую очередь интересуют не проблемы революции и социализма, а сугубо житейские вопросы. Больше всего их волновал вопрос о земле и ее переделе».¹

Об этом же впоследствии писали и сами революционеры: «В своем месте я вспоминал о той пассивности крестьян, которая бросалась и нам в глаза во время наших странствий по Подольской и Киевской губернии. Правда, мы слышали отовсюду, что крестьяне ждали передела земли; но ожидали они его мирно, терпеливо, как простую царскую милость. Самим добиваться передела никому из них в голову не приходило. Но, увлеченные своим собственным революционным настроением, мы закрывали глаза на это обстоятельство и утешали себя той мыслью, что все-таки крестьяне ждали передела».²

Крестьянин в большинстве случаев не понял и не принял ряженных в крестьянскую одежду и совершенно неведомых ему людей. По меткому замечанию итальянского исследователя Ф. Вентури: «Народники нигде не смогли вызвать бунт или мятеж. Повсюду крестьяне слушали этих необычных странников с изумлением, удивлением, а иногда подозрительностью».³

В оценках итогов и уроков «хождения в народ» можно привести весьма авторитетное мнение Н.А. Троицкого: «Уяснить себе коренную причину неудачи (то есть переоценку революционности крестьянства) народники – именно потому, что они были народниками, – не могли. С позиций народнического мировоззрения они нашли ряд других (также существенных) причин, которые и вознамери-

¹ Итенберг Б.С. Движение революционного народничества. Народнические кружки и «Хождение в народ» в 70-х гг. XIX в. М., 1965. С. 419.

² Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. С. 213.

³ Цит. по: Итенберг Б.С. Движение революционного народничества. Народнические кружки и «Хождение в народ» в 70-х гг. XIX в. С. 15.

лись устранить. Главной причиной неудачи "хождения" они сочли абстрактный, отвлеченный характер своей пропаганды, не связанный с конкретными нуждами крестьян... Вторую причину неудачи "хождения в народ" народники усматривали в кратковременности своей пропаганды... Третья причина неудачи заключалась... в организационной слабости движения, в отсутствии руководящего центра, который обеспечивал бы координацию, планомерность и результативность революционной пропаганды... Наконец, сразу же после разгрома "хождения в народ" 1874 г. народники начали ссылаться как на одну из причин своей неудачи... на репрессии со стороны правительства».¹

К вышеприведенным причинам провала «хождения в народ» можно добавить и ряд вполне справедливых положений, высказанных Ю.А. Пелевиным в цикле статей, как бы дополняющих и развивающих базовые тезисы Н.А. Троицкого. Ю.А. Пелевин достаточно точно выделил болевые точки в движении, которые стали фактически непреодолимой стеной между революционерами-народниками и собственно народом:

- оторванность интеллигентной молодежи от народной жизни и народного быта;
- поголовная крестьянская неграмотность, сделавшая совершенно неэффективной книжную пропаганду;
- чуждость народу революционных и социалистических идей, иначе говоря расхождение революционной теории с практикой;
- частнособственнические инстинкты крестьянства, т.е. то, что в свое время марксисты называли мелкобуржуазной стихией;
- сокращение роли крестьянской общины, а отсюда и постепенная эрозия коллективистских начал в русской деревне;
- глубинная религиозность российского крестьянства;
- вера в царя и в землю.²

¹ Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. С. 169–170.

² Пелевин Ю.А. «Хождение в народ» 1874–1875 гг. // Вопросы истории. 2013. № 4. С. 78–98; № 5. С. 83–90.

Следует особо отметить, что при общении пропагандистов с крестьянами наличие в их сознании элементов стихийного «народного монархизма» проглядывало весьма отчетливо. Можно вполне согласиться с мыслью Ю.А. Пелевина, что «у крестьян, особенно южнорусских, были распространены представления, что чиновничья администрация от министров до станового пристава противостоит верховной царской власти, которая может быть, и готова сделать благо для "черного люда", но посредники умышленно искажают все государевы распоряжения».¹

Так, все нелегальные брошюры, читанные Е.К. Брешко-Брешковской и Я.В. Стефановичем украинским крестьянам, они называли «грамотками» и ждали от них царской милости. Издания любого содержания без высочайшей подписи у них вызвали разочарование: «Бумаги очень хорошие, и все в них говорится как нельзя быть лучше: чтобы вся земля поровну, что господ, попов и кулаков долой; только одно непонятно: зачем сказано, что царя не нужно? Как же так можно совсем без царя, кто же управлять-то станет!?»²

«Мы говорили также, – вспоминала Е.К. Брешко-Брешковская, – что помещики угнетают народ, что они забрали все государство в свои руки, что чиновничество держит руку помещиков и мешает народу жить свободной жизнью. И в этом вопросе крестьяне тоже соглашались с нами... Об одном только нам трудно было говорить – это о царе. Мы старались объяснить крестьянам, что царь заодно с помещиками и чиновниками, что он-то как раз и является главным угнетателем народа. Но крестьяне не хотели этому верить... Крестьяне верили царю, они были убеждены, что царь – это добрый хозяин всей земли русской, который содержит войско для защиты от врагов, а крестьяне должны обрабатывать землю, платить ему подати на содержание войска. Они думали, что царь любит свой народ и заботится о нем, а если порой чиновник притесняет народ, то это от того, что он ца-

¹ Пелевин Ю.А. «Хождение в народ» 1874–1875 гг. // Вопросы истории. 2013. № 5. С. 85.

² Брешко-Брешковская Е.К. Воспоминания пропагандистки // Былое. 1906. № 2. С. 41, 50.

ря обманул. А если царь всю правду узнает, то он чиновника прогонит и опять будет для народа, как родной отец».¹

Наличие мощнейшего, идущего откуда-то из глубин народного подсознания преклонения перед образом царской власти отмечал и хорошо знавший жизнь южнорусской глубинки В.Г. Короленко. Показательна в этом отношении его глава из книги «История моего современника», посвященная сосланному ходоку по крестьянским делам Федору Богдану, дошедшему до самого царя. Описывая рассказ этого крестьянина, В.Г. Короленко отмечал, что «народ шел к фантастическому царю, измечтанному им образу».² В продолжение этой мысли В.Г. Короленко писал: «Над умами народа стояло... фантастическое представление о царях, непрестанно пекущихся о народном, и главным образом крестьянском благе... Нужно было еще почти три десятилетия и усилия трех царей, объявивших своей программой освобождения полный застой и остановку жизни великой страны, чтобы разрушить в русском народе эту легенду о царской власти».³

В этом ракурсе очень интересным представляется документ, составленный летом 1874 г. М.Д. Муравским под названием «Программа для собирания пропагандистами сведений о социально-экономических отношениях в деревне». Среди вопросов, на которые пропагандисты просили ответить крестьян, были, например, такие: «Много ли богатых?», «Много ли бедных?», «Бедные в каких отношениях с богатыми?» ... или «Отношения к начальству: дружественное или враждебное, лакейское или с затаенной злобой».⁴

Работа не была доведена до конца М.Д. Муравским, но имела своих последователей, в частности, Н.Ф. Цвилинева, который несколько модифицировал опросник, получивший теперь название «Программа для собирания статистических сведений». Он использовал вопросы из этой программы, в том числе и при

¹ Цит. по: Пелевин Ю.А. «Хождение в народ» 1874–1875 гг. // Вопросы истории. 2013. № 5. С. 86.

² Короленко В.Г. История моего современника. Т. 1. М., 1976. С. 30.

³ Там же, с. 75–76.

⁴ Революционное народничество 70-х гг. XIX века. Т. 1. С. 279.

беседах с жителями села Шабельники Чигиринского уезда. Напомним, что именно в этих местах с начала 1870-х гг. продолжались крестьянские беспорядки.

В ответе на вопрос: «Взгляд общества на причины бедности рабочего класса?» был записан следующий ответ: «Живут крестьяне этой местности бедно; скот у них тощий от недостатка пастбищ; лихорадка и другие болезни часты от болотистой местности. В старосте теперь крестьян грабят, отнимают все, оставляя одну рубаху, сажают в тюрьмы, секут; режут скот для солдат и всячески ругаются. И все это делает начальство, которое поставлено в России для порядка. А все это случилось от того, что крестьяне не хотят идти на выкуп, не хотят платить выдуманные недоимки и требуют, чтобы им теперешнюю их землю, находящуюся в тягловом владении, передали бы на души».

На вопрос: «Есть ли стремление выбраться из-под тяжелого ярма?» записанный ответ гласил: «Приезжал губернатор из Киева и как только вылез из кареты, так начал ругать весь сход и выбранных крестьян для переговоров с ним бунтовщиками, разбойниками и всяческими словами. На это выбранные отвечали: «Мы не бунтовщики, а хотим только правды». Губернатор взбесился и приказал забрать выборных в острог, а их было 50 человек. Весь сход в 1500 душ ответил на это как один человек: «Возьми хоть всех в тюрьму, но мы не подпишем акта». Был смещен старшина, было высечено несколько человек. Один из крестьян там особенно выдается (видимо имеется в виду Ф. Прядко – С.Т.), имя его умолчим, он не пойман, ходит по селам всех ободряет». В предлагаемых крестьянам вопросах был и такой: «Насколько развито в разных слоях общества царепочитание?» На него был записан следующий ответ: «Они (крестьяне – авт.) все еще верят в своего царя – грабителя и посылали было к нему 25 ходоков, но все они словлены и все сидят в остроге – и, конечно, по повелению того же царя-батюшки. Крестьяне говорят: «Коли царь освободил от помещиков, так должен отдать нам и всю землю».¹

Результаты «анкетирования» в очередной раз засвидетельствовали, что убежденность крестьян в царской милости не прошла даже после ареста ходоков

¹ ГА РФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 275. Л. 38об–39об.

и репрессий против самих крестьян. Такая беспредельная вера в царя, царскую милость и праведный царский суд не могла не поднять перед революционерами вопроса – если эта вера так крепка, почему бы ее не использовать в своих интересах? Может быть, использование подобного строя мыслей абсолютного большинства крестьянского населения и направление его в нужное русло через подложные бумаги, связанные с царским именем и есть залог будущих успехов революционной партии?

В этом месте можно несколько развить положения Ю.А. Пелевина об итогах «хождения в народ». Несомненно, еще одним важным, но плохо поддающимся учету итогом этого движения и, в том числе, книжной пропаганды стало появление в крестьянской среде различных толков и слухов о возможном «черном переделе» земли и т.д. В каком-то смысле можно согласиться с мнением В.Г. Базанова о том, что «Пропаганда (книжная и устная) следует за народными слухами о земле и воле и дополняет, вернее, интерпретирует, в духе программных требований и тактики революционного народничества... Пропагандистская литература, не отвергает народные толки об обетованной земле ("Беловодье", "река Дарья" – С.Т.), но придает им особый социальный акцент, поворачивает их к земле совсем близкой, с которой не нужно уходить крестьянину».¹

На наличие подобных слухов, порожденных народнической пропагандой, указывали многие революционеры. Например, О.В. Аптекман обращал внимание, что под влиянием пропаганды «масса слухов и толков о переделе земли и разных других переменах, имеющих в виду интерес народа, стали распространяться в его среде с большим упорством, чем прежде».²

Обсуждались возникающие на эту тему толки и в высших правительственных сферах. Так, на особом совещании министр внутренних дел сообщал о предполагаемых крестьянами формах земельного передела: «Земля от дворян и купцов будет отнята и разделена между крестьянами по числу душ, а в других местностях

¹ Агитационная литература русских революционных народников. Потаенные произведения. 1873–1875 гг. Л., 1970. С. 66, 68.

² Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. С. 178.

говорили, что земля будет отнята у всех без различия звания землевладельцев, имеющих более 100 десятин. К слухам о земле присоединились и толки об освобождении от подушной подати, а также и от всех платежей».¹

В дальнейшем потребовалось специальное «успокоительное» «Объявление» министра внутренних дел, что «ни теперь, ни в последующее время никаких дополнительных нарезок к крестьянским участкам не будет и быть не может». Однако в этом вопросе сталкивались как бы две правды – одна рациональная, построенная на действии существующего права буржуазного государства, другая – иррациональная, патриархальная, исходящая из постулата глубоко укоренившегося в сознании крестьянина, что правда выше закона, а носителем высшей правды является царь, и, в представлениях крестьян, именно он должен был заметить собой несправедливый господский закон и справедливо решить земельный вопрос. Естественно, что оглашение министерского «Объявления» по губерниям могло дать только обратный эффект, крестьяне еще больше уверились, что господа и их слуги – чиновники скрывают настоящую царскую волю. Например, А.Н. Энгельгардт, в своих письмах «Из деревни» прямо указывал, что «"объявление" вызвало еще большие толки среди мужиков в направлении совершенно обратном».²

Ранее уже указывалось, как с помощью мистификации пытался оживить в самом начале 1870-х гг. «константиновскую легенду» уроженец г. Саратова дворянин П.В. Григорьев.³ Но если он использовал для воздействия на крестьян сам образ Константина, то революционеры-народники в 1874 г. в Черниговской губернии взяли за основу идею воздействия на крестьянские умы, используя подложный документ от имени царской особы.

Из документов следствия известно, как 20 сентября на имя прокурора Черниговского окружного суда поступило анонимное сообщение, что в село Красное было «пущено 6 прокламаций почтою по адресу старосты, склад у Байдаковского, Ласкоронского – это только проба». В результате предпринятых мер 22 сентября

¹ Цит. по: Пелевин Ю.А. «Хождение в народ» 1874–1875 гг. // Вопросы истории. 2013. № 5. С. 88.

² Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. М., 1999. С. 397.

³ Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. С. 241–242.

помощник исправника представил отобранную им у старосты села Красное прокламацию следующего содержания, писаную крупными прямыми буквами на манер печатных:

«Старосте объявить сей указ громаде.

Казакам и крестьянам села Красного.

Великий царь по случаю бракосочетания возлюбленного сына своего Владимира повелел всемилостивейше сложить с вас половину недоимки подушной и выкупной подати по 1 января сего года. Начальство скрывает от вас царскую милость и хочет взыскать эти недоимки в свою пользу!! Потребуйте, чтобы милостивый манифест прочитали в церкви, добейтесь правды хоть силою. Царскую правду ищут и с ножом. В других селах уж молебны служили». Внизу было написано «Петербург» и приложена сургучная печать с буквою и вероятно какою-то монетою или медалью и выдавлен № 16.¹

В результате были проведены обыски у состоявших под надзором полиции в Чернигове П.Ф. Байдаковского и А.П. Ласкоронского, но ничего касающегося прокламации выявлено не было. Далее все тот же исправник сообщал, что «когда он отобрал от старосты прокламацию, на сходке народа по случаю взноса податей некоторые крестьяне высказывали большое неудовольствие старосте, что он не объявил им о полученной бумаге, а другие говорили, что не надо платить податей, но все обошлось одним разговором».² Здесь показательно, что всего лишь одна прокламация, причем составленная фактически от руки, смогла привести к появлению среди крестьян села Красное некоторого брожения.

Таким образом, в разных уголках Империи пропагандисты – с одной стороны, наталкивающиеся на невосприимчивость российского крестьянина к прямой социалистической пропаганде, при сохраняющемся у него непоколебимом убеждении в праведности царской воли, а с другой стороны – испытывающие все большее давление властей и попавшие под настоящий вал арестов, начинают склоняться к мысли об обращении к ранее еще неиспользованным способам воз-

¹ Цит. по: В. Кор-ков. Предтечи «чигиринцев» // Каторга и ссылка. № 6 (91). 1932. С. 202.

² В. Кор-ков. Предтечи «чигиринцев» // Каторга и ссылка. № 6 (91). 1932. С. 203.

действия на народные массы, в том числе, к различного рода мистификациям, облеченным в форму «народного монархизма», связанного с использованием либо образа самого царя, либо символов царской власти.

Подобные мероприятия казались тогда еще неиспытанным, но многообещающим средством для подъема широкого народного восстания, однако накопленный за период «хождения в народ» опыт контактов с крестьянством убеждал наиболее фанатичных революционеров, исповедующих лозунг «цель оправдывает средства», в том, что царистскими настроениями, господствующими среди крестьянской массы, нельзя пренебрегать, наоборот нужно попытаться максимально их использовать в своих целях. Это был еще один важный урок, полученный революционерами в период «хождения в народ», урок, который в дальнейшем был использован при организации «Чигиринского заговора».

Глава 2. «Чигиринский заговор»: от идеи до практического воплощения

§ 2.1. Идея крестьянского восстания в деятельности кружка «южных бунтарей». Появление плана «Чигиринского заговора»

Провал «хождения в народ» поставил уцелевших от арестов революционеров перед необходимостью пересмотра многих программных и тактических положений народнической доктрины. Достаточно определенно по этому поводу высказались сами революционеры. Наиболее отвечающей сложившимся обстоятельствам оценкой итогов движения 1874 г. были слова его деятельного участника С.М. Кравчинского. По его мнению, 1874 г. показал «с одной стороны, громадность сил, бесконечное самоотвержение, героизм в деятелях; с другой стороны – совершенную ничтожность результатов». «В конце концов, – подытоживал С.М. Кравчинский, – необходимо было признать, что лбом стену не прошибешь».¹

О причинах неудачи «хождения в народ» достаточно подробно говорилось в предыдущем параграфе. Однако, анализируя причины неудачи, народники, по мнению Н.А. Троицкого, «отказывались признать свою неудачу фатальной. Напротив, они рассудили, что все поправимо, если устранить допущенные в 1874 г. теперь очевидные ошибки. Во-первых, чтобы "достучаться" до сознания крестьян, решено было изменить характер пропаганды, а именно конкретизировать ее, приблизить к насущным запросам крестьянства, идти не от программы к народу, а от народа к программе»². Как писала В.Н. Фигнер, «выставить на своем знамени уже самим народом осознанные идеалы».³ Иначе говоря, теперь революционеры рассчитывали воздействовать на крестьян не абстрактными социалистическими проповедями, а призывами, содержащими реальные требования, а именно – земли и воли.

¹ Письмо С.М. Кравчинского – П.Л. Лаврову // Былое. 1912. № 14. С. 60.

² Троицкий Н.А. Крестonosцы социализма. С. 171; Он же. Софья Львовна Перовская. Жизнь. Личность. Судьба. Саратов, 2014. С. 153–154.

³ Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Воспоминания в 2-х т. Т. 1. М., 1964. С. 139.

Во-вторых, по мнению Н.А. Троицкого, «практически все народники сошлись на том, что "надо раз и навсегда оставить кочевую пропаганду" и впредь вести ее оседло, путем устройства поселений революционеров в деревне под видом учителей, писарей, фельдшеров)... В-третьих, было решено, ради большей эффективности пропаганды и опять-таки ради лучшей защиты пропагандистов от возможных репрессий, создать крепкую всеобъемлющую организацию, которая смогла бы координировать любые действия революционеров в масштабе всей страны из единого центра».¹

Сложно не согласиться с Н.А. Троицким и в том, что «пересмотр тактики народников в 1875–1876 гг. был частичным. Исходный тактический принцип остался неизменным: пропаганда народнических идей в деревне, среди крестьян. Новая тактика выразилась лишь в изменении способов пропаганды и в усовершенствовании ее организации».²

Именно в таких условиях в 1876 г. в Санкт-Петербурге создается новая народническая централизованная организация, получившая в дальнейшем название «Земля и воля». На юге России, в частности, на Украине также шла «работа над ошибками». В самом конце 1874 г. в Одессе на руинах «киевской коммуны» и остатков других бакунистских кружков Новороссии, благодаря стараниям вернувшихся из-за границы В.К. Дебогория-Мокриевича и Я.В. Стефановича, создается объединение революционеров, вошедшее в историю российского революционного движения под названием кружка «Южных бунтарей». За границей В.К. Дебогорий-Мокриевич имел контакты с М.А. Бакуниным и вернулся в Россию с его инструкцией: «организовать по возможности всех нелегальных, ускользнувших от нарождавшегося процесса 193-х»,³ естественно, под анархистскими знаменами.

«Основание кружку, – вспоминал В.К. Дебогорий-Мокриевич, – было положено четырьмя нелегальными, кроме Стефановича и меня остальных двух я

¹ Троицкий Н.А. Крестonosцы социализма. С. 171.

² Там же, с. 171–172.

³ Бух Н.К. Воспоминания. М., 1928. С. 106.

назову из предосторожности буквами Б. и К... кроме этих четырех человек, присоединились к кружку еще четыре человека, между которыми был Виктор Малинка... Таким образом к началу 1875 г. кружок наш состоял уже человек из восьми».¹

В дальнейшем состав кружка существенно расширился за счет обломков других революционных кружков той же бакунистской ориентации. Зима 1875 г. прошла в организационной работе и привлечении новых членов. В результате, к середине 1875 г. «южные бунтари» по революционным меркам того времени являли собой весьма существенную силу. Весной 1875 г. в местечке Смела прошло их собрание, на котором во главе созданной организации встали избранные большинством голосов – В.К. Дебогорий-Мокриевич, Я.В. Стефанович, М.П. Ковалевская и М.Ф. Фроленко.² В состав кружка, помимо руководителей, тогда входили И.В. Дробязгин, В.А. Малинка, Л.Г. Дейч, И.В. Бохановский, В.Ф. Костюрин, Н.К. Бух, М.А. Коленкина, В.И. Засулич и А.М. Макаревич. В дальнейшем его состав расширился до 20 человек.³

Исходя из прошлых ошибок, главнейшее внимание в кружке отводилось конспирации. Так, «южные бунтари» приняли «за правило, чтобы настоящие фамилии совершенно не были известны членам кружка и чтобы все назывались выбранными ими самими или другими товарищами кличками». Кроме того, «при арестах бакунисты должны были оказывать вооруженные сопротивления; во время следствия и суда отказываться давать показания и т.д.».⁴ При этом члены по-прежнему не разделяли централистских начал в управлении, письменного устава также не было. Все вопросы решались простым большинством голосов.

Главная революционная инициатива на первых порах исходила от Я.В. Стефановича и В.К. Дебогория-Мокриевича. Л.Г. Дейч вспоминал, что «на основании опыта, приобретенного ими из хождения в народ, они полагали, что един-

¹ Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. С. 239.

² Фроленко М.Ф. Движение 70-х годов // Фроленко М.Ф. Собр. соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1931. С. 184.

³ Дебогорий-Мокриевич В.К. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 62.

⁴ Дейч Л.Г. За полвека. Т. 1. Ч. 2. М., 1922. С. 9.

ственная возможная деятельность, могущая дать какие-либо положительные результаты, это агитация на почве необходимости отобрать землю у помещиков и передать крестьянам в общинное пользование. Особенно успешной такая агитация, по их мнению, должна была оказаться в местностях, в которых уже происходили крестьянские волнения на почве земельного недовольства».¹ Основным тактическим принципом «южных бунтарей» становится «агитация делом» с целью осуществления насущных требований и стремлений народа.² Надо сказать, что для абсолютного большинства членов кружка программа была абсолютно ясной и не оставлявшей места для раздумий до таких пределов, что, как вспоминал Н.К. Бух: «Умственная жизнь в нашем кружке замерла».³

Система взглядов «южных бунтарей» была изложена в документах, сохранившихся от А.Д. Михайлова, находившегося с начала до середины 1876 г. в Киеве. В основе идеологии кружка лежала главная идея М.А. Бакунина, согласно которой задача народной революции заключается в том, чтобы разрушить современное государство. Полностью восприняв программу М.А. Бакунина, «южные бунтари» считали, что народ не нуждается в том, чтобы его готовили к революции, что сами условия жизни народа, «безотрадность жизни впроголодь», недостаток земли, приводящий к повсеместному ожиданию передела, поборы правительства, притеснения помещика и ближайшего начальства «обуславливают существующую ненависть народа к государству и привилегированным классам», и сама жизнь народа, «многовековая борьба с природой и другими силами развила в нем общинно-федералистские наклонности».⁴

Отсюда вытекала главная программная установка «южных бунтарей» – ставка на организацию местных бунтов, которые в случае успеха могут слиться в конечном итоге в нечто единое. «Южные бунтари» исходили из следующего тезиса: «Во имя передела земли мы надеялись вызвать местное восстание, которое –

¹ Дейч Л.Г. За полвека. С. 8–9.

² Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. С. 139, 181.

³ Бух Н.К. Воспоминания. С. 106.

⁴ Прибылева-Корба А.В., Фигнер В.Н. А.Д. Михайлов. М.; Л., 1925. С. 190–191.

на наш взгляд – имело шансы распространиться и охватить весь народ, так как стремление это было общенародное».¹

Говоря о конкретном плане, В.К. Дебогорий-Мокриевич отмечал: «План будущих действий был простой. В определенный срок группа наша заодно с привлеченными к нашему заговору крестьянами, – все вооруженные, конечно, – должны были начать мятеж. Наш отряд, переходя из одного селения в другое, из одной местности в другую, имел в виду всюду объявлять об конфискации помещичьих земель и производить немедленную раздачу земли крестьянам. Но для успеха дела, для того чтобы ширилось восстание, мы решили пустить в дело манифесты, якобы изданные царем, призывающие крестьян к восстанию против помещиков».²

Летом 1875 г. «южные бунтари» собирались поселиться в одном из районов старой гайдамачины и поднять восстание.³ «Таким местом мы определили юго-восточную часть Киевской губернии или даже точнее – местечко Корсунь с окрестностями, так как рассказы крестьян о корсуньском восстании, происходившим лет двадцать назад, давали основание предполагать согласно нашим теориям, что там сохранилось больше чем в других местностях, революционных традиций».⁴

В преддверии активных действий работа в кружке распределялась на несколько отделов, исходя из этого, он делился на группы. «Всякий член избирал для себе ту отрасль дела, которая была ему более по душе. Работы в главных чертах намечены были следующие: 1) заведение связей среди крестьян; 2) устройство убежищ и складов оружия; 3) добыча средств, нужных для осуществления мятежа».⁵

Пока шли организационные мероприятия, в первую очередь для реальных дел нужны были деньги. В.К. Дебогорий-Мокриевич весной 1875 г. отправился в

¹ Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. С. 241.

² Дебогорий-Мокриевич В.К. Автобиография. С. 62.

³ Бух Н.К. Воспоминания. С. 106.

⁴ Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. С. 240.

⁵ Дебогорий-Мокриевич В.К. Автобиография. С.62.

Санкт-Петербург для переговоров с местными революционными группами. Большого результата в плане организационном эта поездка не дала, В.К. Дебогорий-Мокриевич «средств не добыл, твердых связей не установил».¹ Однако поездка оказалась крайне важной для вызревания идеи использования стихийного «народного монархизма» крестьян в революционных целях. Именно в столице В.К. Дебогорий-Мокриевич имел встречу с П.В. Григорьевым, который, как указывалось в предыдущей главе, уже испытал этот способ воздействия на крестьянское сознание через использование образа «Константина». Об этом же он беседовал и с В.К. Дебогорием-Мокриевичем.

Идея П.В. Григорьева была основана на том, что «волнения в народе можно вызвать только от имени царя», и это полностью совпадало с наблюдениями В.К. Дебогория-Мокриевича, который, «размышляя о всем виденном и слышанном мною среди крестьян, не мог не согласиться с его мнением... Действовать среди крестьян именем царя само собою напрашивалось. Все крупные народные движения в России совершались под знаменем "самозванцев"».²

Тем более что перед глазами В.К. Дебогория-Мокриевича был яркий пример, иллюстрирующий невосприимчивость крестьян к народнической пропаганде посредством агитационной литературы. Причем наблюдал он этот случай как раз на примере крестьян из Боровичанской волости Чигиринского уезда. В этом месте у «южных бунтарей» в 1875 г. было поселение, а недалеко от него находился сахарный завод. На этом заводе удалось наладить пропаганду, которую вел юноша-народник из северян, прозванный Лафертом. Большинство крестьян, работающих на заводе, были выходцами из Полтавской губернии, работали также и из Чигиринского уезда. В.К. Дебогорий-Мокриевич указывал, что у него «с чигиринцами установились довольно-таки приятельские отношения... происходило это от того, что последние мои столкновения с ними носили более простой характер; мне не пришлось здесь напяливать на себя роль ходока, не пришлось прибегать к вы-

¹ Бух Н.К. Воспоминания. С. 112.

² Дейч Л.Г. За полвека. С. 11.

мышленным историям. На последнем свидании с чигиринцами... они дали мне указания, где и как можно было разыскать их».¹

Бунтари в дальнейшем рассчитывали воспользоваться этими сведениями, но дело испортил пропагандист Лаферт. Он принес в среду чигиринцев брошюру «Хитрая механика» и, как вспоминал В.К. Дебогорий-Мокриевич, среди крестьян «скоро разнесся слух... будто Лаферт подослан к ним чиновниками. У мужиков выросло такое страшное озлобление к Лаферту, что он принужден был бежать из этой местности», и, само собой, В.К. Дебогорий-Мокриевич, как приятель Лаферта, был также в их глазах скомпрометирован, «даже как более важный чиновничий агент, чем сам Лаферт».² Здесь как раз и проявилось столкновение иллюзорных народнических представлений о российском крестьянстве и реальных черт крестьянской традиционалистской ментальности. Это, в свою очередь, лишний раз убеждало бунтарей в правоте выводов о том, что поднять крестьянство на борьбу можно будет только используя традиционно им присущее царистское мировоззрение.

По возвращении на юг В.К. Дебогорий-Мокриевич поделился с Я.В. Стефановичем своими впечатлениями о встречах с П.В. Григорьевым. И они уже сообщают «решили воспользоваться именем царя для вызова бунта».³ Таким образом, идея использования «народного монархизма» в революционных целях нашла своих первых адептов. Тем более что и случай представлялся, как казалось, очень удачный. Примерно в это же время до сведения «южных бунтарей» дошла информация о крестьянских волнениях в Чигиринском уезде. Соблазн претворить план подъема крестьян на борьбу под царским именем был огромный.

Надо сказать, что эта идея сразу не получила полного одобрения у «южных бунтарей», хотя при анализе мемуарной литературы, конечно, следует учитывать, что свидетельство Н.К. Буха было написано почти через 50 лет после произошедших событий и, несомненно, несло на себе отпечаток личных впечатлений автора.

¹ Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. С. 257.

² Там же, с. 258.

³ Бух Н.К. Воспоминания. С. 111.

Вот как он описывал обсуждение идеи В.К. Дебогория-Мокриевича: «Проект этот у большинства членов не встретил сочувствия, да и сам Дебогорий, кажется, не выставлял его на первый план. Кружок стремился завести сношения с волновавшимися чигиринцами и поднять там крестьянское восстание под знаменем "земля и воля". На деревни и села мы смотрели как на ряд смежных складов взрывчатых веществ. Взорвав один их этих складов, мы тем самым взорвем и другие. Товарищи, допускавшие использование царского авторитета, смотрели на него, как на затравку, как на пистон, который разлетится, утратив свое значение, после первого же взрыва».¹

Думается, что в полной мере оценить тогдашние настроения «южных бунтарей» без оценки их личных качеств будет крайне сложно. Историк Ю.А. Пелевин справедливо указывал на то, что «организационная структура общества "южных бунтарей" была иерархичной».² В этом отношении Н.К. Бух отнюдь не был в организации на ведущих ролях, о чем сохранилось, например, свидетельство М.Ф. Фроленко.³

Первую скрипку в организации играли ее лидеры, в том числе Я.В. Стефанович, который выделялся особой революционной энергетикой и готовностью для достижения цели пойти до конца. Показательно в этом отношении мемуарное свидетельство Л.Г. Дейча, сравнившего революционный темперамент двух лидеров «южных бунтарей»: «Стефанович вообще не любил забегать сильно вперед, заноситься мыслями в сколько-нибудь отдаленное будущее. Он тщательно взвешивал и обдумывал каждый шаг, который нужно было ему сейчас сделать, дальнейшее же он представлял времени... Даже, когда в его голове уже мелькали в общих чертах, те или иные проекты, он все же не делился ими с товарищами, чтобы, в случае их неосуществимости, не пришлось никого разочаровывать. Не любя разбрасываться, Стефанович всегда был поглощен лишь одной мыслью, одним планом. Занимавшее его в описываемое время дело он обдумывал со всех сторон,

¹ Бух Н.К. Воспоминания. С. 113.

² Пелевин Ю.А. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // Российская история. 2014. № 1. С. 132.

³ Фроленко М.Ф. Записки семидесятника. М., 1927. С. 59.

заранее стараясь угадать все те неожиданности, которые могли изменить его ход и направление... Мокриевич являлся его полной противоположностью: чуть, бывало, блеснет в голове Мишки какая-либо мысль, тем более план, он нисколько еще не взвесив всего, уже спешил поделиться этим с остальными. Поэтому у него сплошь и рядом рождались проекты, которые нередко в беседах и разрушались».¹

Отсюда следует, что если для В.К. Дебогория-Мокриевича проект использования царского имени для подъема крестьян, или, как тогда говорили революционеры, «авторитарного принципа», был одним из многих, то Я.В. Стефанович сделал на него главную ставку. Революционный тип Я.В. Стефановича в эмоциональном плане очень точно определил С.М. Степняк-Кравчинский – это «тип искусного организатора», который «неразборчив в средствах и не прочь был побрататься с самим сатаной, если бы только это было ему полезно». Он «был способен повести за собою не только отдельных личностей, но и целые массы на дело, задуманное и решенное им одним».²

Поэтому нет сомнения, что именно Я.В. Стефанович решил разыграть чигиринскую карту на основе идеи, первым среди «южных бунтарей» озвученной В.К. Дебогорием-Мокриевичем. В данном случае совпало все: наличие идеи, материал для ее воплощения и личность готовая это сделать. Да, собственно, в своих показаниях Я.В. Стефанович подтверждал это обстоятельство, хотя, естественно, следует принимать во внимание, что он пытался максимально возможно скрыть следы участия в чигиринских событиях своих товарищей и несколько запутать следствие. Вот что он показывал на следствии: «В 1874 г. во время арестов в Киеве, в октябре месяце я уехал за границу, где побыл до лета 1875 г. Я, вероятно не возвратился бы в Россию, если бы не узнал из эмигрантской прессы об аграрных волнениях крестьян в Чигиринском уезде; к тому же преувеличенные сведения о характере движения, несмотря на стремление молодежи в Герцеговину, вызвали

¹ Дейч Л.Г. За полвека. С. 23.

² Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. Подпольная Россия / Собр. соч.: в 2 т. Т.1. М., 1987. С. 373.

во мне желание возвратиться на родину, и если возможно принять личное участие в крестьянском бунте».¹

О происходящем в Чигиринском уезде крестьянском движении в начале 1870-х гг. уже говорилось в первой главе, но именно на 1875 г. приходится пик аграрных беспорядков в Чигирине. Совершенно справедливо указывал Я.В. Стефанович и на внимание революционной прессы к этим событиям. Показательно, что материалы на эту тему размещали революционные издания как пробакунинской, так и пролавровской ориентации. Так, в анархистской газете «Работник»² № 8 за 1875 г. появляется информация из Киева с рассказом о предыстории вопроса и с описанием, происходящих там весной 1875 г. событий. Газетное сообщение в виде письма от лица рабочего Ивана Никифорова акцентировало внимание на произволе властей при сборе недоимок, заодно развенчивая веру крестьян в царскую милость.

В частности, газета писала: «Дело теперь (май месяц) стоит таково. Крестьяне ни за что не хотят уступать, упорно стоят на своем. Начальство тоже, по царскому приказанию, не хочет уступить... Крестьяне хотя хоть и больно уж озлоблены, да силой еще не сопротивлялись. Они еще верят в своего царя- грабителя, что царем-батюшкой слывет, и послали 25 ходочков к нему. Но, как только проведал это, он сейчас же приказал арестовать их и засадить в острог... Крестьяне в Чигиринском уезде говорят, что коли царь нас освободил, то должен отдать и всю землю нам. Они все еще надеются, что царь им даст землю. Некоторые, что по сметливее да по понятливее будут, те уже потеряли надежду на царя: уморились, из сил выбились дожидаясь. Они начинают понимать, что царь настоящий помещик и есть, да еще и самый большой».³

В заключении говорилось, хотя и без упоминания имени, о позиции вожака крестьян Ф.Д. Прядко, тогда еще не разысканном, и якобы о беседе с ним рабоче-

¹ Матеріали до історії селянських революційних рухів на чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 255–256.

² Газета начала издаваться в Женеве с января 1875 г. Первоначально редакторами-издателями выступили русские эмигранты, последователи М.А. Бакунина, анархисты-федералисты З.К. Ралли (Арборе), З.И. Жуковский, В.А. Гольдштейн, А.Л. Эльсниц и Л.Б. Гольденберг.

³ Газета «Работник» (1875–1876 гг.) / Ред. и вступит. статья В.И. Невского. М., 1933. С. 78.

го писавшего это письмо: «Видел я одного из выборных, спасся он от острога. Умный человек! Как это он был озлоблен, так это страсть! Ловко он говорил и вразумлял, кто охочи были слушать.

Я ему говорю:

– Ведь это друг, везде на Руси порядки таковские ноне от царя заведены.

Он и отвечает мне:

– Знаю, голубчик, знаю я это, к тому только речь веду, что кабы нам всем разом, то и солдатских рот по деревням не хватило бы!»¹

Материал о Чигиринском бунте разместила и лавровская газета «Вперед!» Статья, написанная более основательно и без псевдонародной риторики, вскрывала факты произвола властей при подавлении крестьянских беспорядков, в том числе, приводились факты телесного наказания крестьян воинскими командами. Уделялось особое внимание и харизматичной личности Фомы Прядко, о котором «рассказывают будто он обладает сверхъестественной силой, при помощи которой уклоняется от ареста» и, исходя из подобных слухов, делался весьма разумный вывод, что «следует обратить внимание лишь на согласие и сплоченность между отказывающимися платить, которые достаточно сильны для того, чтобы личности вроде Хомя могли в течении нескольких месяцев скрываться от полиции, присутствуя между прочим везде, где они оказываются нужными».²

Развивая эту тему в разделе «Волнения в Старостве», анонимный публицист «Вперед!» делал из происходящих в Чигиринском уезде крестьянских волнений вывод в духе «программы» П.Л. Лаврова: «Но если крестьяне так тверды в своем решении, если они так хорошо понимают свое дело и стараются приобрести себе сочувствие, спрашивается почему они молчат... Дело в том, что еще недавно все крестьяне были уверены, – а в настоящее время значительная часть их еще осталась при этом убеждении – что царь не знает о всех безобразиях, совершаемых здесь, что, чем тише они будут себя держать, тем правдивее они выйдут перед су-

¹ Газета «Работник» (1875–1876 гг.). С. 78.

² Из Киева. I. Чигиринский бунт // «Вперед!». Двухнедельное обозрение. 1875. 15 августа. № 15. Paris, 1969. С. 469.

дом царя и тем, конечно, скорее он заступится за них и накажет чиновников... Подобное ложное представление может быть разрушено при помощи умных и умелых пропагандистов, которые, показывая крестьянам вполне ясно, что царь – тот же чиновник, грабитель и помещик, сумели бы подействовать на них таким образом, чтобы, увидев свое верование в царя разрушенным, крестьяне бы не опустили в отчаянии рук, а, напротив, убедились бы, что они – сила, хотя и не организованная, но все таки и в таком виде наводящая страх на обманывающее их кругом правительство и зажиточное сословие. Да, я уверен, что будучи там и хорошенько изучив настроение Староства к "воле", благодаря целому ряду безобразий, которые там творило в последнее время правительство, благодаря наконец традиции, чигиринские крестьяне не только весьма скоро поймут пропагандиста, не только вполне разъяснят себе необходимость восстания, но и сами сделаются пропагандистами и даже организаторами, что для них далеко не трудно, так как и теперешний их образ действий близко находится к революционному. Недостает ему только самого важного, это – сознания; на обязанности интеллигенции лежит уже доставить им этот важный элемент в трудной борьбе с правительством».¹

Исходя из своей оценки событий в Чигиринском уезде, сторонники П.Л. Лаврова решили использовать их в своих целях. Для этого в Швейцарии в кружке, куда входили Н.К. Судзиловский, Н.А. Жебунев, П.Б. Аксельрод, созрел конкретный план. Как вспоминал П.Б. Аксельрод: «Мы решили обратиться к чигиринским крестьянам с воззванием, которое объяснило бы им, что напрасно надеяться они на царя, что царь держит сторону помещиков и начальства. Чтобы усилить впечатление от нашего воззвания, мы решили напечатать его золотыми буквами, то есть придать ему внешний вид той самой "золотой грамоты", которой мужики ждали от царя».² Н.А. Жебунев написал текст по-украински. Он был набран в наборне «Работника» и отпечатан золотой краской в количестве 500 эк-

¹ Из Киева. II. Волнения в Старостве. С. 474.

² Аксельрод П.Б. Пережитое и передуманное. С. 146.

земляков. Подпись под воззванием указывала, что оно исходит от «друзей народа».¹

Очевидно, что в подходе к пропаганде среди крестьян и бакунисты, и анархисты, пережившие «хождение в народ» и близко познакомившиеся с крестьянской психологией, склонялись к тому, что не пропагандистская литература для народа, искусственно создаваемая революционными кружками, а обращение к исконным чаяниям крестьян через манифесты, обладающие неким сакральным смыслом, может принести нужный результат. Причем любая, казалось бы, даже малозначительная деталь, играла здесь важнейшую роль. Так, отталкиваясь от слухов, бродящих среди мужиков, о появлении «золотой грамоты» от царя, обещавшей справедливый земельный передел, революционеры использовали при печатании своих грамот именно золотой цвет.

Дело в том, что золотой цвет, как справедливо указывают некоторые исследователи, в традиционной культуре соотносился «с представлениями о "верхнем" мире, сфере божественного, с высшими ценностями».² Поэтому в народной мифологии этим признаком наделялось «все чудесное, сверхценное», имеющее «непосредственное отношение к Богу, Богородице, ангелам и святым», и характеризующее «принадлежащие им предметы»,³ в данном случае – «царскую грамоту».

Только, придя к подобным схожим суждениям, сторонники различных революционных направлений в народничестве по-разному рассчитывали использовать этот механизм воздействия на крестьянское сознание.⁴

¹ Аксельрод П.Б. Пережитое и передуманное. С. 147.

² Мауль В.Я. Заговор от имени царя (о некоторых чертах психологии Чигиринских крестьян) // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы / Материалы IV научно-практической конференции. Нижневартовск, 2015. Ч.1. С. 252.

³ Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 2. С. 352–355.

⁴ Надо сказать, что П.Б. Аксельрод действительно поехал с этими грамотами в 1875 г. в Россию. Однако не нашел поддержки ни среди революционеров-южан, ни среди будущих землепользователей и как писал сам П.Б. Аксельрод: «К герцеговинским и чигиринским планам я больше не возвращался: Петербургским товарищам эти планы казались беспочвенной выдумкой эмигрантов, недостаточно осведомленных об истинном положении дел в России» // Аксельрод П.Б. Пережитое и передуманное. Берлин, 1923. С. 155.

В отличие от лавристов, крайние бакунисты в лице «южных бунтарей» решили использовать чигиринские события совсем в другой тональности, попытались воздействовать на сознание крестьян и поднять их на антиправительственное восстание, используя их традиционное монархическое мировоззрение и ментально присущее им чувство веры в «справедливого царя».

Следует признать, что, несмотря на столь циничную идею, «южные бунтари» в оценке крестьянского мировоззрения оказались намного ближе к истине, чем их собратья по революционному лагерю, исповедующие традиционно присущие народникам взгляды на крестьянство. Где-то интуитивно, а где-то опираясь на свой предыдущий опыт общения с крестьянами периода «хождения в народ», «южные бунтари» нащупали ту струну стихийного «народного монархизма», на которой, условно говоря, можно было играть, направляя крестьянский протест в нужную революционерам сторону.

Таким образом, летом 1875 г. чигиринская идея начала обретать реальные очертания. Тем более что все другие начинания терпели крах из-за нехватки денежных средств, «южные бунтари» «были настолько бедны в 1875 г., что не были в силах устроить даже второго поселения и едва-едва поддерживали корсуньский притон».¹

В таких условиях «чигиринский план» казался «южным бунтарям» наиболее осуществимым. На рекогносцировку в Чигиринский уезд летом 1875 г. отправились Я.В. Стефанович и Н.К. Бух на купленной для этого случая конной повозке. Я.В. Стефанович в своих показаниях указал на июль 1875 г.² Задание от кружка было следующим: разыскать лидера чигиринских крестьян Ф.Д. Прядко и сблизиться с ним, однако, миссия их провалилась.³ В деревнях Чигиринского уезда свирепствовали воинские команды, настороже были и представители местной администрации. В результате, Я.В. Стефанович отправился пешком к Чигирину, надеясь разыскать Ф.Д. Прядко, но спустя 10 дней вернулся ни с чем. Н.К. Бух

¹ Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. С. 245.

² Матеріали до історії селянських революційних рухів на чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 256.

³ Бух Н.К. Воспоминания. С. 114.

пишет, что Ф.Д. Прядко арестовали, но на самом деле арестован он был только глубокой осенью.

Сам Я.В. Стефанович в показаниях свидетельствовал несколько иное, что «путешествуя под видом богомольца из монастыря в монастырь (Мотрининский, Ануфриевский, Николаевский), из ярмарки на ярмарку (Чигирин, Медведовка, Жаботин и др.) я разузнавал о причинах и ходе крестьянского движения, собирал легенды о некоторых коноводах его, взгляды крестьян на отношение к их делу властей, их желания, стремления и проч.)».¹ Но в целом канва событий сомнений не вызывает.

После получения известия о реальном положении дел в Чигиринских селах основная часть кружка во главе с В.К. Дебогорием-Мокриевичем перебралась из Одессы в Киев. Возможно, чтобы быть ближе к Чигиринскому уезду. Тогда же решено было, невзирая на скудость средств, попытаться создать сеть своеобразных революционных баз, полукольцом охватывающих Чигиринский уезд.² Кроме того, в основу этой идеи также был положен принцип расположения притонов в тех районах, где когда-то было сильно гайдамацкое или крестьянское движение.

Следуя разработанной стратегии, «южные бунтари» начали реальные действия. Во второй половине 1875 г. они стали селиться в выбранной местности. Первое поселение, или, как это называли «южные бунтари», революционный притон был устроен Я.В. Стефановичем вместе с Н.К. Бухом в Корсуни. Они поселились там под видом торговцев жестяными изделиями. Закупку оружия решено было производить в Одессе, но пока на это денег не было.³

Пока же существовало одно поселение в Корсуни и, учитывая, что особой работы среди местных крестьян «южные бунтари» не вели, Я.В. Стефанович немало времени проводил в Киеве. Главной целью его было завести связи с арестованными и доставленными в Киев вожаками чигиринских крестьян. Тем более что арестованные чигиринцы сидели в Киеве не в тюремном замке, а в полицейских

¹ Матеріали до історії селянських революційних рухів на чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 256.

² Бух Н.К. Воспоминания. С.117.

³ Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. С. 245.

участках, так как не считались государственными преступниками. Для такого рода арестантов казенных харчей не полагалось, поэтому их отпускали днем на поиски пропитания, а вечером они возвращались в свои камеры.¹

Столь своеобразное пребывание арестованных крестьян-чигиринцев в Киеве не было секретом для революционеров и освещалось, хотя и в несколько преувеличенном и искаженном виде в революционной печати.² В Киевском тюремном замке находился только Ф.Д. Прядко, причем, как писал журнал «Вперед»: «Содержат Прядко строже даже политических. Безвыходно сидит он в одиночном заключении в "секретной", и в течении пяти месяцев его ни разу даже не выпустили на прогулку по тюремному двору. Его даже не пускают в церковь, что для Прядки, человека религиозного, составляет тяжелое моральное лишение. По всему видно, его намерены "сгноить" в тюрьме, убить посредством медленной, мучительной агонии».³

В этой революционной заметке содержались явные преувеличения, но здесь интересно другое - то с какой регулярностью революционная печать обращалась к событиям вокруг крестьянского движения в Чигирине. Внимание революционной эмиграции к этим событиям было понятно, они служили лучшим подтверждением революционности российского крестьянства, хотя естественно, что в этом вопросе желаемое выдавалось за действительное. Из революционного далека эти события казались грозным предзнаменованием грядущих крестьянских выступлений.

На месте же все обстояло не столь оптимистично, и только деятельная натура Я.В. Стефановича не оставляла надежды использовать казалось бы уже задавленное властями движение в революционных целях, но теперь оживить его, по его мысли, возможно было только с помощью использования мистификации в виде подложного царского манифеста. И зимой 1875 г. Я.В. Стефанович начал планомерное осуществление этого плана. Следует признать, что в этот период времени

¹ Пелевин Ю.А. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // Российская история. 2014. № 1. С. 140.

² Из Киева. II. 10 ноября // «Вперед!» Двухнедельное обозрение. 1876. 1 февраля. № 26. Репринт. Paris, 1969. С. 48.

³ Тюремная пытка в России. IV. Киев // Вперед. Непериодическое обозрение. Т. V. 1877. Лондон, 1877. Репринт. Paris, 1970. С. 48.

интерес к нему еще не угас и у В.К. Дебогория-Мокриевича. Однако в силу своего увлекающегося характера В.К. Дебогорий-Мокриевич не мог сконцентрироваться только на нем и увлекался также другими революционными проектами.

В отличие от него, Я.В. Стефанович предпочитал бить в одну точку. В результате, он полностью перебрался в Киев и целенаправленно искал встреч с крестьянами–чигиринцами, которые в дневное время пробивались поисками хлеба насущного на улицах города. Завязка контактов, по-видимому, шла следующим образом. В первых контактах участвовал еще и В.К. Дебогорий-Мокриевич. По крайней мере, в своих воспоминаниях он писал, что «зимой 1875 г. я был в Киеве. Стефанович тоже приехал сюда из Корсуни и здесь-то нам удалось познакомиться с чигиринцами. Мы оба под видом крестьян представлялись им ходоками, якобы отправлявшимися к царю, чтобы хлопотать по делам наших деревень. Помню, сошлись мы с чигиринцами на Подоле (часть Киева, лежащая возле самого Днепра), и тут у нас завязалась беседа о том, как удобнее добраться до царя».¹

В первых беседах много говорилось о том, как трудно ходокам добраться до царя. Поведали чигиринцы и о том, что «Шабельники были буквально разорены солдатской экзекуцией, поставленной с целью усмирения. Многих крестьян арестовали... Киевский губернатор заявил между прочим, чигиринцам, что будет их держать при полицейских участках и не пустит домой до тех пор, пока они не согласятся подписаться под актами. Но они все упорно отказывались от этого».² Всего в Киеве при полицейском управлении находилось 11 человек.³

На В.К. Дебогория-Мокриевича встреча и знакомство с чигиринцами произвели удручающее впечатление, и дальнейшие отношения с ними поддерживал уже один Я.В. Стефанович.⁴ Подобная версия завязывания контактов с чигиринцами, находящимися в Киеве, находит косвенное подтверждение в показаниях Я.В. Стефановича: «Наконец в начале зимы, работая в качестве чернорабочего на

¹ Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. С. 248.

² Там же. С. 249.

³ «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. / Памятники агитационной литературы. Т. 1. М.; Пг., 1923. С. 147.

⁴ Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. С. 249.

железной дороге (Смела – Черкассы) я ближе сталкивался с некоторыми из крестьян волнующихся сел и узнал более обстоятельные сведения о бедственном положении крестьян Чигиринского старосты (надо: староста. – С.Т.), о разорении экзекуцией Шабельницкой волости и о ее особенной стойкости в деле столкновения с властями. Тут же я узнал истинно некоторых выдававшихся крестьян, из которых обратил внимание на Лазаря Тененику».¹

На самом деле, именно первые контакты с чигиринцами дали возможность Я.В. Стефановичу разобраться в их иерархии, выяснить «кто есть кто», установить неформальных авторитетов среди крестьян, находящихся в Киеве. Вскоре его усилия оказались вознаграждены, и ему удалось завязать отношения с одним из наиболее ярких крестьянских вожаков Лазарем Тенеником. В своих показаниях, Л.А. Тененик так описывал их знакомство: «В августе месяце 1875 г. по поводу беспорядков в Чигиринском уезде я был выслан под надзор полиции в Киев, где я занимался поденной работою, а ночь проводил в Лыбедской части. Однажды на филиппов пост того же года я стоял около университета и в это время ко мне подошел неизвестный мне до того человек, который стал расспрашивать о том откуда я и по какому случаю нахожусь в Киеве, я объяснил ему... причину моего нахождения в Киеве, тогда он заявил мне, что он крестьянин Черкасского уезда д. Русской поляны и что он возвращается домой, причем спросил меня о том не имею ли я чего-либо передать своим домашним и что в таком случае он исполнит мою просьбу, при том назвал себя Дмитрием Найдою. Я тогда побоялся передать что-либо домой через неизвестного мне совершенно человека, а сказал только ему, чтобы он поклонился моей жене Аксинье Федоровой».²

Примерно такую же историю в своих показаниях поведал Я.В. Стефанович, выступавший в роли Д. Найды. Причем из показаний Я.В. Стефановича следовало, и это представляется правдой, что он не только искал контакта с чигиринцами, но сам подстроил ситуацию, столкнувшую его именно с Л.А. Тенеником, о роли которого в чигиринских событиях он был осведомлен: «У полицейского Лыбед-

¹ Матеріали до історії селянських революційних рухів на чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 256.

² ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 580–580об.

ской части я узнал, что Лазарь Тененика работает в университете, а на ночь возвращается в часть, расспросил о его наружности и стал его подстергать у стен университета. – сообщал Я.В. Стефанович, – «Я встретил наконец крестьянина, спросил не из Шабельников ли он; оказалось это был он».¹

Так был сделан первый ход в многоходовой комбинации по организации «Чигиринского заговора». Для поддержания своей легенды Я.В. Стефанович действительно отправился в Шабельники и встретился с супругой Л.А. Тененика. В своих показаниях Я.В. Стефанович несколько иначе рисовал картину происходящих событий, но в главном они совпадали с тем, что показал на допросах Л.А. Тененик. В частности, он указывал на то, что уже тогда, при первых встречах с крестьянами, сказал «им, что иду с прошением к государю и советовал позаботиться им об этом... я сходил с ними два раза, расспрашивал подробности ихнего дела и представлял необходимость во чтобы то ни стало добратся до государя и вручить ему прошение; но как они того не желали, а не находили возможным из за отсутствия подходящего человека и денег. Тогда я предложил им сам взять на себя этот труд, и так как я все равно отправляюсь в Петербург с прошением, то могу доставить ихнее без всякого денежного вознаграждения. Некоторые охотно приняли предложение (в том числе Лазарь Тененика), другие же колебались, чтобы я их не выдал. Я простился с ними сказав, что возвращаюсь домой и недели через две буду в Киеве по пути в Петербург, обещая исполнить их просьбу: зайти в Боровицу и Шабельники... Я действительно пошел в Шабельники, побывал у жены Лазаря, которая просила меня на возвратном пути в Киев зайти и передать от нее мужу рубаху, штаны и еще кое что из белья».²

Примерно такую же версию событий излагает в своих мемуарах Л.Г. Дейч,³ что, впрочем, неудивительно, т.к. он был близким другом Я.В. Стефановича, да и последний в своих показаниях прямо указывал, что «вел знакомство с людьми революционного направления, но однако ж строго хранил в секрете свое дело и счел

¹ Матеріали до історії селянських революційних рухів на чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 257.

² Там же, с. 257–258.

³ Дейч Л.Г. За полвека. С. 15–16.

нужным открыть его только Льву Дейчу».¹ Кроме того, свои мемуары Л.Г. Дейч мог готовить, уже имея под рукой данные его показаний. Несмотря на некоторое разночтение в показаниях Я.В. Стефановича и Л.А. Тененика, их объединяет главное – это то, что контакты были установлены, и Д. Найда (Я.В. Стефанович) постепенно входил во все большее доверие к чигиринцам.

Естественно, что по возвращении из Шабельников у Я.В. Стефановича появился повторный повод для встречи с Л.А. Тенеником. Вот, что показал Л.А. Тененик: «В начале великого поста следующего 1876 г. означенный Дмитрий Найда встретил меня около части и передал мне от жены рубаху и штаны, объяснив что он заходил в с. Шабельники и ночевал у меня в хате».² Я.В. Стефанович совершенно справедливо рассчитал, что лучший способ вызвать доверие к себе – это использовать крестьянский традиционализм, тоску по родному дому, по семье, иначе говоря, фактор «малой родины». Поэтому, принеся Л.А. Тененику вещи и весточку из дома, он еще более повысил градус доверия к себе. И это возросшее к себе доверие Я.В. Стефанович сразу же начал использовать. Тем более что он четко знал, какие вопросы волнуют Л.А. Тененика и его товарищей, за что они находятся в полицейской части и мог строить беседу соответствующим образом.

В дальнейшем весь сценарий беседы проходил в нужном для Я.В. Стефановича ключе. Д. Найда (Я.В. Стефанович) заявил Л.А. Тененику, что «он крестьянин Херсонской губернии д. Любомирки и что он отправляется в С. Петербург с прошением к Государю и что поэтому если мы желаем тоже подать прошение, то он исполнит нашу просьбу».³

Естественно, что крестьяне-чигиринцы, уже один раз пытавшиеся прибегнуть к такому способу, и пребывавшие в полном убеждении, что царь им поможет, тут же выразили подобное желание. Однако крестьяне проявляли и определенную осторожность в общении пока с малознакомым им человеком. Они потребовали у Д. Найды, «чтобы он показал им приговор общества об избрании его хо-

¹ Матеріали до історії селянських революційних рухів на чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 258.

² ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 580об.

³ Там же.

доком к царю. Предвидя возможность такого требования, Найда запасся им; когда чигиринцы таким образом убедились, что он действительно является "ходоком", то стали толковать о его предложении».¹

Как показывал Л.А. Тененик: «Я и бывшие тогда при разговоре с Найдою мои односельцы Фокий Кравченко и Сергей Тоценко были рады этому случаю и стали просить Найду, чтобы он подал и наше прошение, а просьба наша заключалась в том, чтобы нас наделили землей, которой нам дали очень мало и чтобы избавили нас от экзекуций, которые нас разоряли. Найда изъявил согласие и обещал подать Государю прошение, которое потом сам уже изложит на бумаге, а мы передали ему эту просьбу на словах».² Более того, Д. Найда (Я.В. Стефанович) смог даже внятно объяснить Л.А. Тененику, почему он при первом знакомстве назвался крестьянином Черкасского уезда, а затем уже крестьянином Херсонской губернии. Он сказал, что «родом из последней, а в Черкасском уезде был только на работах».³

В своих показаниях Я.В. Стефанович несколько иначе рисовал картину происходящих событий, но в главном они совпадали с тем, что показал на допросах Л.А. Тененик. Так, Я.В. Стефанович сделал второй и очень важный шаг к материализации идеи крестьянского восстания под знаменами «народного монархизма».

Установление связи с крестьянами-чигиринцами настраивало «южных бунтарей» на оптимистический лад. При этом, темпераментный и весьма разбросанный в революционных делах В.К. Дебогорий-Мокриевич, как он сам указывал, от чигиринского проекта «скоро устранился и дальнейшие сношения велись только Стефановичем».⁴ Однако именно идея использования «авторитарного принципа» для подъема крестьянского восстания стала главной темой для обсуждения на первом сборе «южных бунтарей» в марте 1876 г. в местечке Смела.

¹ Дейч Л.Г. За полвека. С. 16.

² ГА РФ. Ф. 112. Оп.1. Д. 476. Л. 580об.

³ Там же.

⁴ Дебогорий-Мокриевич В.К. Автобиография С. 63.

Собравшиеся предполагали, что «когда "Дмитро Найда" привезет знакомым ему чигиринцам будто бы "ответ царя", они без малейших колебаний последуют его призыву к восстанию. Затем намеревались отпечатать "манифест" от царя, после чего бунтари собирались широко распространить его в этой сильно "наэлектризованной местности"».¹

При этом хотелось бы указать на разность подходов В.К. Дебогория-Мокриевича и Я.В. Стефановича к оценке самой стратегии использования «царского манифеста». Первый, а с ним и большинство бунтарей, в силу своего революционного темперамента полагал, что «Манифест от имени царя, в котором предполагалось оповестить об отнятии земель от помещиков и о переделе между всеми поровну... должен был вызвать в народе смятение, и в эту минуту наш вооруженный отряд должен был явиться тем ядром, вокруг которого могли собраться бунтовские элементы. Вторая половина дела, т.е. вызвать смятение в народе манифестами, по видимому не требовала большой подготовки. Распустить подобный манифест среди крестьян при помощи тех связей, которыми мы уже заручились, среди чигиринцев (знакомых Стефановича), – а отчасти еще думали заручиться в ближайшем будущем – не было трудно. А что эти манифесты должны были вызвать смятение в народе, в этом я, например, ни одной минутой не сомневался ни тогда, ни даже теперь не сомневаюсь, хотя прошло уже почти двадцать лет».²

Таким образом, налицо как бы два подхода. В.К. Дебогорий-Мокриевич и большинство «южных бунтарей» априори исходили из тезиса, что крестьяне под влиянием подобного манифеста очень быстро революционизируются, и все дело будет за силами революционной партии. В свою очередь, более рациональный и прагматичный Я.В. Стефанович, похоже, уже тогда рассчитывал вести дело, что называется «в долгую» и делать ставку не на спонтанно вызванный бунт, а на внедрение в крестьянское сознание, пропитанное «народным монархизмом», идеи, что царь не может им помочь делом, а дает только благословение на дей-

¹ Дейч Л.Г. За полвека. С. 33.

² Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. С. 260–261.

стве, а делать все нужно будет своими руками. В этих двух тогда еще не ясно определившихся подходах сталкивалось с одной стороны – «революционное нетерпение», а с другой холодный расчет и не ведающий нравственных границ революционный прагматизм.

В такой ситуации «южные бунтари» рассчитывали обратиться к революционерам сходных с ними крайне бакунистских взглядов, но не входящих в кружок, с предложением принять участие в разработанном плане. Собрав, таким образом, человек 150–250, планировалось разбиться на несколько вооруженных конных отрядов и разъезжать по «возбужденной местности» и призывать население к немедленному восстанию. Эти же вооруженные отряды должны были содействовать осуществлению «царского манифеста». Главным пропагандистом подобного плана выступал темпераментный В.К. Дебогорий-Мокриевич.¹

Здесь уместно согласиться с критическим выпадом Л.Г. Дейча в сторону историка народничества В.Я. Богучарского, в своих работах несколько исказившего планы «южных бунтарей». Комментируя их планы, он писал: «Бунтари пришли к заключению о возможности и даже легкости произвести восстание на Украине на почве сознанных народных интересов, лишь распутивши среди массы народной революционные манифесты».² Можно согласиться с Л.Г. Дейчем, считавшим, что в данном случае В.Я. Богучарский подменил понятие, написав вместо «царского» «революционные» манифесты.³

На этом же съезде разделили функции. В частности, для покупки оружия и лошадей требовались серьезные средства. И решено было создать так называемую финансовую комиссию, которая бы разрабатывала планы по добыче денег, куда включили М.Ф. Фроленко и С.Ф. Чубарова. Вступивший в кружок С.Ф. Чубаров имел некоторые средства,⁴ в том числе он унаследовал поместье в Пензенской губернии, что несколько улучшило финансовое положение кружка, хотя реализация поместья затягивалась и средств все равно не хватало. В это время реально смог

¹ Дейч Л.Г. За полвека. С. 33.

² Богучарский В.Я. Активное народничество. М., 1912. С. 248.

³ Дейч Л.Г. За полвека. С. 34.

⁴ Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. С. 246.

помочь кружку деньгами и В.А. Малинка, сын богатого украинского помещика. Важнейшая миссия была поручена одесситке А.М. Макаревич (Кулешовой). Она должна была отправиться за границу и доставить в Россию части типографского станка для печатания царского манифеста.¹ К тому же перед А.М. Макаревич была поставлена и еще одна задача, по возможности она должна была встретиться с М.А. Бакуниным и посветить его в планы «южных бунтарей».

В свою очередь, В.К. Дебогорий-Мокриевич и И.В. Дробязгин направились на разведку в другую местность – в местечко Богуслав Каневского уезда, где, по сообщениям местного сельского учителя, удельные крестьяне были настроены побоевому. В целом, как вспоминал В.К. Дебогорий-Мокриевич: «Встречены мы были там, как говорится, с распростертыми объятиями... Мы провели несколько дней, ведя вполне откровенные собеседования с нашими новыми приятелями».² В дальнейшем народники в том же составе прибыли туда через месяц и провели там сходку, на которой вопрос о подготовке восстания «был поставлен ребром». «Трудно сказать успели ли мы тогда убедить всех присутствовавших в необходимости восстания, – вспоминал В.К. Дебогорий-Мокриевич, – но нам с Дробязгиным тогда казалось, что настроение у крестьян возбужденное, и мы уехали оттуда с самыми радужными надеждами».³

Таким образом, перед «южными бунтарями» замаячил еще один, как представлялось, реальный план подъема восстания. Казалось, еще немного и все пока разрозненные попытки революционеров вызвать крестьян на открытое выступление могут слиться в единый, мощный крестьянский бунт. Сам В.К. Дебогорий-Мокриевич высоко оценивал перспективы нового начинания и тоже предлагал для этих целей использовать «авторитарный принцип»: «Мы заметили, что к подобной мере, как манифест от имени царя, умы наших новых приятелей давным-давно были подготовлены и подготовлены были, конечно, не чем иным, как самой

¹ Дейч Л.Г. За полвека. С. 35.

² Дебогорий-Мокриевич В.К. Автобиография С. 63.

³ Там же, с. 63.

жизнью... Вся постановка дела здесь получалась и проще и лучше, чем с чигиринцами, и я был необыкновенно этому рад».¹

Подобная информация с мест влияла на настроение «южных бунтарей», снедаемых «революционным нетерпением». Поэтому вполне естественно, что молодые экзальтированные радикалы были убеждены, что иной альтернативы нет, и они действуют в единственно правильном направлении.

Чтобы лучше понять мировоззрение пассионарной части «южных бунтарей», их желание не ограничиваться разговорами, а действовать, используя любые формы борьбы, попытаемся составить их собирательный психологический портрет. Помочь в этом могут материалы недавно опубликованной монографии А.В. Репникова и О.А. Милевского, где авторы размышляют о природе истинного революционера, как человека «прямого действия», обладавшего решительностью и готовностью отказаться от всего личного во имя служения высокой идее. Историки ссылаются на бытующее мнение, что "истинные герои – это люди, лишённые фантазии". Характеристикой для "героев" как нельзя лучше служит знаменитая фраза А.Д. Михайлова: "Человек, победивший страх смерти, становится всемогущим, как Бог". Они не способны себе представить, что за душевным порывом, за желанием благодетельствовать всех может последовать боль, горе близких или даже смерть. Поэтому-то их абсолютное меньшинство».²

Очень верно природу таких личностей, каких на юге, тем не менее, было немало, после знакомства с некоторыми из них описал Л.А. Тихомиров: «Они оказались милейшими симпатичнейшими людьми. По сравнению с нашими петербургскими конспирациями жили они весьма на распашку... Их психика производила на меня такое впечатление, что было бы только удачное предприятие – и они за всякое возьмутся с радостью... Они чувствовали себя совершенно как смелые молодые люди на войне».³

¹ Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. С. 283.

² Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011. С. 80–81.

³ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 280–281.

Очевидно, что для людей подобного склада официальная российская власть была непримиримым врагом, они а priori ставили ее вне закона и готовы были действовать против нее всеми доступными им способами. Вполне адекватная характеристика отдельных представителей наиболее радикального крыла «южных бунтарей» содержится в мемуарах их товарища В.К. Дебогория-Мокриевича. Об одном из таких «героев» – В.А. Малинке – он, например, писал так: «Помню, один раз Малинка сильно изумил меня; соглашаясь со мной в том, что для работы среди народа не надо привлекать много лиц из интеллигенции, а достаточно подобрать всего несколько человек, он высказал мнение, что зато эти несколько человек, составляющие организацию, должны будут непременно поклясться друг другу в том, что никто из них не отступится от раз выработанного общего плана действий» даже под страхом смерти.¹

В споре, однажды разгоревшемся среди присутствовавших, В.А. Малинка в ответ на упрек, что «один человек может казнить другого, и апеллировать не к кому...», а, вдруг, «он сумасшедший», прямо заявил: «А не принимай сумасшедших; не принимай в организацию таких, кому боишься доверить свою жизнь. Как казним одного, другого, – продолжал Малинка, – так сразу излечимся от нашей халатности. А то посмотри, на что похоже: собираемся, толкуем, решаем, а потом всякий делает то, что ему взбредет в голову... Нет, я иначе понимаю революционную организацию: это должен быть союз на жизнь и смерть».² Примечательно, что В.А. Малинке, сыну очень богатого Полтавского помещика, было тогда всего 22–23 года, и он был студентом юридического факультета Новороссийского (Одесского) университета.³

Иными словами, революционер того типа, что сформировался в России под репрессивным давлением государства, готов был идти до конца, на смерть за свои идеалы и принципы, но не жалел и других людей, вольно или невольно втянутых в орбиту их деятельности. Сам В.А. Малика уже вскоре на деле подтвердил, что

¹ Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. С. 343.

² Там же, с. 344.

³ Там же, с. 346.

действительно готов действовать именно так. И стоит отметить, что не только среди «южных бунтарей», но и других революционных групп таких людей в то время было все же немалое количество.

Подчеркнем еще одно важное обстоятельство, которое буквально наэлектризовывало атмосферу среди революционеров-мужчин из числа «южных бунтарей» – это гендерный фактор, т.е. наличие в их среде ярких и решительно настроенных женщин. Они зачастую вносили в процесс принятия решений мощную эмоциональную составляющую, словно бы подталкивая соратников-мужчин к еще более решительным заявлениям и действиям. Сравнивая революционеров-северян и «южных бунтарей», Л.Г. Дейч отмечал, что «огромное различие между нами и ими» заключалось в том, «что в наш кружок входило несколько чрезвычайно крупных, во всех отношениях выдающихся женщин... среди питерских «радикалок»... могу с уверенностью сказать, весной 1876 г. не было ни одной, которая могла бы сравниться с Марией Ковалевской, Анной Макаревич, Верой Засулич и Марией Коленкиной».¹

Возвращаясь к выше рассматриваемым планам организации, отметим, что они обсуждалось уже на 2-м съезде «южных бунтарей» в Елизаветграде в июне 1876 г.² К этому времени возвратилась из-за границы А.М. Макаревич. Типографские принадлежности она достала и переправила их в Яссы, виделась и с М.А. Бакуниным. Ознакомившись с проектом подъема крестьянского восстания с помощью подложного царского манифеста, он отнесся к нему отрицательно, ответив примерно следующее: «Нельзя шить черный костюм белыми нитками, они сейчас же выступят по всем швам». Как указывают мемуаристы, кружок от такой оценки разработанного плана несколько приуныл.³

Однако выступавший с рассказом о поездке в Богуслав В.К. Дебогорий-Мокриевич очень эмоционально поведал собравшимся о своих беседах с местными крестьянами и в частности о том, что «к нашему проекту крестьяне-

¹ Дейч Л.Г. За полвека. С. 63.

² Пелевин Ю.А. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // Российская история. 2014. № 1. С. 134.

³ Бух Н.К. Воспоминания. С. 130.

революционеры отнеслись весьма одобрительно, говоря, что именем царя они легко поднимут окрестные волости».¹ Воодушевленные «вспышкопускатели», как окрестил «бунтарей» Д.А. Клеменц, под влиянием все того же В.К. Дебогория-Мокриевича тут же пришли к выводу, что старик видно «плох уже, потерял свой революционный пыл» и дело решено было продолжить². Для его реализации решили создать сеть революционных притонов, полукольцом охватывавших Чигиринский уезд.³ Тогда же запланировали к осени сформировать конный отряд, «который именем царя будет побуждать крестьян к восстанию. Отряд должен сопровождать землемер со всеми атрибутами. По мере занятия сел землемер немедленно приступит к переделу земли по числу наличных мужских душ. Предполагалось, что крестьяне, получившие по участку земли, будут защищать их всеми своими силами и что слух о состоявшемся переделе земли будет склонять к нам симпатии всех ближайших сел».⁴ На роль землемера выдвинули кандидатуру Н.К. Буха.

На этом съезде получила реализацию программа «крайнего бакунизма». Более того, ученики пошли намного дальше своего идейного учителя. М.А. Бакунин усматривал у крестьян три черты против которых всеми силами должно бороться, это: патриархальность; поглощение лица миром и вера в царя. Причем, рассуждая о монархизме крестьян, М.А. Бакунин указывал, что «воображаемый царь отец, попечитель и благодетель народа, помещен высоко... в небесную даль, а царь настоящий, царь- кнут, царь- вор, царь- губитель, государство занимает его место. Из этого вытекает... что наш народ боготворит царя воображаемого, небывалого и ненавидит царя действительного, осуществленного в государстве»⁵.

Таким образом, М.А. Бакунин, обращая внимание на этот феномен крестьянской психологии полагал, что его необходимо учитывать при реализации революционных программ. Поэтому, по мнению ряда исследователей, он в своих бо-

¹ Бух Н.К. Воспоминания. С 130.

² Бух Н.К. Воспоминания. С 130.

³ Там же, с. 117.

⁴ Там же, с. 130.

⁵ Бакунин М.А. Государственность и анархия. С. 656.

лее ранних произведениях даже допуская некое сохранение монархии, только не в форме самодержавия¹. «Хотим самоуправления народного – общинного, волостного, уездного, областного и, наконец государственного, с царем или без царя, все равно и как захочет народ, - писал М.А. Бакунин в 1862 г. Но чтоб не было в России чиновничества и чтоб централизация бюрократическая заменилась вольною областною федерацией»².

Исходя из своих наблюдений за меняющейся российской жизнью, М.А. Бакунин полагал, что активная, но при этом честная пропаганда среди мужика быстро принесет плоды. В знаменитом «Прибавлении А» написанном позднее он отмечая, что «русский мужик невежа, но не дурак», прямо призывал: «Втолковать, дать ему почувствовать это всеми возможными способами и пользуясь всеми плачевными и трагическими случаями, которыми переполнена народная жизнь, показать ему, как все чиновничьи, помещичьи, поповские и кулацкие неистовства... от которых ему нет житья, идут прямо от царской власти, опираются на нее и возможны только благодаря ей, доказать ему... что столь ненавистное ему государство- это сам царь... вот прямая и теперь главная обязанность революционной пропаганды»³.

То есть не обманывать народ, в темную играя на его монархизме, а всемерно разоблачать перед ним тождество царской власти и российского государства и поднимать народ на прямое выступление против гидры государства, в лице самодержавной монархии призывал М.А. Бакунин. «Южные бунтари» в отличие от М.А. Бакунина выбрали, как им казалось более короткую дорогу к революции - посредством обращения к «монархической мистификации» искренне полагая, что они верно интерпретировали положения бакунистской доктрины.

¹ См. напр.: Мокшин Г.Н. О влиянии бакунизма на становление идеологии крайне правого народничества (юзовщины) //Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. Вып. 3 (36). [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://history/jes/su/s207987840001011-1-1/> DOI: 10.18254/S0001011-1-1; Крестьянский монархизм в интерпретации М.А. Бакунина // Вестник Воронежского государственного университета. Сер 1. Гуманит. науки. 1998. № 1.

² Цит. по: Мокшин Г.Н. О влиянии бакунизма на становление идеологии крайне правого народничества (юзовщины). С.29.

³ Бакунин М.А. Государственность и анархия. С. 665.

Поэтому негативная оценка М.А. Бауниным их планов по использованию идеи «народного монархизма» для подъема крестьян на восстание вызвала неприкрытое недоумение у бунтарей, ожидавших его полного благословения. Хотя в том же «Прибавлении А» отец русского анархизма прямо писал: «Народа никогда и ни под каким предлогом и для какой бы то ни было цели обманывать не следует. Это было бы не просто преступно, но в видах достижения революционного дела вредно; вредно уже потому, что всякий обман по существу своему близорук, мелок, тесен, всегда шит белыми и гнилыми нитками, вследствие чего непременно обрывается и раскрывается, и для самой молодежи самое ложное, самопроизвольное, самодурное и народу противное направление. Человек силен только тогда, когда он весь стоит на своей правде, когда он говорит и действует соответственно своим глубочайшим убеждениям».¹

Таким образом, «южные бунтари» не только отошли от идеалов старой, мирной народнической пропаганды среди крестьян, но пошли дальше традиционных принципов классического бакунизма. Наблюдения за жизнью простого народа и события в Киевской губернии, связанные со стихийным ростом крестьянского недовольства, итогами, а главное реализацией на практике царских манифестов по крестьянскому вопросу, подталкивали экзальтированных революционеров к крайней и еще как следует не опробованной идее «монархической мистификации», основанной в конкретных условиях на использовании подложного царского манифеста. В некотором роде идея вседозволяющей революционной целесообразности, вытекающей из «принципа цель оправдывает средства», делала их уже учениками не М.А. Бакунина, а скорее С.Г. Нечаева.

«Наша программа уже не придавала значения пропаганде: в народе, мол, достаточно горючего материала, – писал М.Ф. Фроленко. – Нам необходимо, лишь поселясь среди него, завести знакомства и быть готовыми представить из себя организованный, хорошо вооруженный отряд, который мог бы пристать к тому или другому самостоятельно возникшему недовольству, возмущению в той

¹ Бакунин М.А. Государственность и анархия. С. 658–659.

или другой деревне и постараться тогда уже привлечь и соседние села, т.е. стать организатором более крупного явления».¹

Немалое значение отводилось и фактору монархической мистификации. «Манифест от имени царя, в котором предполагалось оповестить об отнятии земель от помещиков и о переделе земли между всеми поровну, – по мнению «южных бунтарей», – должен был вызвать в народе смятение, и в эту минуту наш вооруженный отряд должен был явиться тем ядром, вокруг которого могли собраться бунтовские элементы народа».²

Для осуществления подобных действий необходимо было находиться в определенной близости друг от друга. В результате удалось расселиться по деревням, зачастую под видом мелких торговцев или содержателей чайных.³ Поселения «южных бунтарей» отстояли друг от друга на 10–15 верст. Центром этих поселений была Смела. В этом местечке находился постоянный двор, куда «южные бунтари» съезжались на собрания.

О какой-либо мирной пропаганде среди крестьян в 1876 г. «южные бунтари» речь уже не вели. «В интересах конспирации бунтарь при встречах с крестьянами отделялся общими фразами, так как смотрел на пропаганду как на совершенно бесполезную трату времени... По нашему мнению, – вспоминал В.К. Дебогорий-Мокриевич, – было излишне да даже невозможно заниматься подготовлением умов крестьян к предполагавшемуся восстанию; манифест в решительную минуту должен был сделать это дело».⁴

К концу лета–осени 1876 г. перед «южными бунтарями» стояло три важнейшие, по их мнению, задачи: заготовка огнестрельного оружия; создание хорошо вооруженного мобильного конного отряда; подготовка и напечатание подложного царского манифеста. Однако их выполнение требовало больших средств, а их в распоряжении кружка все не поступало. Была даже выдвинута идея организовать «шайку для добычи денежных средств путем ограбления почт, помещи-

¹ Фроленко М.Ф. Записки семидесятника. М., 1927. С. 59–60.

² Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. С. 260.

³ Фроленко М.Ф. Записки семидесятника. С. 60.

⁴ Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. С. 262.

чьих усадеб и проч.».¹ Атаманом выбрали И.М. Ходько («Мартына»), в «шайку» также вошли Н.К. Бух и А. Лепешинский, но реально в плане продвижения этой крайне компрометировавший революционный лагерь идеи ничего сделано не было. Видимо, даже большая часть «южных бунтарей» понимала всю порочность задуманного.

В результате, та часть «южных бунтарей», которая не жила в организованных ими поселениях, вела весьма бессодержательную жизнь в Елизаветграде. Л.Г. Дейч вспоминал: «Как и других, меня жизнь в Елизаветграде без всякого занятия также в сильнейшей степени угнетала. По тогдашнему настроению мне необходимо было копошиться, двигаться рисковать собой... Вместо этого, я занимался сперва малосодержательными странствованиями со Стефановичем по нашим так называемым "поселениям", где время проходило в разговорах и стрельбе в цель, и то же самое затем повторялось в Елизаветграде».²

В такой обстановке молодым людям, а часть из них уже была на нелегальном положении, хотелось более активных действий. И крайне показательно, что преимущественно желание активно действовать на практике было тесно связано с событиями в Чигиринском уезде. О степени наивности и одновременно «революционном нетерпении» «бунтарей» свидетельствовал следующий факт: Л.Г. Дейч, находясь в революционном бездействии, тогда вынашивал идею освобождения из заключения вождя чигиринских крестьян Ф.Д. Прядко. Однако трудность была в том, что революционеры не знали, где он точно содержится - в Чигирине или Киве. Выяснить это и, исходя из полученных данных, попытаться реализовать план организации побега Л.Г. Дейч поставил своей целью и отправился в Чигирин. План Л.Г. Дейча, конечно, был чистой авантюрой. По его собственным словам, «в этом городе, в виду недавно происходивших в уезде крестьянских волнений, были введены всевозможные строгости, – прописка, слежка за вновь прибывавшими и

¹ Бух Н.К. Воспоминания. С. 124.

² Дейч Л.Г. За полвека. С. 49.

пр.».¹ По посещении Чигирин Л.Г. Дейч все же смог получить информацию об отправке Ф.Д. Прядко в Киев.

В плане непонимания «южными бунтарями» крестьянской психологии показательным является их стремление перенести на лидеров народного движения собственные романтизированные и преувеличенные восприятия событий, происходивших в Чигиринском уезде. Вот что отмечал Л.Г. Дейч: «Как потом сообщили нам некоторые, сидевшие вместе с Прядко в киевской тюрьме, политические заключенные, он оказался очень далеким от того типа беззаветного преданного своим братьям праведника, легендарного героя, каким его себе и другим рисовали крестьяне: сидевшим в тюрьме он показался мелочным, самолюбивым и корыстолюбивым человеком. К тому же, из некоторых переданных ими же его выражений, можно было заключить, что, очутись он на воле, то не пристал бы к нам, а в таком случае он был бы нам не только бесполезен, но и вреден».²

Весьма скептически о Ф.Д. Прядко отзывался и Я.В. Стефанович, отмечавший, что легенды о нем «далеко не соответствуют его личным качествам».³

В отличие от революционеров, крестьяне оценивали своего вожака совершенно иначе, относясь с огромным пиететом к его личности и деятельности. Приведем одно показательное свидетельство подобного рода: «Рассказчик-чигиринец не иначе называл его, как "святым", и передавал самые невероятные вещи... По тону и характеру рассказа выходило так, будто царь вошел в известного рода соглашение с Хомой, некоторым образом вступил в тайный союз, в знак чего и дал ему половину разорванной записки, оставив другую у себя... Этот тайный союз Хома с царем направлен был, конечно против враждебных крестьянскому миру чиновников... Хома никого не боялся, – говорил чигиринец. – его искали, а он жил там, где его искали... Когда приезжал губернатор из Киева и созвал сход, то Хома пришел на сходку и все время говорил с губернатором. А губернатор и не

¹ Дейч Л.Г. За полвека. С. 51.

² Там же, с. 56.

³ «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. / Памятники агитационной литературы. Т. 1. М.; Пг., 1923. С. 142.

знал, кто с ним говорил... Все свои преувеличения и небылицы рассказчик передавал таким искренним тоном и так далек был при этом от побуждения умышленно лгать». Описание подвигов Ф.Д. Прядко в словах этого крестьянина было окрашено в мистические тона. Например, повествуя о том, как его хотели захватить «актовики», рассказчик сообщил, что «сам Хома сидит за столом и читает евангелие... Он все бывало читает евангелие... Обступили со всех сторон хату и стучат в дверь, чтобы им отворить. Как застучали в дверь, так в хате огонь и погас; и что там в хате после того делалось, никто не видел. Только входят "актовики" в хату, засветили, искали, искали, да так и ушли ни с чем: не нашли Хома. Куда же он делся? Может, потайной ход был и он этим ходом вышел? – проговорил я.

– Хата, как все хаты: никакого потайного хода не было, а только ушел... Так уж ему бог дал, – заключил мой собеседник». ¹

В приведенном отрывке беседы можно ясно увидеть, что традиционное крестьянское сознание, связывая через половинки записки образы царя и Ф.Д. Прядко, будто бы проецировало сакральность монарха на фигуру народного вожака. В формирующейся на глазах «южных бунтарей» новой крестьянской мифологеме Фома также становился носителем осененной божьим промыслом сверхъестественной силы. Он выступал защитником интересов простого крестьянства перед произволом панов и чиновников и поэтому заслуживал максимального народного доверия.

Однако вскоре нахождение в Елизаветграде стало для «южных бунтарей» небезопасным. Дело было связано с тем, что в городе появился некто Н.Е. Горинич, которого подозревали в контактах с полицией.² В начале июля 1876 г. он приехал в Елизаветград и стал разыскивать подпольщиков. Приезд человека, подозреваемого в том, что он «взял на себя миссию указать жандармам Мокриевича и Стефановича», привел к тому, что было принято решение об его убийстве. Вот

¹ Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. С. 255–256.

² Позднее в архиве Третьего отделения Л.Г. Дейч нашел свидетельство о том, что Н.Е. Горинич действительно дал полиции откровенные показания // См. подр.: Дейч Л.Г. За полвека. С. 81–82.

что вспоминал впоследствии один из участников покушения на Н.Е. Гориновича Л.Г. Дейч: «По тогдашнему моему настроению для меня было вполне достаточно, что Горинович предал революционное дело и своих товарищей. Мне казалось непростительной непоследовательностью, придерживаясь взгляда о необходимости расправляться с ренегатами, на деле не осуществлять этого».¹ Так же думал и В.А. Малинка – «человек решительного характера и непоколебимой воли».²

Для того чтобы не привлекать внимание к месту основной дислокации «южных бунтарей» – Елизаветграду – и сильнее запутать полицию, решено было выманить Н.Е. Гориновича в Одессу и там убить его. В ночь на 11 июня 1876 г. оглушенный кистенем и облитый серной кислотой, чтобы труп не опознали, Горинович не только выжил, но смог дать показания и уж тогда выдавал всех без разбора.³ Более того, его обезображенное лицо давало лишний повод властям в обличении революционеров в фанатизме и страшной жестокости.

После показаний Н.Е. Гориновича в Елизаветграде начались аресты.⁴ Под угрозой оказались и «южные бунтари», жившие на селе и приезжавшие в город. Деятельность кружка была практически парализована, пришлось срочно покидать поселения: «Мы бросились в рассыпную, кто куда находил для себя удобным, – вспоминал В.К. Дебогорий-Мокриевич».⁵

Некоторые из революционеров решили отправиться пока в Одессу. Оказался там и Я.В. Стефанович, который даже в обстановке начавшихся арестов не оставлял своих чигиринских проектов. В частности, сохранилось свидетельство Н.К. Буха, как в Одессе Я.В. Стефанович встречался с болгарами, в том числе, Стамбуловым, принимавшим непосредственное участие в антитурецком восстании в Болгарии. Стамбулов, находясь в Одессе, вел переговоры с русскими властями о передаче оружия болгарским четникам. В свою очередь Я.В. Стефанович

¹ Дейч Л.Г. За полвека. С. 82.

² Там же, с. 83.

³ Пелевин Ю.А. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // Российская история. 2014. № 1. С. 137.

⁴ Там же, с.137.

⁵ Дебогорий-Мокриевич В.К. Воспоминания. СПб, 1906. С. 269.

пытался договориться с болгарями о том, «нельзя ли будет воспользоваться частью этого оружия и для подготовлявшегося восстания в Чигирине».¹

Наконец, для выработки планов дальнейших действий кружка решено было собрать уцелевших от арестов бунтарей в Харькове. О жизни в Харькове весьма образно написал Н.К. Бух: «Большинство членов кружка ютились под видом актеров в небольшой комнате, снятой ими на углу жандармской площади и Гончаровского бульвара... Средств не было. Приходилось зарабатывать трудом. Коленкина обшивала харьковских модниц, Барышева переписывала ноты, Маруся (Ковалевская. – С.Т.) и Аня (Макаревич. – С.Т.) поступили в хор оперетки, игравшей в одном из местных садов. Берзин переписывал роли, Дейч проектировал ограбление почты. Я пошел на телеграфную станцию... Кружок наш переживал кризис. Мы собирались в Основнянском лесу, стреляли в цель и обсуждали программные вопросы».² При этом «мысль о Чигиринском восстании не была оставлена. Но восстание это требовало подготовки. Подготовку его взял на себя Стефанович. Для этой подготовки ему требовалась целая орава людей. Стефанович пригласил к себе в помощники: Дейча, Бохановского, для устройства типографии, и, как единственного богача, – Чубарова. Остальные, пока что, до организации отряда чувствовали себя не удел».³

Примерно такую же атмосферу изображал В.К. Дебогорий-Мокриевич, отмечавший, что «пока мы жили по деревням в разных местах, разногласия были менее заметны; когда же все собрались в одно место, да еще с целью принятия решения на будущее время все выплыло наружу. Теперь нам предстояло начинать многое сызнова: выбирать места для поселений, устраиваться под новыми предложениями и прочее... Если бы мы бодро относились к нашему делу и верили в его осуществимость, то те затруднения, какие представлялись нам вслед за неудачным покушением на жизнь Гориновича, конечно были бы преодолены, и мы про-

¹ Бух Н.К. Воспоминания. С. 134.

² Там же, с. 135–137.

³ Там же, с. 137.

должны бы преследовать нашу цель. Но веры в дело, уже не было... Рознь проявилась среди нас невообразимая!»¹

В числе общих проектов, которые еще как-то были одной из последних попыток сплотить бунтарей, был выдвинутый М.П. Ковалевской этакий гибридный проект по использованию идеи царских грамот в сложившихся условиях. Она предлагала отпечатать манифест о переделе земли и без всякой подготовительной работы заняться распространением его среди народа. Она предлагала отправиться на лодках вниз по Днепру и раздавать манифест крестьянам прибрежных деревень. Расчет был на то, что это может вызвать крестьянские волнения.²

Однако проект не получил одобрения. В.К. Дебогорий-Мокриевич, оценивая его, отмечал, что «с этим проектом я не мог согласиться уже потому, что не придавал значения так называемым "пассивным" крестьянским бунтам... Мне казалось, что задача революционной интеллигенции... заключалась, чтобы внести больше активности в народные бунты, а ничуть не вызывать пассивные восстания».³ Остальные бунтари также прореагировали на предложение М.П. Ковалевской без большого энтузиазма.

Ю.А. Пелевин справедливо указывает на то обстоятельство, что к лету 1876 г. в южном народничестве явственно обозначился программно-тактический кризис, вызванный безрезультатными попытками организовать народное восстание.⁴

Фактически харьковский период означал конец единой организации «южных бунтарей». С точки зрения психологии большинства участников организации «южных бунтарей» она могла сохраняться и функционировать, только находясь в состоянии постоянного революционного активизма, любое бездействие для нее было смерти подобно. Революционный темперамент революционеров-южан требовал реального выхода, и это начинало происходить уже вне кружка. Бунтари пытались искать выход кипящей в них революционной энергии, каждый по-

¹ Дебогорий-Мокриевич В.К. Воспоминания. С. 269.

² Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. С. 336.

³ Там же, с.336.

⁴ Пелевин Ю.А. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // Российская история. 2014. № 1. С. 137.

своему. Об этом отчетливо свидетельствуют и мемуаристы. К концу лета – началу осени распад начал приобретать реальные очертания. Видимо, наиболее отчетливо понимал это как раз Я.В. Стефанович. В.К. Дебогорий-Мокриевич, отмечал, что «Стефанович, ведший свои конспирации с чигиринцами, увлеченный этим делом, вскоре занял совершенно обособленное положение в нашем кружке».¹

Тогда же он обратился с предложением к кружку, «чтобы ему дан был в пользование типографский станок, бывший нашей общей собственностью, очевидно, имея намерение печатать манифесты от имени царя... Кружок, постановил предоставить ему пользование станком».² После этого он отбыл в Киев для устройства там типографии.

Одним из первых вместе с М.П. Ковалевской уехал в Одессу В.К. Дебогорий-Мокриевич. Через несколько недель Л.Г. Дейч, вызванный Я.В. Стефановичем, также уехал в Киев. Месяца через полтора за ним последовал и И.В. Бохановский. «В Харькове, – как вспоминал Н.К.Бух, – со мной из членов нашего кружка остались только Аня, изучавшая при больнице анатомию, и Коленкина; но и они скоро меня покинули».³

Таким образом, Я.В. Стефанович, верный своим идеям, фактически создал в Киеве в конце 1876 г. свою собственную небольшую революционную организацию, куда, кроме него, входили Л.Г. Дейч, И.В. Бохановский и С.Ф. Чубаров. Их целью оставалась подготовка восстания крестьян в Чигиринском уезде посредством использования подложного царского манифеста. Тем более что теперь в их руках был типографский станок и некоторые денежные средства, которые они могли получать от С.Ф. Чубарова.

§ 2.2. «Чигиринский заговор» 1876–1877 гг.: события и итоги

¹ Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. С. 311.

² Там же, с. 337.

³ Бух Н.К. Воспоминания. С. 138.

После фактического распада кружка «южных бунтарей» Я.В. Стефанович, Л.Г. Дейч, И.В. Бохановский поселились в Киеве в доме Клименко на Ивановской улице.¹ Тогда же в Киеве жили В.А. Малинка, М.П. Ковалевская, П.О. Рохальский, С.Ф. Чубаров, но «ведя свои конспирации с чигиринцами», Я.В. Стефанович и С^о совершенно отделились от остальных.² Домик, занимаемый Я.В. Стефановичем с товарищами, находился в одном из крайних кварталов города. Местность эту киевляне называли «Киевской Швейцарией».³

Квартира была нанята И.В. Бохановским, который проживал в ней под именем Ипполита Садовского. В ней же под именами Дмитрия Лашкевича и Евгения Тучика соответственно жили Я.В. Стефанович и Л.Г. Дейч.⁴ В этом доме, имевшем 3 комнаты с сенями, они устроили подпольную типографию, где всеми процессами заправлял И.В. Бохановский. Здесь же были составлены и напечатаны все документы от имени царя для осуществления Чигиринского заговора. При их подготовке Я.В. Стефанович с товарищами руководствовались своим пониманием традиционалистской крестьянской психологии. Я.В. Стефанович отмечал, что «все мои наблюдения утвердили меня в той мысли, что только авторитетное начало может гарантировать принятие задуманной мною организации, а таковым в данном случае могло быть только имя царя Александра II. При отсутствии у крестьян идейного отношения к делу, – как к средству, закрепляющему каждого члена будущего тайного общества за своей организацией, я обратился к присяге, обряд которой, при известной обстановке должен был действовать на крестьянина внушающим образом».⁵

К подобным выводам Я.В. Стефановича вполне приложимы утверждения исследователя В.Я. Мауля, отмечавшего, что «ключевую роль в разжигании чигиринских страстей во второй половине 1870-х гг. сыграли не столько объективные причины сами по себе, сколько субъективно переживаемый конкретный повод,

¹ ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 485об.

² Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. С. 343.

³ Там же, с. 352.

⁴ ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 474. Л. 156.

⁵ «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. С. 150.

позволивший крестьянам почувствовать правомочность своих притязаний и поведенческих стратегий», причем такие поводы «чаще всего окрашивались в монархическую гамму тонов».¹

В результате, на свет появилась «Высочайшая тайная грамота», к которой прилагались документы якобы утвержденные императором, – «Устав крестьянского общества Тайная дружина»² и «Обряд святой присяги». Грамота начиналась словами: «Верные наши крестьяне! Со всех концов Государства нашего слышим мы жалобы дорогого нам крестьянства на тяжкие угнетения исконе враждебных нам дворян. Между тем мы с самого вступления нашего на Престол Империи Российской старались улучшить положение Ваше. Вопреки желанию всего дворянства, Высочайшим Манифестом 19 февраля 1861 г. мы освободили вас от крепостной зависимости и даровали вам всю землю без всякого за нее платежа, а также леса и сенокосы, несправедливо дотоле принадлежащие одним дворянам».³

Далее развивалась мысль о том, что дворяне не допустили осуществления воли царя во всей ее полноте, «они хитростью и обманом удержали за собою большую и лучшую часть земли, все леса и сенокосы и только самую худшую и ничтожную отвели Вам, притом еще наложили за оную чрезмерные выкупные платежи».⁴ В такой ситуации, царь, не имея единомышленников даже в семье, – в оппозиции оказался даже «недостойный наследник Александр Александрович с его союзниками дворянами и великими князьями», – пришел к выводу о своем полнейшем бессилии сделать что-либо полезное для крестьян и предлагал им самим бороться за свои права. С этой целью он повелевал всему крестьянству соединяться в тайные общества, именуемые «Тайные Дружины», «с тем, чтобы подготовиться к восстанию против дворян, чиновников и всех высших сословий. Всякий, кто готов положить жизнь свою за великое дело, обязан дать присягу на верность обществу Тайной Дружина. Сии общества должны держать себя в самой

¹ Мауль В.Я. Заговор от имени царя (о некоторых чертах психологии Чигиринских крестьян). С. 252.

² В подлиннике нет слова «устав», а содержится название «Назначение общества Тайная дружина». См., напр.: ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспедиция. 1877. Д. 262. Л. 122–126.

³ Документы к Чигиринскому делу // Былое. 1906. № 12. С. 257.

⁴ Там же, с. 258.

строгой тайне от дворянского начальства и попов, этих по большей части шпионов панских, а не достойных пастырей стада Божия».¹

Тайные общества должны были организовываться по плану утвержденного царем устава. Начало его гласило: «тайные крестьянские общества, именуемые Дружинами, имеют своим назначением подготовиться к восстанию против дворян и высших сословий с тем, чтобы силою возвратить себе захваченную ими землю уничтожить повинности и налоги, введенные дворянским начальством и восстановить полную "Волю", как даровал ее Его Императорское Величество Государь Александр Николаевич. Дружина состоит под покровительством самого Государя Императора... Всею Дружиною заправляет Совет Коммисаров (так в подлиннике. – С.Т.), который состоит из лиц, облеченных в звание коммисара особенною грамотою, выданной из собственной Его Императорского величества канцелярии за печатью самого Государя императора Александра Николаевича».² (приложение 1).

В целом устав «Тайной Дружины» состоял из 6 глав: 1) Обязанности коммисара; 2) Обязанности каждого члена Тайной дружины; 3) Обязанности старосты; 4) Староство и Старостская рада; 5) Обязанности атамана; 6) Обязанности казначея. В заключении отмечалось, что: «Всякий приказ от Коммисара за печатью Совета Коммисаров Дружина должна исполнять, как повеления самого Государя. Коммисар доставляет дружине денежные пособия».³ (приложение 2).

В конце устава шел текст присяги и обряд ее произношения: «Пред иконою Спасителя, св. крестом, св. евангелием, перед двумя накрест воткнутыми пиками или ножами, зажигается восковая свечка. Приводимый к Св. присяге становится на колени, поднимает второй и третий персты правой рукой вверх, а левую полагает на грудь и повторяет слова Св. присяги, читаемые старостою или грамотным свидетелем».⁴ В заключении присягавший целовал икону, крест и евангелие.

¹ Документы к Чигиринскому делу // Былое. 1906. № 12. С. 258.

² Там же, с. 259.

³ Там же, с. 261.

⁴ Там же.

Большой интерес для выявления воздействия данных фальшивок на крестьянское сознание представляет изучение самой технологии их изготовления. Видимо, понимали это и руководители жандармского дознания, поэтому в сохранившихся копиях этих документов все очень подробно описано.

Сама «Высочайшая Тайная грамота» была напечатана на большом листе бристольской бумаги.¹ Вверху царской грамоты, как отмечали полицейские источники после знакомства с подлинниками, был государственный герб (в виде двуглавого орла).² После текста «Высочайшей Тайной грамоты» стояла собственная его императорского величества печать и подпись «Александр II». С.-Петербург 1875 года февраля 19 дня. Печать была выполнена золотым цветом.³ В заключении устава и присяги «Тайной дружины» «собственною Его императорского Величества рукою написано: "быть по сему" Александр II». ⁴ В конце означенной присяги была приложена золотого цвета круглая печать. В середине ее были изображены перекрещивающиеся пика и топор, вокруг которых надпись: «Печать Совета комиссаров». ⁵

При знакомстве с описанием бросается в глаза обилие символики выполненной в золотом цвете. Использование данной цветовой гаммы и вообще активное оперирование различными атрибутами и символами, связанными с визуальными проявлениями царской власти, лишний раз подтверждает, что Я.В. Стефанович и его товарищи вынесли немало уроков из общения с крестьянами. Они отчетливо осознавали, что при подготовке столь масштабной мистификации нужно попытаться учесть любую мелочь, и цветовые решения стояли в этом отношении отнюдь не на последнем месте. Известно, что золотой цвет и в более ранних крестьянских выступлениях ассоциировался с царским цветом. Например, в период Кижского восстания 1769–1771 гг. в некоторых селениях приписные крестьяне

¹ «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. С. 151.

² ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспедиция. 1877. Д. 262. Л. 119.

³ «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. С. 151.

⁴ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспедиция. 1877. Д. 262. Л. 126.

⁵ Документы к Чигиринскому делу // Былое. 1906. № 12. С. 261.

требовали «"настоящего" царского указа» и чтобы он был написан «золотыми словами с золотой кистью».¹

В вопросе использования золотого цвета в отношении крестьян-чигиринцев нельзя не согласиться с мнением современного исследователя о том, что «в силу сакральной насыщенности золотого цвета документ с какими-то иными внешними атрибутами едва ли мог вызвать доверие у чигиринских крестьян».²

Царская грамота была отпечатана на типографском станке в доме на Ивановской улице, хотя Я.В. Стефанович в своих показаниях, видимо, чтобы ввести жандармское дознание в заблуждение и скрыть наличие типографского станка в Киеве, сообщил иное. Он показывал, что «до устава крестьянского общества Тайная Дружина» и высочайшей тайной грамоте я приступил вместе с Львом Дейчем в августе 1876 г... Я медлил, потому что не находил случая отпечатать, не рискуя огласить свое дело. Возможность открылась в конце лета, когда Лев Дейч, усиленно разыскиваемый полицией по делу Гориновича, решился уехать за границу; вместе с тем он взялся напечатать там устав, грамоту и бланки присяги. Он уехал в сентябре месяце и возвратился в ноябре, исполнив взятое на себя дело».³ Этот же фрагмент показаний Я.В. Стефановича воспроизводится и в арестантском заключении. В нем также указано, что «он составил... "тайную грамоту" и устав "тайной дружины", которые Лев Дейч осенью 1876 г. привез напечатанными из-за границы».⁴

Свидетельством тому, что документ был все-таки напечатан в Киеве, могут служить материалы жандармского дознания, в которых отмечалось, что после «ареста обвиняемых Бохановского, Стефановича и Дейча – первого 31 августа 1877 г., а остальных двух 3 сентября того же года, Полицией было приступлено к розыску их квартиры, указать которую сами обвиняемые отказались и которую удалось найти в доме Клименко на Ивановской улице только 13 сентября. При

¹ Балагуров А.Я. Кижское восстание 1769–1771 гг. Петрозаводск, 1969. С. 64.

² Мауль В.Я. Заговор от имени царя (о некоторых чертах психологии Чигиринских крестьян). С. 252.

³ Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 258.

⁴ ЦДІАК України. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157. Л. 46об.

обыске той квартиры были найдены некоторые типографские принадлежности, имеющие, по заключению экспертов, отношение к настоящему делу, и обнаружено при том, что часть вещей в этой квартире была уничтожена».¹ Подтвердила это и проведенная жандармами 30 января 1878 г. экспертиза, пришедшая к выводу, что «вполне удостоверяется факт отпечатания Стефановичем, Дейчем и Бохановским возмутительных воззваний в форме тайных грамоты и устава тайного общества».²

В этой связи непонятно доверчивое отношение исследователя Ю.А. Пелевина к показаниям Я.В. Стефановича, которые он считает не просто «весьма подробными», но и «откровенными».³ В то же время, историк признает факт напечатания «Устава» и «Обряда святой присяги», вместе с брошюрным вариантом грамоты И.В. Бохановским на конспиративной квартире в Киеве.⁴ То есть Ю.А. Пелевин полагает, что оригинал «Высочайшей Тайной Грамоты» был напечатан за границей и привезен оттуда Л.Г. Дейчем, а остальное было сделано в Киеве. Однако нет ни одного реального свидетельства в пользу этой версии, кроме показаний Я.В. Стефановича. Зато масса мемуаристов подтверждает факт привоза типографского оборудования А.М. Макаревич из-за границы и впоследствии передачи его группе Я.В. Стефановича. В таком случае для чего же Л.Г. Дейчу было ездить за границу?

В результате архивных поисков удалось обнаружить автобиографическое свидетельство самого Л.Г. Дейча, свидетельствующее в пользу версии о напечатании манифеста в Киеве. В дополнение к своей автобиографии он написал следующее: «С февраля 1877 г. вместе со Стефановичем (руководитель дела), Бохановским, Чубаровым приступил к организации так называемой «Тайной дружины», среди крестьян Чигиринского уезда Киевской губернии, с целью подготовки вооруженного восстания, путем применения подложного царского манифеста...

¹ ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 485–485об.

² Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 273–274.

³ Пелевин Ю.А. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // Российская история. 2014. № 1. С. 141.

⁴ Там же.

Прокламация содержащая так называемую «Высочайшую грамоту» и устав «Тайной дружины» была отпечатана Л. Дейчем, Я. Стефановичем и И. Бохановским в нелегальной типографии, организованной ими на совместной их квартире на окраине Киева».¹

Представляется, что Ю.А. Пелевин слишком доверился якобы «откровенным» показаниям Я.В. Стефановича, которые были «откровенны» ровно настолько, насколько можно было «водить за нос» жандармских следователей и не более того.

После напечатания «Высочайшей Тайной грамоты» наступил черед действовать для Я.В. Стефановича. Из показаний Л.А. Тененика известно, что в очередной раз он увидел Д. Найду (Стефановича) на филиппов пост (ноябрь 1876 г.). Л.А. Тененик показал, что «в этот пост он вызвал меня из Лыбедской части и рассказал на улице, что он был у Государя и передал ему прошение и что Император сказал будто бы ему, что он готов наделить нас землей, но что для этого нужно принять присягу и поступить в число дружинников, чтобы затем восстать против чиновников и дворян».² Далее Д. Найда прочел крестьянам устав. Среди слушателей из числа крестьян, кроме Л.А. Тененика, находились Сергей Тоценко, Фокий Кравченко, Кузьма Прудкий, Григорий Миркотан, Кирилл Прудкий, Степан Миркотан, Антон Комаренко и Григорий Тененик.

Чтение этого документа, судя по показаниям Я.В. Стефановича, происходило на специально нанятой им квартире на Большой Житомирской улице. Попутно он разъяснял крестьянам отдельные положения «Высочайшей Тайной грамоты»,³ но не демонстрировал сразу этот документ. Здесь стоит отметить тонкий психологический расчет Я.В. Стефановича. На глазах крестьян-чигиринцев он своего рода перевоплощался из обычного крестьянина-ходака в «царского комиссара», наделенного особыми полномочиями и уже распространяющего на себя часть царской сакральности, отсюда и пауза в показе самого документа.

¹ ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1287. Л. 139.

² ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 580об–581.

³ Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 259.

Видимо действительно столь необычный поворот дела поначалу озадачил крестьян. Я.В. Стефанович отмечал, что «крестьяне, очевидно, ничего подобного не ожидали и на первом сходе не дали никакого ответа. Они могли думать, что результатом доставления их прошения царю будет немедленный приказ – отпустить их всех по домам без "подписки" и если не личный приезд царя, то снаряжение им комиссии, которая должна решить дело в их пользу, удовлетворить все их желания».¹

Исходя из этого посыла, Ю.А. Пелевин сделал заключение, что «чигиринцы, выслушав Стефановича, были обескуражены всем поворотом дела. Они не могли поверить, что царь так бессилен. Они ожидали царского указа, но другого... Мужики-хлеборобы сопротивлялись, как могли, местным властям, но не были готовы к созданию тайной повстанческой организации и восстанию».²

Думается, это слишком упрощенное суждение. На самом деле, глубинные пласты крестьянского мировоззрения, архетипически связанного с более давними временами, когда их предки вставали под знамена «истинных государей» против «дворян-изменников», могли воспринять нечто подобное. Как отмечают исследователи, мысль о том, что «надежда-государь» может оказаться «в плену» у бояр/дворян-изменников и не играть решающей роли в происходящих событиях, являлась органической частью многих социально-утопических легенд о возвращающихся царях/царевичах-избавителях. В такой ситуации устоявшаяся народно-монархическая традиция именно простолюдинам предписывала инициативу первого выступления, что нередко оказывалось предвестием появления очередного самозванца.³

В этом отношении, развивая эту же мысль применительно к изучаемым событиям, вслед за исследователем В.Я. Маулем отметим, что «схожие идейные тенденции характеризовали социально-психологические процессы на Чигирин-

¹ «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. С. 150–151.

² Пелевин Ю.А. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // Российская история. 2014. № 1. С. 141.

³ Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003. С. 49–275.

щине в течении 1870-х гг. ... Это означает, что при знакомстве с "Тайной грамотой" и "уставом" общества известие о бессилии царя, окруженного со всех сторон врагами вместе с "Недостойным Наследником Нашим", могло лишь послужить импульсом к крестьянской мобилизации, но никак не обескуражить слушателей».¹ И дальнейшие события подтверждают именно этот тезис.

В конце концов, после нескольких встреч (Я.В. Стефанович указывал, что их было три,² а Л.А. Тененик утверждал, что «он приходил к нам раз семь и все уговаривал выполнить присягу, прочитывая каждый раз устав»³), крестьяне согласились присягнуть, но перед тем потребовали этого от самого Найды, что он и сделал, и затем «мы все приняли присягу, стоя на коленях перед иконой Спасителя, крестом и евангелием, а присягу читал сам Найда».⁴

И только после принятия присяги Д. Найда прочел крестьянам «Тайную грамоту» и устав. В этом отношении крайне показательны впечатления произведенные «Тайной грамотой» на уже зрелого и достаточно независимого в мнениях человека, каким был Л.А. Тененик. Он так описывал «царские» документы: «Первая была написана на листе бумаги шириною приблизительно в аршин и длиною в $\frac{3}{4}$ аршина, кругом были полосы желтого цвета, а вверху над ним две печати желтого цвета, из коих одна по объяснению Найды Государева, а другая печать комисарова; устав заключался в книжке из семи или восьми листов и тоже был печатный».⁵ Как видим из этого описания, внимание Л.А. Тененика, помимо самого текста, привлек именно золотой цвет. Слово желтый он упомянул несколько раз, а его односельчанин Антон Комаренко, также бывший при этом чтении, указал на следствии, что и сам «текст на листе был написан золотыми буквами».⁶ На этом же аспекте акцентировал внимание в своих показаниях Е.А. Олейник отмечавший, что грамота представляла из себя «бумагу на подобие картона твердую, ве-

¹ Мауль В.Я. Заговор от имени царя (о некоторых чертах психологии Чигиринских крестьян). С. 252.

² Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 273–274.

³ ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 581.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, Л. 588.

личиною с полулиста, на которой напечатан был текст, а на другом была расположена золотая полоска и близ текста с боку, была золотая печать с символом Александра II».¹

Приняв присягу, крестьяне несколько раскрепостились и при дальнейшем обсуждении положений устава, как вспоминал Я.В. Стефанович, «высказывали много практических соображений, принятых мною во внимание потом, при составлении дополнительного устава... Некоторые функции, по мнению крестьян, сопряженные с отвлечением от хозяйственных работ, будут исполняться нерадиво; а пьянство наверное поведет к оглашению тайны существования сообщества; в виду последнего обстоятельства, если Дружина станет многочисленной, они проектировали ограничить мирским приговором число кабаков в селе».²

После принятия присяги, по задумке организаторов «Чигиринского заговора», необходимо было наладить связь между крестьянами—чигиринцами, находящимися под полицейским надзором в Киеве, и их сторонниками крестьянами-душевиками, оставшимися на Чигиринщине. Для этого Я.В. Стефанович предложил одному из них «изъявить полицмейстеру согласие (фиктивное) на "подписку", и если при том креста не потребуется, то и дать таковую с тем, чтобы отправится домой, посвятить там в дело одного из пользующихся доверием грамотных крестьян»³ и привезти его в Киев. Дело в том, что первые 8 дружинников, кроме Л.А. Тененика были неграмотными, что, по мнению Я.В. Стефановича, «было бы тормозом к успешному распространению и развитию общества».⁴

Выбор пал на Л.А. Тененика, и как он сам показывал на следствии: «Я дал полиции требуемую от каждого из нас кто желает возвратиться домой подписку и пошел в Шабельники. Здесь я передал смысл грамоты и устава рядовому Ефиму

¹ ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 574.

² «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. С. 154.

³ Там же.

⁴ Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 259.

Олейнику,¹ который заявил мне, что это дело хорошее и что поэтому нужно набирать дружину».²

Почему же умудренный жизнью 50-летний грамотный, отставной унтер-офицер Ефим Алексеевич Олейник, награжденный орденами за участие в боях на Кавказе, столь быстро принял на веру слова «Высочайшей грамоты», да еще в пересказе своего односельчанина, а в дальнейшем стал одним из активнейших помощников Д. Найды? Думается ответ на этот вопрос лежит в той накаленной атмосфере всеобщего недовольства, охватившей сотни рядовых жителей Чигиринского уезда, для которых призыв к созданию «Тайной дружины», да еще осененный монаршей поддержкой, по сути, был ответом на то, как выйти из сложившейся ситуации. Стоит согласиться с точкой зрения утверждавшей, что «психологическая почва для столь позитивной реакции была заранее подготовлена массовым брожением умов, вызванным бытованием монархических слухов о том, "что дело крестьян о переделе земли не пропадет, что о нем доложено уже два раза Государю Императору и что скоро они получают желаемое"».³

В случае же с Е.А. Олейником о дополнительной мотивации, подтолкнувшей его в сторону принятия идей, озвученных «Высочайшей Тайной грамотой», свидетельствовали его собственные показания. Из них следовало, что он после отставки вернувшись на родину в с. Шабельники, имел «свой дом и 2 десятины земли усадебной, а полевой земли у меня нет, женат, имею двух детей, из них старшему сыну Николаю 5 лет, а дочери Марии ½ года».⁴ Здесь налицо хроническая бедность из-за малоземелья.

При этом, как отмечали исследователи этой проблемы, положение крестьянской бедноты ухудшалось и тем, что, несмотря на «существовавший участковый способ надела землей, подушная подать и другие денежные сборы с крестьян собиралась по душевой раскладке. А эти платежи были высокими... до 5

¹ На самом деле Е. Олейник был отставным унтер-офицером.

² ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 581.

³ Мауль В.Я. Заговор от имени царя (о некоторых чертах психологии Чигиринских крестьян). С. 252.

⁴ ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 572.

рублей с души».¹ Так, что за себя и за малолетнего сына Е.А. Олейник должен был платить до 10 рублей в год. Для сравнения, «местная оплата годовому работнику составляла около 20 рублей».² Поэтому единственный способ как-то сводить концы с концами для таких крестьян – это уходить на заработки. Именно о подобной ситуации сообщал начальник Киевского ГЖУ генерал-майор А.С. Павлов, отмечавший, что «большая часть населения наделенная малыми участками пространством от одной до 6 десятин на двор, пополняла эти подати доходами от значительных заработков в Херсонской губернии, где, при душевом наделе по 5 десятин земли весьма плодородной, в имениях помещиков ощущался постоянно недостаток в рабочих силах, в особенности в летнее время при уборке трав и хлебов».³ Об этом же писала и газета «Киевлянин», сообщавшая, что «все здоровое и сильное население ходит на заработки в южные губернии и даже на Кавказ. Это единственные работники из всего Юго-западного края, которые ходят в дальние губернии на промыслы».⁴ Думается, именно в таком положении находилась семья Е.А. Олейника. Отсюда понятны его нелюбовь к «актовикам» и желание переломить сложившуюся ситуацию.

Сам Е.А. Олейник показывал, как «пришел к нам из Киева в с. Шабельники Л. Тененик и под секретом объявил, что в г. Киев приехали будто бы два чиновника, которые хлопотали у Государя по поводу земли и привезли будто бы от Императора присягу, которую должен принять всякий из нас, кто желает подать прошение о переделе земли. При этом Тененик сказал мне, что по словам означенных чиновников нужно образовать общество для подачи прошения и что для образования этого общества есть некий устав, а т.к. он человек неграмотный, то и просил меня съездить в Киев и прочесть означенный устав. Я однако тогда ехать в Киев не согласился, ибо не мог оставить дома жену и малых детей».⁵ По словам

¹ Пойда Д.П. Крестьянское движение на правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). С. 198.

² Там же.

³ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспедиция. Оп. 1875. Д. 144. Л. 21.

⁴ Киевлянин. 1875. № 104.

⁵ ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 572об.

Л. Тененика, Е.А. Олейник оговаривал свое желание служить делу, если царский комиссар сам приедет в с. Шабельники и предъявит «настоящую бумагу».¹

Но даже временный отказ Е.А. Олейника от поездки в Киев не менял главного, а именно того, что слух о существовании «Тайной грамоты» стал опутывать с. Шабельники и постепенно завладевал умами большинства крестьян-душевиков. Вот что, например, показывал на допросе крестьянин С.К. Шутенко: «Узнал я о том, что получена какая-то бумага от Царя, в великом посту сего года на ярмарке в М. Медведовка Чигиринского уезда и чтобы разузнать о ней подробнее я направился к Матвею Пшиченко, шурина моему, крестьянину с. Шабельники».²

По возвращении в Киев в феврале 1877 г. Л.А. Тененик все объяснил Д. Найде, настаивая на скорейшем приезде «царского комиссара» в с. Шабельники. Он аргументировал это тем, что ему, как подписавшемуся на «ахту» (акту. – С.Т.) и явившемуся без всякого удостоверения, что он это сделал ради целей Тайной Дружины, не оказывается должного доверия».³ Кроме того, Л.А. Тененик уверял Я.В. Стефановича, что в случае прибытия самого комиссара «все душевые немедленно вступят в Тайное общество».⁴

Я.В. Стефанович сразу не мог приехать в с. Шабельники, потому что у него не было еще «печатного Устава, а рукописными снабжать Лазаря (Тененика. – С.Т.) он не решился, так как таковой в глазах крестьян мог не возыметь значения».⁵ В результате, как явствовало из показаний Я.В. Стефановича, «Лазарь, снабженный мною уставом (первым) и 6 рублями денег на дорогу отправился один. Я велел ему показать устав Олейнику, разъяснить, как толковал я, потом привести его к присяге; сам же обещал приехать на Фоминой неделе в Черкассы, где Лазарь должен был меня встретить».⁶ И, судя по показаниям Л.А. Тененика и Е.А. Олейника, все примерно так и произошло.

¹ «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. 1923. С. 154.

² ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 477. Л. 261.

³ «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. С. 155.

⁴ Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 260.

⁵ «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. С. 154.

⁶ Там же.

Л.А. Тененик показывал, что «возвратившись к себе в Шабельники, я собрал первую сходку у Дмитрия Горбенки, а затем у моего односельца Ионы Гущенко, где крестьяне принимали от Олейника присягу... У Дмитрия Горбенки приняли присягу сам хозяин, Ефим Олейник, других не помню, у Гущенко сам хозяин и других не помню».¹ Вскоре после этих сходок была еще одна сходка у «раскопанной могилы», где выбрали старост, причем были выбраны в старосты Иосиф Стрельченко, Аким Бальбот, Дмитрий Горбенко».²

Сам обряд присяги Е.А. Олейник описывал следующим образом: «Я нашел в этой хате на столе икону Спасителя, крест и молитвенную книгу. Л. Тененик обратился тогда ко мне с просьбою, чтобы я выполнил присягу для подачи прошения Государю, объяснив, что они уже эту присягу выполнили в Киеве у означенных чиновников и что мне от общества отставать не следует... Я посмотрел тогда лежащую на столе присягу и увидел, что в содержании ее действительно нет ничего дурного, я выполнил присягу и поцеловал крест, икону и молитвенную книгу. После этого я взял лежавший на столе печатный устав и стал его читать».³

Надо сказать, что в своих показаниях Е.А. Олейник слегка лукавит в отношении того, что все крутилось вокруг идеи «подачи прошения Государю Императору». Это было весьма точно зафиксировано следствием на основе сличения показаний других участников «Тайной дружины».⁴ В этом отношении вердикт следствия был следующим: «Вследствие сего необходимо заключить, что Ефим Олейник... знал вполне действительное назначение последней («Устава» и «Высочайшей Тайной грамоты». – С.Т.) и что показание его о подаче Государю Императору прошения совершенно ложно».⁵

Показаниями Л.А. Тененика и Д. Горбенко было подтверждено, что «Олейник первый одобрил цель и организацию сообщества тотчас же стал приводить

¹ ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 581об.

² Там же.

³ Там же, Л. 573.

⁴ Там же, Л. 114об–117.

⁵ ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 117.

своих односельцев к присяге»¹. Собственно, это утверждение не расходится и с показаниями самого Е.А. Олейника, в которых он подтвердил, что «на сходке у крестьянина Ивана Жаданенки привел к присяге около 10 человек».²

Дальнейшие события стали происходить очень быстро. Уже 1 марта состоялась первая действительно большая сходка крестьян у «раскопанной могилы». На ней присутствовало «250 человек, изъявивших желание поступить в общество».³ Это собрание по количеству участников и принятым решениям можно считать своего рода «учредительным съездом» «Тайной дружины». На нем Е.А. Олейник прочел присягу и устав. Затем, по показаниям очевидцев (Л.А. Тененика, Д. Горбенко, Н. Влашко), все тот же Е.А. Олейник: а) предложил выбрать «старост»; б) читал устав и говорил о необходимости заготовления пик».⁴ Именно здесь были проведены первые выборы в старосты. Среди выбранных оказались Иосиф Стрельченко, Аким Бальбот, Дмитрий Горбенко, Кирилл Зубченко, Фокий Комаренко, Михаил Свиченко и Наум Власенко... Аким Бальбот был выбран тогда казначеем.⁵ Сам же Е.А. Олейник, по собственным показаниям, «никакой должности тогда на себя не принимал и атаманом меня не выбирали; я согласился вести списки поступавших в число дружинников и читать присягу для лиц непринятых».⁶

Как видно из приведенных документов, даже до непосредственного приезда «комиссаров» дело организации заговора демонстрировало заметную жизнеспособность, ведь под обаяние этой идеи попали отнюдь не самые темные мужики Шабельников: и Л.А. Тененик, и Е.А. Олейник и многие другие были отцами семейств, в зрелом возрасте, имели немалый жизненный опыт и уважение среди односельчан, что в свою очередь являлось лишним подтверждением устойчивости в традиционном мировоззрении крестьян элементов народного монархизма. Объясняя свое вступление в «Тайную дружину», они в качестве решающего аргумента,

¹ ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 117.

² Там же, Л. 573.

³ Там же, Л. 573об.

⁴ Там же, Л. 117.

⁵ Там же, Л. 573об.

⁶ Там же.

прекратившего все их сомнения, приводили довод, что это дело богоугодное, так как на это действие есть соответствующая царская санкция.

Примером традиционалистской монархической ментальности является фрагмент из показаний крестьянина деревни Погорельцы, 45-летнего С.К. Шутенко. Повествуя о впечатлении, произведенном на него чтением Иваном Писковым устава общества, он показал следующее: «Когда он прочел, мы подумали, что от Бога и Царя отказываться нельзя, что бумага прислана от царя, который велит присягать и что должно быть кто-нибудь доложил Государю, как нас выразивших желание получить по душевому наделу обидели, а потому порешили исполнить волю Государя и присягнуть».¹

Причем это своеобразное преодоление «табу» на открытое выступление против властей было связано с очень серьезной ломкой тех же стереотипов восприятия существующей реальности. В этой реальности сакральная фигура царя, казалось бы, не должна была иметь каких-либо ограничений в принятии решений, в том числе и в пользу подавших прошение крестьян. А здесь крестьянам тем же «всесильным царем-батюшкой» предлагалось самим брать в руки решение своей проблемы и причем все делать тайно.

Конечно, на первых порах это порождало сомнения и неверие в предъявляемую «царскую грамоту». Отсюда и голоса сомнения среди крестьян. Так, познакомившись с текстом «устава», крестьянин И. Притула «пришел к тому заключению, что имевшаяся у них царская бумага не действительна, ибо разве Царь не нашел в себе силы и стал бы потаенно действовать».² Подобные же мысли приходили в голову крестьянина И. Онищенко, также высказывавшего мысль, что «если такова действительно воля Государя Императора, то она была бы объявлена через начальство, а не хранилась бы в тайне».³ Похожие подозрения относительно подлинности «царской грамоты» выражал и отставной солдат И. Проценко.⁴

¹ ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 477. Л. 261об.

² Там же, Л. 81об.

³ Там же, Л. 88об.

⁴ Там же, Л. 73об–74.

Действительно, крестьяне-чигиринцы не могли не испытывать серьезных оснований для сомнений в легитимности своих действий. Тем более что специалисты, изучавшие психологию крестьянских движений и связанные с ними проблемы самозванчества в разные исторические эпохи, отмечали, что «исстари культурной нормой массовых выступлений от имени царя была их театрализованная зрелищность, визуально манифестирующая "святую правду" народного протеста. Поэтому, например, вполне вписывались в устоявшийся стандарт откровенные разговоры о существовании "милостивого" царского указа, которые велись чигиринскими крестьянами не только тет-а-тет, но даже во время сельских сходов».¹

В этом отношении как раз показателен сравнительный взгляд на организацию «Тайной дружины» революционеров и простых чигиринских мужиков. Если первые исходили из рациональных категорий революционного прагматизма и выступали за сохранение тайны и конспирацию при отборе кандидатов в «дружину», то крестьяне в силу присущей им коллективистской ментальности, с одной стороны, а с другой, полагавшие, что они выступают за правое дело, которое поддержано самим царем, наоборот действовали открыто, свидетельством чему их массовый сбор на «раскопанной могиле». По этому поводу Я.В. Стефанович не преминул попенять инициаторам этого собрания и в первую очередь Л.А. Тененику: «Л. [Лазарь. – С.Т.] при этом оказался далеко не конспиратором, – вспоминал впоследствии Я.В. Стефанович, – в темную ночь он собрал до 300 человек в степи, в разрытом кургане («Козацька Могила»); при свете фонарей грамотный прочел устав и тут же все 300 или около того приняли присягу. Это обстоятельство не замедлило сделаться известным властям».²

Однако тайна, связанная с «царской грамотой», предписывавшей: «Сии общества должны держать себя в самой строгой тайне от дворянского начальства и попов»,³ предлагала совсем иные сценарные ходы борьбы за свою землю, нежели

¹ Мауль В.Я. Заговор от имени царя (о некоторых чертах психологии Чигиринских крестьян). С. 253.

² «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. С. 155.

³ Документы к Чигиринскому делу // Былое. 1906. № 12. С. 258.

те, которые на архетипическом уровне были укоренены в народном сознании. На такой разрыв с традицией, провоцировавший настоящий культурный шок у простых мужиков, указывают и некоторые факты из обстановки складывающейся на Чигиринщине в начале 1877 г.

Наиболее ярким проявлением подобной дихотомии является случай с пожилым крестьянином А.А. Леухиным. Он также участвовал в сходке на «раскопанной могиле» и последующих, принес присягу, «заявив, что он никогда не был и не будет противником богу и царю, затем положил три земных поклона, поцеловал лежащую на столе деревянную икону и подписал собственноручно предложенный ему список».¹ Но, видимо, психологическая раздвоенность, вытекающая из несовпадения ментальных представлений о царской власти, как высшем проявлении сакральной власти на земле, и эти «тайные крестьянские вечера», якобы санкционированные ею же, ввергли его душу в смятение. В результате он заболел психической болезнью. Такой, что «ночью не может спать, метается в разные стороны, трясется все телом, находит на него какой-то страх, боязнь и тоска, с наступлением же дня все проходит». Желая очистить свою душу, он исповедовался священнику «в прегрешении принадлежности своей к тайной сходке крестьян и выполнении двух присяг целованием икон».²

Не менее сильный страх «напал по этому поводу» и на крестьянина И. Придулу, который также оказался не в состоянии «ни есть, ни пить», а «всеми силами домогаться уничтожения бумаги, на которой был записан».³

Видимо достаточно хорошо знакомые с крестьянской психологией творцы «Чигиринского заговора», особенно Я.В. Стефанович, осознавали это противоречие, заложенное в их псевдомонархической конструкции. Стремясь его преодолеть, или как справедливо указывает историк В.Я. Мауль: «Снять накал ментального антагонизма способны были аргументы, соответствующие традиционной "картине мира" чигиринских мужиков. В эту систему доказательств идеально

¹ Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 232.

² Там же, с. 232–233.

³ ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 477. Л. 81об.

вписывался обряд "святой присяги", как нерушимый ритуал клятвы перед Вседержителем и боевыми товарищами».¹

Сам характер принятия «священной присяги», о котором уже писалось выше, был очень правильно и тонко составлен революционерами с учетом крестьянской психологии. В ней после соответствующего религиозного ритуала, крестьянин приводимый к присяге, после того как за него поручились два знающих его дружинника, читал следующие слова: «Я (ф.и.о.) перед ликом Спасителя, Святым Евангелием, Святым Крестом, клянусь всю мою жизнь пожертвовать святому народному делу Дружины. Клянусь по приказу Государя Александра Николаевича бороться с оружием в руках с помещиками, чиновниками и всякими моих собратьев и моего Государя Александра Николаевича врагами... Клянусь жить со всеми дружинниками в мире и согласии, и, как братьям, помогать им в нуждах. Клянусь сохранять в строгой тайне наше общее дело даже на исповеди и никого из товарищей дружинников не выдавать... Ежели нарушу сию мою клятву, то призываю гнев Господа Бога и всех святых его на меня и на все мое потомство, и да поразят меня всякие беды и несчастья, и да не щадит меня рука брата-дружинника. Аминь».²

Как видно из приведенного текста, в процедуре присяги, помимо всего прочего актуализировался социально важный для крестьян принцип круговой поруки, как один из самых древних культурных архетипов укоренившихся в крестьянском сознании. Конечно, с позиций современного рационализма убежденность в безусловности клятвы может казаться наивной. Однако не будем забывать, что свойственная крестьянам-чигиринцам православная вера имеет ярко выраженные иррациональные основания, она ориентирована не столько на разум, сколько на чувства человека. Потому-то ее адепты, как правило, истово отдавались ей, не подвергая сомнению доктринальные религиозные постулаты. Иначе говоря, традиционная «картина мира» чигиринских крестьян фундировалась христианской

¹ Мауль В.Я. Заговор от имени царя (о некоторых чертах психологии Чигиринских крестьян). С. 254.

² Документы к Чигиринскому делу // Былое. 1906. № 12. С. 261.

ментальностью, тесно связанной с объективным миром через систему мифологизированных мысленных образов. В этой системе мировоззренческих координат, умозрительно соединявших духовное и земное начала, центральное место занимал сакральный образ царя, – в золоченых одеждах, защитника веры и всех своих верноподданных.

На этих-то чувствах простых православных крестьян и играли революционеры, используя как инструмент воздействия «святую присягу». Сами «комиссары», чтобы вписаться в эту традиционную картину крестьянского бытия и продемонстрировать свою легитимность, дарованную им носителем этой высшей власти, также вынуждены были принимать «священную присягу». И, судя по показаниям крестьян, делали они это не один раз. Поэтому практически каждый крестьянин в своих показаниях непременно обращался к этой своеобразной символической идентификации, которая преодолевала комплекс недоверия к «царским комиссарам» и делала их законными представителями царской власти.

Вот, например, как объясняли свое участие в «Тайной дружине» уже арестованные крестьяне в прошении на имя Александра II: «Мы не могли сразу довериться и потому принесли икону спасителя, крест, евангелие, заставили их торжественно присягнуть; после чего не имея более сомнения и будучи глубоко убеждены, что действуем по твоему высочайшему повелению, начали действовать неустанно. Лица, вручившие нам все вышеизложенное, высказали нам только доброту и доверие твое, великий монарх, к нам, народу, что нам было лестно и чем мы несказанно возгордились за такое доверие, почему все единодушно присягнули положить свои головы и последнюю каплю крови за своего государя».¹

Возвращаясь к событиям в Чигиринском уезде, отметим, что психическое расстройство крестьянина А.А. Леухина и открытие им на исповеди в марте 1877 г. некоторых обстоятельств собрания у «раскопанной могилы» привлекли к этим событиям внимание властей. «1 марта был допрошен и сам А. Леухин, показавший, что «Тененика в начале 1877 г. ездил в Киев и привез оттуда с собой Евангелие, крест и подписанную Государем Императором бумагу о том, что крестьяне

¹ Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг. Сб. док-тов. М., 1968. С. 150.

вскоре получат землю по душевому наделу; для получения этого надела необходимо составить приговор от имени 250 человек о согласии их исполнить все то, что изложено в привезенной Тененикою бумаге, на основании которой желающие душевого надела должны прежде всего выполнить присягу в том, что будут хранить дело это в тайне, затем обязываются избрать собственных своих урядников и заготавливать пики и топоры; многие из крестьян с. Шабельников уже вступили в составленное таким путем сообщество и даже избрали себе особых начальников».¹

Не удивительно, что власти после подобных показаний не на шутку всполошились. Как сообщал на верх глава Киевского ГЖУ генерал-майор А.С. Павлов: «Весной 1877 г. стало известно о существовании в некоторых селах Чигиринского уезда какого-то тайного Общества, образованного с целью домогаться передела земли по ревизским душам. По поводу полученных о том сведений произведено было дознание – сперва в Чигиринском уезде местным исправником под наблюдением товарища прокурора Васильева, а потом в Киеве и в Полтавской губернии – тем же Васильевым сообщая с жандармским офицером. Но в начале оно-го никаких фактов в подтверждение существования тайного общества не было обнаружено, хотя по делу допрошено было около 400 человек и произведено 40 обысков».²

Более того, исходя из бытовавших у крестьян представлений о «злокозненных чиновниках и панах», утаивающих истинную цареву «землю и волю», можно предположить, что эти массовые обыски и допросы только укрепляли их в подобном убеждении. Поэтому все предостережения власти от участия крестьян в тайной организации оставались без должной реакции. Наоборот, все действия местных властей и полиции как раз и демонстрировали крестьянам правоту «царских комиссаров» о том, что противники царя не дремлют, а раз так, то им действительно есть чего опасаться. Значит в «Высочайшей Тайной грамоте» и спрятана

¹ ЦДІАК України. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157. Л. 22об.

² Цит. по: Дейч Л.Г. Заговор среди крестьян Чигиринского уезда (Из архива III Отд., 3-й экспедиции, Дело за № 262, часть 2-я, от июля 1877 г. по сентябрь 1878 г.) // Сборник статей и материалов. 1921. Вып. 1. С. 73.

истинная правда, против которой последние и выступают. Например, тот же поп, которому исповедовался А.А. Леухин, пошел на прямой контакт с «неправедными властями», выдал им тайну исповеди, что само по себе уже было неприемлемо для сознания крестьян. Такое поведение служителей церкви лишней раз подтверждало то, что говорилось в «тайной грамоте» о попах, как прислужниках неправедной власти.

Однако ситуация с начавшимися обысками и допросами не могла не взволновать революционеров. Весь тонко продуманный план подъема крестьянского восстания под знаменами подложного царского манифеста был поставлен под угрозу. Необходимо было действовать. Наступало время самим «царским комиссарам» показаться в чигиринских селах, тем более что невыполненное ранее обещание «приехать в назначенный срок произвело на крестьян охлаждающее действие, и дело, после сбора в Казацкой могиле, приостановилось».¹ Для этой цели Я.В. Стефанович отправил двух дружинников, из числа содержащихся в Киеве, одним из которых был К.И. Прудкий.² Они несли послание к Дружине и письмо к Л.А. Тененику о том, чтобы он приготовил безопасное место для сходки и приехал за «комиссаром» в Киев.³

По показаниям Л.А. Тененика явствовало, что он тут же пошел в Киев и после встречи с Д. Найдой, а это было на фоминой неделе (конец апреля. – С.Т.),⁴ уже из Киева «отправился с ним и означенным незнакомцем на вокзал железной дороги, чтобы ехать в д. Россошинцы к Николаю Охрименко... Перед рассветом собрались сюда крестьяне, из которых я помню Ефима Олейника, Акима Бальбота, Дмитрия Горбенко, Тимофея Николенко и Ивана Пискового, которым Найда и его товарищ, которого он называл кажется Семеном, объяснили устав и грамоту. Мы все стали требовать, чтобы Найда и его товарищ, называвшие себя Государевыми Комиссарами, приняли присягу в том, что как грамота, так и устав действи-

¹ «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. С. 156.

² Содержащиеся в Киеве крестьяне после примера Л. Тененика уже не опасались подписывать земельные акты.

³ «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. С. 156.

⁴ Е. Олейник показал более точную дату - «против праздника Георгия (23 апреля) // ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 573об.

тельно даны Государем и они исполнили наше требование и выполнили присягу».¹ Происходило это на праздник Георгия, 23 апреля 1877 г.²

Собственно, эти показания в целом совпадают с показаниями Я.В. Стефановича о том что «к часам 10-11 ночи они сошлись в количестве кажется 15 человек; в клуне при фонаре. Я прочитал им печатную грамоту и развивал мысли составляющее ее содержание... Потом потребовал от них отчетов о ходе дела и узнал от Олейника, Пискового и других следующее: общество состояло из 20 староств (Атаманство), во главе которого в качестве атамана был Олейник».³ Избрание Е.А. Олейника атаманом, судя по его показаниям, произошло именно на этой сходке. Он сам это описывал следующим образом: «Затем Найда и его товарищ, кажется по имени Борис объявили себя Государевыми Комиссарами и предложили присутствующим избрать себе главного начальника, так избрали меня и Найда объявил мне, что я буду атаманом».⁴

Далее комиссары выяснили, что общественная касса пополнялась плохо из-за бедности крестьян, пики были далеко не у всех. Тогда же Е.А. Олейник и И. Писковой вручили «комиссарам» списки дружинников: первый – шабельницких, второй – мордвянских и погорельческих. Впоследствии Я.В. Стефанович отмечал, что «ведению списков крестьяне придавали огромное значение; и хотя эта мера была крайне непрактична в конспиративном отношении, но пришлось мириться с нею: обыкновенно крестьянин, вступая в Дружину, требовал немедленного занесения своего имени в список, после чего чувствовал себя как будто вне опасности от всяких чиновничьих подвохов».⁵

«Комиссары» просили, чтобы крестьянские руководители «не заботились о быстром разрастании общества и прежде чем приводить к присяге, старались выяснить желающему вступить в дружину цель общества и дружеские, братские от-

¹ ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 582–582об.

² Там же. Л. 573об.

³ Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 261.

⁴ ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 574об.

⁵ «Черный передел»: Орган социалистов–федералистов 1880–1881 гг. С. 201.

ношения какие должны существовать между ее членами».¹ Е.А. Олейник так описывал процедуру составления списков: «По мере того, как старосты приводили к присяге членов дружины составлялись мне старостами списки дружинников, которые доставляли ко мне и я их сшивал в особую тетрадку»,² спрятанную «под навесом в сарае».³

Есть весомые основания предполагать, что стремление крестьян обязательно быть занесенными в списки «Тайной дружины» оказывалось проявлением ментального традиционализма, построенного, в том числе, на коллективистском общинном сознании. Доказательством сказанному может служить тот факт, что формирование староств происходило зачастую через первоочередное привлечение к делам «Тайной дружины» своих родственников.

Все эти исконные представления тесно увязывались еще и с «народным монархизмом», ведь списки составлялись для участия в богоугодном деле, осененном золотым сиянием царевой бумаги, при помощи «царских комиссаров». Наличие своего имени в таких списках словно бы давало возможность числящимся в них лицам устанавливать и сохранять некую духовную связь с особой Государя Императора.

Перед своим отъездом Д. Найда, как показал Е.А. Олейник, «дал один устав Лазарю Тененику и другой Ивану Писковому, кроме того, дал казначею Акиму Бальботу 50 рублей ... и приказал Л. Тененику и Кузьме Прудкому и мне явиться в канун мая для свидания с ним в с. Смелу»⁴

В период с марта по май дело организации заговора изрядно продвинулось. По оценкам революционеров, практически вся Шабельницкая волость была в руках Дружины, да и в других дело шло довольно споро. Крестьяне, связанные присягой, объединенные в староства и лично видевшие «царскую бумагу» и «царских комиссаров» успокоились, и в силу крестьянской основательности взялись за дело. Например, чтобы отбить охоту у «актовиков» шпионить Дружина распоряди-

¹ Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 261.

² ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 573об.

³ Там же, Л.574об.

⁴ Там же, Л. 575.

лась устроить ночные варты (дозоры. – С.Т.). В результате часто вспыхивали обоюдные драки, что, в общем, не удивляло местные власти, привыкшие к подобным эксцессам. Дружина имела при волости своих агентов, которые должны были сообщать своим старостам о намерениях волостных властей.¹

По мнению революционеров, дело расширения «тайного общества» имело одну существенную слабость – это участие в дружине только «душевиков». Здесь мнения крестьян-дружинников и их кураторов из революционного лагеря, в облики «царских комиссаров», разнились. Последние предлагали активизировать работу с «актовиками», полагая что «многие из этих отверженных, вынужденные принять акты экзекуцией или поддавшись хитростям чиновников, теперь были недовольны своим невольным примирением с начальством».² Однако старосты и рядовые дружинники относились к «актовикам» очень насторожено, и это опять же вытекало из традиционной ментальности.

Во-первых, «актовики» в глазах «душевиков» представляли настоящими клятвopеступниками, поставившими свои подписи под земельными актами. С точки зрения дружинников, это был не просто неблагоприятный, но и не богоугодный поступок, тем более что масса неграмотных крестьян в качестве подписи ставила крест. Процедура подписания обычно происходила следующим образом: от неграмотных крестьян в случае надобности требовали написать собственной рукой крест, или же употреблялось так называемое отбирание рук – когда какой-нибудь грамотей, подписываясь за неграмотного, брал последнего за руку и потом подписывался.³

Надо иметь в виду, что крест как таковой в символическом коде традиционной культуры имел сакральный характер и соотносился с высшими христианскими ценностями. Подписываясь крестом под земельными документами, крестьяне-«актовики», в восприятии их оппонентов, тем самым шли против божественной воли, сокрытой в истинном царском манифесте.

¹ «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. С. 201.

² Там же.

³ Там же, с. 153.

Во-вторых, играла роль традиционная крестьянская практичность. Чужому человеку в душу не заглянешь, опасались и шпионов со стороны «актовиков». Чтобы убедиться в наличии у крестьян таких подозрений, стоит, например, обратиться к тем свидетельствам Я.В. Стефановича, в которых он описывал свой первый визит в с. Шабельники.¹

В результате всех этих процессов, по своему осмысленных участниками событий, в Чигиринском уезде внутри крестьянского мира произошел решительный раскол в плоскости свой/чужой, когда примирение сторон едва ли мыслилось возможным. Однако, несмотря на названные трудности, Я.В. Стефановичу, в конце концов, удалось сломить упорное сопротивление дружинников-«душеви́ков». В качестве аргумента был использован тот довод, что «распространение Тайного Общества» в среде актовых могло доставить Дружине сплошное население не только сел, но даже волостей, а, следовательно, – и возможность иметь свое волостное начальство».²

Хотя Старостская Рада приняла эти резоны, однако было оговорено, что за каждого вступающего «актовика» поручителей будет вдвое больше, чем за «душевика». Вполне возможно, что это произошло в м. Смела в начале мая, куда на встречу с Д. Найдой (Стефановичем) ходили Д. Горбенко и К.И. Прудкой. К.И. Прудкой с этого randevу принес письмо Е.А. Олейнику от Д. Найды, по которому Е.А. Олейник «должен был явиться с Прудким 8 июня в Крылов», где он их будет ждать.³

В целом можно считать, что период марта–апреля 1877 г. был переломным для «Тайной дружины». В дальнейшем история «Тайной дружины» в силу ее быстрого увеличения протекала во многом уже независимо от «царских комиссаров». Сам Я.В. Стефанович отмечал, что «мне, с двумя моими товарищами по делу, пришлось играть весьма ничтожную роль во внутреннем устройстве нами же созданной организационной машины».⁴

¹ «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. С. 148.

² Там же, с. 201–202.

³ ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 575.

⁴ «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. С. 206.

Уже в мае месяце по всей чигиринской округе распространился слух, что желающие освободиться от «панско-чиновничьей неволи должны записываться в какое-то общество и что в этом обществе верховодят Шабельничане».¹ В результате на первый план вышла уже местная самоорганизация. Представители Адамовской волости послали своих депутатов в с. Шабельники, им объяснили ситуацию, снабдили уставом и отправили обратно, в результате, всего за две недели в Адамовской волости членами «тайной дружины» стало 250 человек.²

Таким образом, если первоначально вся инициатива исходила из Шабельницкой волости, то к концу весны – началу лета 1877 г. начали быстро оформляться новые центры, в частности Адамовская волость. В ситуации расширения ареала действий «Тайной дружины» решено было устроить новую встречу выборных старост с «царскими комиссарами» в местечке Крылово в первой половине июня. Туда отправились три представителя от Адамовской волости, однако с ними поехали старосты из с. Мордвы и д. Погорельцы: И. Писковой, С.К. Шутенко и Ф. Чепурный, уже привлёкшие внимание полиции. Исходя из показаний С.К. Шутенко, можно утверждать, что в Крылове состоялась их встреча с Е.А. Олейником, а также «тем же названным мной Кузьмою (Прудким. – С.Т.) и двумя адамовскими крестьянами». Встреча произошла около церкви «из которой вскоре вышел тот который давал уставы у Охрименко (Я.В. Стефанович. – С.Т.) и другой молодой, приметы которого я не заметил».³ Судя по показаниям Е.А. Олейника, утверждавшего, что с Д. Найдой был «еще неизвестный мне человек, которого впоследствии Найда называл бароном и своим писарем», с ним был И.В. Бохановский.

На этой же встрече, но происходящей без адамовских крестьян, Д. Найда сделал Е.А. Олейнику выговор за неявку в мае в м. Смелу и заявил, что отстраня-

¹ «Чёрный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. С. 203.

² Там же.

³ ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 477. Л. 263.

ет его от должности атамана и вместо него назначает К.И. Прудкого,¹ которому он тогда и передал «устав, Евангелие и послание к Адамовской дружине и кроме того 144 рубля серебром, для передачи казначею. Деньги эти равно как и деньги передаваемые Найдюю прежде казначею назначались для вспомоществования семействам бедных дружинников».² Следующая встреча «комиссаров» для К.И. Прудкого и Е.А. Олейника была назначена на 20 июня в Киеве.

Что же касается встречи между представителями Адамовской волости и «царскими комиссарами», то она не состоялась. 6 июня 1877 г. в г. Новогеоргиевске, прилегавшем к м. Крылово были задержаны С.К. Шутенко, И. Писковой вместе с крестьянами с. Адамовки Карпом и Иваном Приходько.³

При обыске у К. Приходько найдены были списки «имен и прозваний присяжных и их поручителей» по с. Адамовки Адамовской волости и д. Кожарке и с. Рацево Рацевской волости, у И. Пискового – списки с. Мордве, д. Погорельцам Шабельницкой волости и д. Рассошницы Адамовской волости, а также списки «дружинников, которые могут обращаться с оружием», «опись изменщиков враждебных, доказателям и гонителям», «список дружинников, нуждающихся в продовольствии», «список дружинников, скрывающихся от гонителей», «список дружинников, арестованных в прошлом мае месяце», и «объяснение дружинника с. Подорожного Евстафия Лукьянова Гаркушенка».⁴

Из полученных данных стало ясно, что в списках по с. Адамовка записано 8 староств по 25 человек, по 2 поручителя на каждого, по д. Кожарке внесено 1 староство в 25 человек, по с. Рацево одно полное староство в 25 человек, другой список в 9 человек. Списки, отобранные у И. Пискового, содержали 3 староства по 25 человек. Таким образом, «всех присяжных дружинников по спискам арестован-

¹ Здесь свидетельства расходятся: Я. Стефанович утверждал, что только 15 августа 1877 г. объявил Е. Олейнику, что он не атаман // См.: «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. / Памятники агитационной литературы. С. 209.

² ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 575об.

³ ЦДІАК України. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157. Л. 22об.

⁴ Там же, Л. 23.

ных у Карпа Приходько 259 человек, а по спискам Ивана Пискового – 111 человек».¹

Для характеристики умонастроений крестьян очень интересна изъятая у них властями «Опись изменщикам, враждебникам, доносителям и гонителям», которая была составлена с объяснением «имен и званий» последних и с «пояснением причины» их включения в список. В ней, например, указывались следующие лица: изменщик Автоном Омельченко и его поручители Феодосий Чепурный и Степан Панченко, который «доказал в Шабельницком правлении волостному сборщику Михаилу Кулиничу, который доказал Старшине и Писарю, от которых происходит гонение», затем – Старшина Никита Руденко, писарь Мина Заболотный, священник с. Мордвы Евстегней Тригубов, Пристав 1-го стана Чигиринского уезда Иов Узловатый и др. Против каждого из них в графе «пояснение причины» изложено «падающее против него обвинение». Так, говорится, что «становой Пристав производит днем и ночью обыски перепугал детей и жен, терзая их до такой степени, что «повыкручивал руки, что Ефросинья Омельченкова доносит немедленно Священнику, Старшине и Писарю, как скоро мы себе найдем предохранилице» и пр.²

«Опись» в купе со списками дружинников неоспоримо свидетельствуют, что на тот период самоорганизация крестьян достигла весьма серьезного уровня. Более того, через подобные именные документы во многом осуществлялась самоидентификация крестьян конкретных селений в плоскости уже упоминавшейся культурной стратификации «своих» и «чужих» – если «свои» стоят на стороне социальной правды, то «чужие» – это те, кто препятствует ее торжеству на земле.

Таким образом, материалы жандармского дознания являются подтверждением того, что к началу июня 1877 г. у властей под носом было практически полностью сформировано тайное крестьянское общество. Однако цель, которую власти смогли обозначить, исходя из полученных показаний, расходилась на деле с планами наиболее осведомленных крестьян, и уж тем более – вдохновителей дви-

¹ ЦДІАК України. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157. Л. 23.

² Там же.

жения из числа революционеров, примеривших на себя личину «царских комиссаров». В результате допросов задержанных выяснилось, что «в волостях Шабельницкой, Адамовской и Рацевской образовалось тайное сообщество, что сообщество это делится на староства или дружины по 25 человек... что в каждом старостве избирается старший для надзора за остальными и что цель сообщества подача прошения Губернатору или Генерал-губернатору о переделе земли на души».¹

В сложившейся ситуации власти резко интенсифицировали поиск активных участников и организаторов «Тайной дружины», еще больше убеждаясь, что в Чигиринском уезде ведется какая-то антиправительственная агитация. Дело дошло до губернатора, и в Чигирин примчалась специальная комиссия во главе с генерал-майором А.С. Павловым.² Две недели в различных селах велись сплошные розыскные мероприятия, активную роль в них играли уездный исправник Панкевич, а дознание велось под наблюдением товарища Киевского губернского прокурора Васильева.

Как гласят документы дознания, обыски, «произведенные в 36 домах у старост с. Адамовка и у других заподозренных в деятельном участии в составлении тайного сообщества лиц, ничего не обнаружили».³

В результате, составленными 12 и 17 июня 1877 г. постановлениями было «определено всех означенных в отобранных у Пискового и Приходьки списках дружинников, затем Пискового, Приходьков, Шутенко, Пивненко, Тимошенка и Гумнаренко а также крестьян с с. Шабельников, Лазаря Тененику, Ерофея Прудкого, Прокофия Пшиченко и Мефодия Бальбота, высланных весной 1877 г. при возникновении слухов о принятии ими деятельного участия в организации тайного сообщества по распоряжению начальника губернии в Радомысльский уезд, привлечь к дознанию в качестве обвиняемых в преступлении предусмотренном 318 ст. Улож. о Наказ.»⁴

¹ ЦДІАК України. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157. Л. 23об.

² «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. С. 205.

³ ЦДІАК України. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157. Л. 23об.

⁴ Там же.

Надо сказать, что на первых порах допрошенные виновными себя не признали и показали, что «об организации какого-либо сообщества в среде крестьян, точно также, как и о желании крестьян подать прошение Губернатору они ничего не знают и слышат обо всем в первый раз... Крестьяне внесенные в списки дружинников и также спрошенные (до 1 сентября) в числе 281 человека точно также вполне отрицали свою виновность и утверждали, что по данному делу им решительно ничего не известно».¹ В результате раздосадованные власти просто выслали Л.А. Тененика в г. Ковно.²

Первоначальную стойкость и твердость крестьян перед лицом жандармов можно считать крайне показательным моментом в социокультурном отношении. Представляется, что столь принципиальное отрицание крестьянами своей вины во многом было отражением их, выдержанных в традиционном духе, прочных убеждений, что они стали жертвами извечной священной борьбы добра и зла. Иначе говоря, мыслилось, что они оказались в руках той самой несправедливой силы, что противостоит сакральной воле царя и представляет приземленные корыстные интересы государевых изменников – панов и чиновников. Ведь именно против этих высокопоставленных злодеев призывал крестьян выступить государь император в своей «Высочайшей грамоте». В такой шкале психологических мотиваций получалось, что крестьяне безвинно страдали за справедливое богоугодное дело, скрепленное обрядом святой присяги и клятвой данной перед крестом и евангелием. Можно солидаризоваться с мнением В.Я. Мауля, отмечавшего, что «в массе своей они искренне поверили вестникам царской воли, потому что хотели верить, и более верных доказательств, нежели клятва, для них не существовало».³

Характерна в этом отношении отсылка дознавателей к 1 сентября, когда в поведении крестьян на допросах произошел коренной перелом в сторону признания своей вины. Именно в конце августа – начале сентября были арестованы самозванные «царские комиссары», и ужасная правда о мистификации обрушилась

¹ ЦДІАК України. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157. Л. 23об.

² «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. С. 204.

³ Мауль В.Я. Заговор от имени царя (о некоторых чертах психологии Чигиринских крестьян). С. 252.

на арестованных крестьян-дружинников, существенно переменив их отношение к происходившим событиям и своей роли в них.

Удаленность от мест реальной дислокации крестьян-дружинников все отчетливее сказывалась на внешнем руководстве дружиной со стороны «трио революционеров». Элементы брожения и попытки использовать и без того скудно выделяемые «царскими комиссарами» средства, не по назначению, а для своих нужд, как это делал атаман Е.А. Олейник,¹ обостряла отношения между рядовыми дружинниками и верхушкой. Видимо, это было одной из основных причин снятия его с должности атамана. В свою очередь, это породило его обиду на Д. Найдю, и, как следует из показаний Е.А. Олейника, он во время нахождения в Киеве в районе 20 июня заподозрил, что их обманывают и предложил К.И. Прудкому связать Д. Найдю и его товарища по имени Демьян и передать в полицию, но «Кузьма Прудкой возразил мне и сказал, что за подобный поступок я подлежу по уставу смертной казни и я оставил это свое намерение».²

Тогда же в Киеве Е.А. Олейник и К.И. Прудкой получили от Д. Найды (Стефановича) подложные паспорта, 156 рублей денег и письмо под «заглавием к моей дружине».³ Главное указание, поступившее на места от «царских комиссаров», было набирать побольше дружинников.

Система руководства через нечастые визиты «комиссаров» в села Чигиринского уезда, или вызов наиболее приближенных к комиссарам крестьян в Киев и передачу через них письменных обращений к дружине, конечно, была не слишком эффективной. Заменить же ее на что-то иное не получалось. Нельзя не согласиться с мнением Я.В. Стефановича, отмечавшего, что «надо было жить среди самих крестьян, – вникать во все детали мужицкого житья, чтобы понять истинную причину возникновения той или другой потребности Общества и направлять ход его согласно революционной цели».⁴ Сами революционеры хорошо понимали несовершенство сложившейся системы руководства «Тайной дружиной». В их пла-

¹ «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. С. 208.

² ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 576об.

³ Там же, Л. 577.

⁴ «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. С. 206.

ны для лучшей координации действий входило поселение в местах, где существовала Дружина нескольких интеллигентных революционеров, в качестве простых дружинников, но эти планы реализовать не удалось.¹

Поэтому общение через послания оставалось наиболее действенным для руководства дружинниками. И действительно некоторые из посланий «царских комиссаров» к дружинникам возымели свое действие. Так, например, это казалось оптимизации траты Радой денег и коллективного контроля за расходами, удалось предотвратить скоропалительную и неподготовленную попытку Адамовской дружины идти в г. Чигирин и выручить из тюрьмы своих товарищей, арестованных в Крылове,² касалось это и борьбы с пьянством.

В частности, в дополнение к Уставу пришлось ввести обязательное ограничение на употребление водки, но, как отмечал Я.В. Стефанович, «толку от этого было не много. Вновь вступающие члены, после присяги, считали своим долгом завершить дело выпивкой; а старосты, на которых лежала обязанность, по решению Рады, искоренять этот обычай, не всегда в себе находили достаточно твердости, чтобы не впасть в соблазн».³

После начала серьезного расследования в июне–июле, усилиями «комиссаров» при поддержке Рады стали серьезно помышлять об уничтожении шинков, но это мероприятие не удалось реализовать из-за начавшихся арестов.⁴

И, как оказалось, именно пьянство роковым образом отразилось на судьбе заговора и привело к крушению всех планов. События стали стремительно раскручиваться в середине августа, когда уже казалось, что июльская гроза допросов и арестов миновала. Д. Найда (Стефанович) назначил Е.А. Олейнику очередную встречу в Киеве 15 августа. Его вызвался сопровождать представитель Адамовской дружины А.В. Приходько.

Причем, по показаниям Е.А. Олейника и А.В. Приходько, в Киев они прибыли заранее, а 15 числа отправились на пароходную пристань. О подробностях

¹ «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. С. 206.

² Там же, с. 209.

³ Там же, с. 208.

⁴ Там же.

переговоров сохранились свидетельства А.В. Приходько: «Олейник встретил неизвестных мне дотоле двух молодых людей, которых Олейник называл комиссарами. Эти комиссары, из них один был «чернявый» (Я.В. Стефанович. – С.Т.), а другой «рыжий» (Л.Г. Дейч. – С.Т.), повели нас к себе на Жилянскую улицу... здесь «Чернявый», объясняя мне смысл и назначение дружины... говорил и убеждал нас как можно больше набирать людей в дружину и заготавливать пики, говоря, что вскоре после праздника Покрова должно начаться восстание. При этом «Чернявый» стал упрекать Олейника, что не были тогда готовы пики, на что Олейник оправдывая себя, возражал, что пик некому будто-бы заказать...на следующий день «Чернявый» передал мне два устава... с двумя листками присяги, письмо к Адамовской дружине и 1 рубль. серебром, приказав мне явиться к нему перед Покровом за два дня на пристань "Белую голову"». ¹ Примерно это же показывал и Е.А. Олейник, только уточнивший, что «здесь в первые я услышал от Найды, чтобы к 1 Октября были заготовлены пики». Разнится и указание пристани – Е.А. Олейник показал, что «Найда приказал нам явиться за день до Праздника Покрова на пристань "Дубок" Полтавской губернии». ² Про пристань у урочища «Дубок» пишет и Я.В. Стефанович. ³

Кроме того, на этой же встрече А.В. Приходько довел до Д. Найды (Стефановича) информацию, что «Адамовчане и Мордвяне объявили себя особыми атаманствами, хотя каждое из этих сел и не заключало в себе 500 человек (в 1-м было до 50, во 2-м до 150). Но они порешили управляться помимо Шабельницкого атамана... Была у них еще и другая просьба. В сентябре предстоял выбор нового волостного старшины. Дружина прочила на это место своего человека. Желая иметь все волостное начальство из "своих", адамовчане просили меня доставить им человека в писаря, так как у них не было подходящего на такой пост. Это случай был, как нельзя кстати, чтобы поместить там интеллигентного человека». ⁴

¹ ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 584об–585.

² Там же, Л. 578.

³ «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. С. 211.

⁴ Там же. С. 210.

Дальнейшие события опрокинули все планы революционеров об осеннем выступлении дружинников. Преамбула провала была следующей, по крайней мере, так ее излагал Я.В. Стефанович По дороге в Адамовку, расставшись с Е.А. Олейником, А.В. Приходько завернул в корчму, где и застал Захара Конограя. Естественно они выпили и разговорились. З. Конограй поднес А.В. Приходько еще горилки, и язык у того развязался, и тот все рассказал о «Тайной дружине». Далее, по словам Я.В. Стефановича, целью З. Конограя, который не являлся членом «Дружины», стало получение за вознаграждение от исправника текста самого «Устава». На другой день Конограй у Приходько: присяга дана, и Устав в его руках, и Конограй ставит Приходько перед фактом: «як знаешь, бумага не важна, донесу и без тебя». Приходько попался в засаду...и они отправились вместе к исправнику».¹ Текст повествования Я.В. Стефановича несколько беллетризирован и расходится с материалами дознания, из которых, например, следует, что к З. Конограю еще на страстной неделе 1877 г. пришли Л.А. Тененик и Е.А. Олейник и предложили принять присягу, что тот и сделал, и будучи убежденным в правоте дела, он сам принял в сообщество еще 7 человек. Копию же он списал с устава, который ему дал Е.А. Олейник.²

Думается, что истиной является то, что в состоянии опьянения А.В. Приходько проболтался З. Конограю о последней беседе с «комиссарами». В свою очередь, эта информация, в купе с продолжающимися обысками и допросами (например, 17 августа был арестован Ерофей Прудкой), весьма явственно продемонстрировала ушлому и предприимчивому отставному солдату З. Конограю (в своем селе Рацево он торговал лесом. – С.Т.) всю бесперспективность начинания, и он решил использовать ситуацию себе во благо, да еще и возможно заработать на этом. Отсюда и подобное поведение.

Итогом же стало то, что 21 августа З. Конограй явился к Чигиринскому уездному исправнику с полным раскаянием и представил списанную им копию «Устава» с приложением «Обряда святой присяги». Он дал самые подробные по-

¹ «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. С. 211–212.

² ЦДІАК України. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157. Л. 24–24об.

казания, указав имена всех коноводов движения, в том числе, Л.А. Тененика, Е.А. Олейника, К.И. Прудкого, рассказал о приезде двух «комиссаров» 12 апреля в дом Н. Охрименко и пр.¹

Вслед за З. Конограем «явились с повинной крестьяне с. Адамовки Василий Россовский (он же Кононенко), Андрей Приходько, принесшие с собою по одному печатному экземпляру устава "Тайная Дружина" с Высочайшею тайною грамотой, при чем Андрей Приходько предъявил также письмо, писанное в Киеве одним из комиссаров на имя Адамовской дружины».²

В ночь на 29 августа А. Приходько и И. Проценко с полицейскими чинами и десятскими были отправлены в с. Шабельники для задержания скрывающегося Е.А. Олейника. События разворачивались следующим образом: «Когда Приходько и Проценко сами пришли в дом Олейника, то жена последнего тотчас же отправилась к родственнику и соседу их Якову Романенко, после чего вскоре Олейник в сопровождении Романенко вошел в свой дом и тогда полицейские, окружив усадьбу, арестовали Ефима Олейника и Якова Романенко и для отклонения подозрения захватили с собою арестованными Приходько и Проценко. При аресте Олейник, успокаивая кричавшую жену, сказав ей: "не беспокойся, такая участь наша!"»³

Будучи опрошен 29 августа, Е.А. Олейник ни в чем не признавался, но в дальнейшем, в том числе и под впечатлением информации о том в какой мистификации революционеры его использовали, дал подробные показания.

Фактически это был полнейший провал, тем более что А.В. Приходько⁴ и Е.А. Олейник знали о квартире на Жилианской улице в Киеве. В этой квартире, находящейся на окраине города, где столь неосмотрительно устроил последнюю встречу с крестьянами-чигиринцами Я.В. Стефанович, проживали С.Ф. Чубаров и

¹ ЦДІАК України. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157. Л. 24.

² Там же, Л. 24об.

³ Там же, Л. 27.

⁴ Именно А.В. Приходько выдал квартиру на Жилианской улице // См.: Дейч Л.Г. Заговор среди крестьян Чигиринского уезда. С. 78.

В.К. Дебогорий-Мокриевич.¹ Дальнейшие события не заставили себя ждать. Летом 1877 г. В.К. Дебогорий-Мокриевич отлучился в Одессу, С.Ф. Чубарова также не было в Киеве, но на квартире оставался совершенно непричастный к Чигиринским событиям старый их приятель, студент Киевского университета В.Е. Малавский. Поскольку арестованные крестьяне указали на эту квартиру, жандармы незамедлительно явились туда с обыском и арестовали ничего не подозревавшего В.Е. Малавского. Кроме того, в квартире была оставлена засада и «спустя два дня поймали Бохановского, заходившего туда».²

Произошло это событие 31 августа 1877 г., причем, судя по протоколу допроса, И.В. Бохановский пытался бежать, но неудачно.³ Более того, несмотря на приличный революционный стаж, И.В. Бохановский пошел на серьезный риск и просчитался. Находясь сразу после ареста в арестантской Старо-Киевской части, он попытался передать на волю записку и, судя по всему, ключ от квартиры на Ивановской улице – все это сразу же оказалось в руках полиции. В протоколе допроса И.В. Бохановского отображены следующие подробности: «Предъявленные мне записки (предъявлены записки, отобранные в камере Старо-Киевской части у Фингарина 1 сентября и приобщенные к делу) писал я сам и передал их утром подошедшему к дверям моей камеры допрошенному передо мной человеку (Фингарину), вследствие поданной им мне к тому мысли... Кому я писал эти записки я объяснять не желаю».⁴

Однако перехваченная записка дала возможность полиции выйти на след Д. Лашкевича (Я.В. Стефановича) и Л.Г. Дейча, скрывавшегося под именем и фамилией Евгений Санин.⁵ Все это произошло в местечке Талалаевка, Полтавской губернии, в доме у Н.А. Полетики, куда Я.В. Стефанович с Л.Г. Дейчем прибыли 28 августа. Там же был задержан и младший брат Я.В. Стефановича Олимп, при-

¹ Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. С. 350.

² Там же, с. 351.

³ ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 473. Л. 50.

⁴ ГА РФ. Ф.112. Оп. 1. Д. 476. Л. 50об.

⁵ Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). С. 247.

бывший туда 3 сентября прямо в день ареста.¹ Найденный же у И.В. Бохановского ключ дал возможность к раскрытию 14 сентября квартиры на Ивановской улице, где были обнаружены следы типографии.²

Так фактически завершилась грандиозная мистификация задуманная революционерами поднять крестьян на восстание за «землю и волю» с использованием подложного царского манифеста. Очень образно охарактеризовал идею Я.В. Стефановича, хорошо знавший его С.М. Степняк-Кравчинский: «Он задумал план, поразительный по соединению смелости с бесстыдством, грандиозности и практичности – с полной беспринципностью... Это была старая "самозванщина" облеченная в новую канцелярскую форму. Такой бессовестной мистификации и вместе с тем такого могущественного орудия для того, чтобы волновать умы русской крестьянской массы, не придумала ни одна забубенная воровская головушка из разинской или пугачевской ватаги».³

Можно себе представить каким шоком это было для самих крестьян, обманутых в своих надеждах. Всего по делу проходило 829 крестьян, из них 57 были привлечены к следствию в качестве обвиняемых. Отмечали это и бесстрастные следователи, указывавшие: «Большинство крестьян, участвовавших в составлении тайного общества, удостоверившись в том, что они были жертвою бессовестной эксплуатации со стороны пропагандистов представили самые точные, полные и чистосердечные объяснения о том, что им известно о действиях избранных ими старост и членов тайной дружины и тех темных личностей, которые под именем комиссаров Государя Императора, были главными виновниками постигшей их участи».⁴

Отталкиваясь от протоколов допросов крестьян, исполняющий должность Киевского губернского прокурора Васильев резюмировал, что «из дела ясно видно, что громадное большинство крестьян, вошедших в состав преступного сооб-

¹ ГА РФ. Ф.112. Оп. 1. Д. 473. Л. 117.

² Там же, Л. 156.

³ Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. Подпольная Россия / Собр. соч.: в 2 т. Т.1. М., 1987. С. 366.

⁴ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспедиция. 1877. Д. 262. Ч. 2. Л. 5об–6.

щества, не только не имели представления о его преступности, но вполне были уверены, что Стефанович, Дейч и Бохановский действительно посланы к ним от Самого Государя Императора и были убеждены, что входя в состав "Тайной дружины" они исполняют тем Высочайшую Волю».¹

Это мнение вполне разделяет и ряд современных историков, в частности, В.Я. Мауль. В своих работах он прямо указывает на следующее обстоятельство: «Будучи убежденными православными монархистами, простые сельские жители юго-западной окраины страны не могли допустить и мысли, что лица, выдававшие себя за представителей венценосной особы, принимая присягу, вовсе не заботились о спасении своих "нетленных" душ, а потому были способны к ложной идентификации в угоду сиюминутным политическим соображениям».² Собственно говоря, с этими рассуждениями ученого нельзя не согласиться.

По мнению того же исследователя, «несмотря на все усилия Стефановича с товарищами, в их словах все равно ощущалась какая-то неестественная фальшь, и это бессознательно тревожило крестьянские души».³ Эту тревогу и подозрительность крестьян по отношению к «царским комиссарам» В.Я. Мауль связывает в первую очередь с тем, что большое значение в традиционной картине мира крестьян придавалось телесному коду, а поэтому первым и серьезным аргументом в пользу самозванцев могла стать их импозантная внешность и роскошные одежды, отвечавшие заявленному высокому статусу. В реальной же действительности выглядели незнакомые господа куда менее презентабельно.⁴ Выбранной им роли не соответствовал не только облик, но и слишком простые имена. Далее, развивая свою мысль, он отмечает, что «изобилие примеров служит наглядной иллюстрацией непоправимых ошибок Стефановича с товарищами, видимо не знавших о подобных "мелочах", или полагавших, что они не имеют принципиального значе-

¹ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспедиция. 1877. Д. 262. Ч. 2. Л. 7об.

² Мауль В.Я. Заговор от имени царя (о некоторых чертах психологии Чигиринских крестьян). С. 254.

³ Там же.

⁴ Там же.

ния для "наивных" в своей простоте крестьян, и потому не принявших их в расчет при подготовке чигиринской авантюры».¹

В целом с таким посылом можно было бы и согласиться, тем более что в революционной практике раннего народничества именно так и поступил предтеча Я.В. Стефановича П.В. Григорьев, как мы помним, использовавший в качестве наживки, благообразную и одетую в дорогую шубу фигуру якобы «Константина», в роли которого выступал Г.И. Успенский. Однако, думается, в данном случае «претензии» В.Я. Мауля к Я.В. Стефановичу несколько чрезмерны. Не будем забывать, что когда Я.В. Стефанович искал первых контактов с крестьянами-чигиринцами, он выступал перед ними в обличье простого крестьянина Д. Найды идущего в столицу искать правды. Это уже оттуда он вернулся якобы с царской грамотой и в роли «царского комиссара», поэтому легенду ему менять было уже поздно.

Поэтому он играл свою роль именно в таком виде и с таким именем. Другое дело, что если бы революционеры-мистификаторы лучше были бы осведомлены и подготовлены к исполнению своих ролей они вполне могли бы включить в свою «игру» новую фигуру, которой бы и было предписано сыграть роль «царского посланника», а они оставались как бы при нем. Да и сама жизнь, связанная с чигиринскими событиями, давала им такой пример. Так в ходе крестьянских волнений еще 1875 г. некие глашатаи «важного дела» Николай Голиков и Григорий Артеменко, наведавшись в местный женский монастырь, эпатировали настоятельницу сообщением, что к ней «едет обер-прокурор святейшего Синода, граф Толстой, который и просит игуменью дать ему квартиру».²

Собственно говоря, революционеров-организаторов «Чигиринского заговора» постигла участь, характерная для абсолютного большинства подобных начинаний, а именно разоблачение, отказ от поддержки, полное раскаяние и проклятия в их адрес со стороны большинства арестованных крестьян. Совершенно иначе на

¹ Мауль В.Я. Заговор от имени царя (о некоторых чертах психологии Чигиринских крестьян). С. 253.

² Чигиринское дело (По официальным источникам) // Киевлянин. 1877. № 97.

это дело смотрели в народническом лагере, в котором революционеры-чигиринцы особенно после их легендарного побега из Киевского тюремного замка воспринимались полными героями, а их пример революционной мистификации, невзирая на отдельные голоса протеста, как в целом заслуживающий одобрения и внимания.

§ 2.3. «Чигиринский заговор» в оценках революционеров-народников

События, связанные с организацией «Чигиринского заговора», вызвали серьезное обсуждение в революционном лагере. Вполне можно согласиться с мнением исследователя Ю.А. Пелевина, отмечавшего, что «в исторической перспективе "Чигиринский заговор" явственно сказался на народническом движении 1870-х гг.».¹

Действительно спорить было о чем, ведь это было по сути единственное более или менее реальное предприятие в народе, охватившее около 1150 человек² и сулившее революционерам хоть какие-то перспективы при его реализации. Отсюда и повышенное внимание как к самому «Чигиринскому заговору», так и естественно к его непосредственным устроителям, которые к тому времени находились под арестом в Киеве. Особый интерес привлекала фигура идейного вдохновителя всего мероприятия Я.В. Стефановича.

Сама по себе идея использования так называемого «авторитарного метода» для подъема крестьян на прямое выступление против власти, примером которого стал «Чигиринский заговор», разделила народнический лагерь на две части, причем серьезные дискуссии по этому вопросу велись и в недрах самой авторитетной тогда революционной организации – «Земли и воли». И, следует признать, что адептов у Я.В. Стефановича и К в кругах землепользователей было немало. «В описыва-

¹ Пелевин Ю.А. «Южные бунтари» и «Чигиринский заговор» // Российская история. 2014. № 1. С. 145.

² Дейч Л.Г. Заговор среди крестьян Чигиринского уезда. С. 77.

емое время Стефанович был в апогее своей славы», – писал впоследствии С.М. Степняк-Кравчинский.¹

Революционная печать также откликнулась на чигиринские события. В газете «Начало» за № 1, вышедшей весной 1878 г., появилась статья под названием «Первое "Чигиринское дело"», автором заметки был Н.К. Бух. В статье, хотя и не совсем точно, были воспроизведены эпизоды из событий 1875 г., преимущественно связанные с деятельностью крестьянского вожака Ф.Д. Прядко.² К теме крестьянских волнений в Киевской губернии в начале 1870-х гг. революционная пресса обращалась и ранее, но появление подобной статьи в 1878 г. лишний раз подтверждало серьезный интерес народнического лагеря к самой практике «Чигиринского заговора».

Непосредственный свидетель тех событий О.В. Аптекман вспоминал: «Землеволец "Чигиринское дело" совершенно ослепило. Не говоря уже о нашем неисправимом романтике В.А. Осинском, но даже более спокойные из землевольтцев, как, например, Адриан Михайлов, увлеклись этим делом, можно сказать до самозабвения».³ Об этом же свидетельствовал и Г.В. Плеханов, отмечавший, что «лично я никогда не допускал, что революционер может действовать от имени царя. Но справедливость заставляет меня сказать здесь, что в "бунтарском" обществе "Земля и воля", к которому я принадлежал в эпоху чигиринской попытки Стефановича и Дейча, мое отрицательное отношение к приему, ими употребленному, разделялось далеко не всеми. Я думаю даже, что значительное большинство землевольтцев относилось к нему вполне одобрительно».⁴

Что касается действий В.А. Осинского, то отметим, что в своих откровенных показаниях предатель Ф.Е. Курицын, хорошо осведомленный о делах на юге России, отмечал, что «когда арестовали Дейча и Стефановича и когда пошла мол-

¹ Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. Подпольная Россия. С. 366.

² См. подр.: Терехова С.А. К вопросу об истоках «Чигиринского заговора»: крестьянское движение в Чигиринском уезде Киевской губернии в начале 70-х гг. XIX в. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (25). С. 94–99.

³ Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. С. 281.

⁴ Плеханов Г.В. Предисловие к русскому изданию А. Туна «История революционного движения в России» // Плеханов Г.В. Собр. соч. Т. XXIV. М.-Л., 1927. С. 123–124.

ва о чигиринском деле, то Валериан (Осинский. – С.Т.) поехал из Петербурга в Киев с целью узнать, в чем заключается чигиринское дело. В Киеве он никого в то время не застал... тогда он направился из Киева в Одессу, где познакомился с неким Михайлой (М.Ф. Фроленко. – С.Т.) близким к чигиринскому делу. Михайло так на него повлиял, что он сделался бунтовщиком и здесь же условился освободить из тюрьмы Стефановича, с каковою целью и поехал обратно в Петербург за деньгами».¹

Тогда же в столице Империи в кругах землевольцев велись дебаты о наиболее целесообразной для того момента тактике. Весной 1878 г. после прибытия с юга В.А. Осинского, а потом и Г.В. Плеханова при обсуждении программных вопросов споры в отношении чигиринского опыта звучали особенно остро. Сам Г.В. Плеханов указывал, что «при обсуждении вопроса о наиболее целесообразной для нас тактике, подавляющее большинство не только относилось с полным сочувствием к приему, употребленному в Чигиринском деле, но и настаивало на том, что землевольцы должны применять этот прием агитации на Волге».²

Наиболее горячим сторонником «такой народно-революционной организации, которую создал Я.В. Стефанович со своими товарищами в Чигиринском уезде» выступал В.А. Осинский,³ имевший как член Центрального кружка «Земли и воли» немалое влияние в организации.

В этом вопросе сошлись как бы два подхода, связанные с разным видением дальнейших путей развития «Земли и воли». С одной стороны – это сторонники активных действий, направленных, в том числе, на прямую дезорганизацию правительства. Они цеплялись за любую, даже весьма безнравственную с точки зрения тогдашней революционной этики, возможность для реального оживления движения. С другой стороны выступали тогда «правоверные» народники, считавшие любое отступление от выработанной в окончательном виде в январе 1877 г.

¹ Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 2. С. 111.

² Плеханов Г.В. Г-жа Брешковская и Чигиринское дело // Плеханов Г.В. Собр. соч. Т. XII. М.-Л., 1923. С. 352.

³ Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. С. 294.

землеволецкой программы,¹ исходившей из принципов аполитизма и убежденности в одновременности социальной и политической революции, невозможным.

От лица наиболее убежденных народников-ортодоксов, не приемлющих «авторитарного принципа» и монархических мистификаций, использованных Я.В. Стефановичем в Чигиринском деле, и не разделявших устремлений некоторых землеольцев к прямой борьбе с правительством, активно выступали Г.В. Плеханов и О.В. Аптекман. И, в конце концов, им удалось склонить колеблющихся на свою сторону в результате «после оживленного обмена мыслей это предложение Валериана (Осинского. – С.Т.) было окончательно отвергнуто».²

На такой расклад сил во многом повлияло все же неприятие идеи той самой революционной мистификации, использованной Я.В. Стефановичем в отношении крестьян-чигиринцев. У большинства народников еще были свежи в памяти обстоятельства нечаевского дела, также замешанного на подлоге и обмане, и своеобразная «идейная нечаевщина» в отношении столь почитаемого ими народа претила революционерам 1870-х гг. выросшим на отрицании принципа «цель оправдывает средства». Хотя следует признать, что сами обстоятельства, в частности нараставший шквал правительственных репрессий, резко затруднявших ведение пропаганды среди народа, подталкивали революционеров к использованию более решительных и естественно менее конвенционных способов борьбы за достижение своего идеала. Вот это-то и влияло на разность подходов в оценке «Чигиринского заговора».

Точку зрения представителей раннего романтического народничества высказывала, например, Е.К. Брешко-Брешковская, отмечавшая, что «для всех нас, современников Чигиринского дела, оно явилось тяжелой неожиданностью... Большинство сидящих (кроме лиц по нашему процессу ("процесс 193-х". – С.Т.), сидели еще высланные по процессу 50-ти и многие по небольшим отдельным процессам) резко высказались против способа действий Стефановича... Знавшие Стефановича защищали его от резких нападков на его личность, кто сильнее, кто

¹ Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 62.

² Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. С. 295.

слабее, но никто из известных деятелей, в том числе и я, не защищали приема, который употребил Стефанович».¹

Впоследствии С.М. Степняк-Кравчинский удачно сформулировал подобное раздвоение. В своей книге «Подпольная Россия», написанной для западной публики, он так оценивал ситуацию в центре организации, связанную с идеей использования чигиринской практики в дальнейшем. Он отмечал: «Принцип стефановичевского плана – обман народа, хотя бы для его же блага, и поддержание гнусной царской легенды, хотя бы и революционными целями, – был безусловно отвергнут партией и не имел ни одного подражателя. Но энергия имеет непреодолимую обаятельность, в особенности для русских, среди которых людей с энергией так мало. Кроме того, план Стефановича имел одно преимущество, не зависевшее от потакания монархическим предрассудкам: это была первая и пока единственная попытка создать народную организацию на почве не общинных теорий, а местных стремлений, какими были в Чигиринском уезде борьба общинников против индивидуалистов-"душевиков". Как бы то ни было, одно время Стефанович был едва ли не самым популярным человеком в партии».²

Собственно говоря, в 1878 г. вокруг оценки «Чигиринского дела» складывалась следующая ситуация. На севере, где сильны были позиции «Земли и воли» и близких к ней революционных групп, тех же остатков «чайковцев», которые смогли выйти на свободу после окончания «процесса 193-х», в оценке чигиринских событий, более превалировало негативное отношение. На юге же ситуация была иной, там проект Я.В. Стефановича вызвал преимущественно одобрение. Надо сказать, что революционеры-южане вообще быстрее адаптировались к менявшимся политическим условиям, и выступали застрельщиками использования наиболее жестких форм борьбы против правительства, начиная от использования практики подложных царских манифестов и заканчивая актами прямого политического террора против представителей власти.

¹ Цит. по: Плеханов Г.В. Г-жа Брешковская и Чигиринское дело. С. 351.

² Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. Подпольная Россия. С. 366.

Так, П.А. Кропоткин отмечал, что «в 70-х годах мнения революционеров насчет подложных царских манифестов, выпущенных в Чигирине, были разделены. Большинство чайковцев было против них; но среди боевых групп, особенно на юге, Дейч и Стефанович имели немало сторонников».¹

Во многом это было связано с тем, что революционеры-южане были менее заорганизованы в смысле партийной дисциплины и соответственно более свободны в организационном плане и более гибкими в выборе тактики, хотя, как показала практика и менее разборчивыми в средствах. Хорошо эту деталь, отличающую южан от северян, подметил и охарактеризовал В.К. Дебогорий-Мокриевич: «Наши кружки были слабые, недисциплинированные, значительно уступавшие в организационном отношении кружкам петербургским. А организации плодотворные для задач, во имя которых они создаются, служат, с другой стороны, всегда неодолимым тормозом при всех возможных новшествах. Инициатива может принадлежать только личности, организации – никогда: они консервативны».²

При этом следует признать, что к личностям революционеров-организаторов «Чигиринского заговора» отношение и на севере, и тем более на юге было абсолютно положительным, а где-то даже и восторженным. Они рисовались настоящими «людьми дела» пусть и не совсем достойными способами, но реально чего-то добившимися в народе. «Знавшие Стефановича защищали его от резких нападков на его личность, – вспоминала Е.К. Брешко-Брешковская, – и далее ссылалась на письмо к ней Н.И. Кибальчича, в котором он говорил, что «лично познакомившись со Стефановичем в киевской тюрьме, он хотя и "кончил тем, что личность Стефановича полюбил", но по-прежнему ненавидел обман и проклинал золотую грамоту».³

Удивительным образом в кругу революционеров-народников, произошло отделение образа революционера от его деяния. Наблюдалась своеобразное расщепление революционного сознания, ориентированного только на те сигналы, ко-

¹ Цит. по: Плеханов Г.В. Г-жа Брешковская и Чигиринское дело. С. 351–352.

² Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. С. 372.

³ Цит. по: Плеханов Г.В. Г-жа Брешковская и Чигиринское дело. С. 351.

торые ему хотелось воспринимать. В результате подобного восприятия ситуации «в описываемое время Стефанович был в апогее своей славы».¹

Поэтому-то практически сразу же в революционных кругах зародилось намерение освободить арестованных, над головами которых реально маячил смертный приговор. Более того, деньги для организации побега революционеров-чигиринцев В.А. Осинский нашел именно в столице.²

Тогда же у революционеров-южан и, в первую очередь, членов Центрального кружка «Земли и воли» В.А. Осинского и Д.А. Лизогуба, возникло желание использовать чигиринский опыт на юге автономно от «Земли и воли». О таковых планах имеется свидетельство Ф.Е. Курицына, особенно о том, что касалось действий и планов Д.А. Лизогуба.

Оставляя за скобками некоторые несообразности записки Ф.Е. Курицына, например, о том, что В.А. Осинский познакомился с М.Ф. Фроленко только в указанный период времени, в главном следует признать достоверным характер его записки. В подтверждение этого можно привести приписку на экземпляре, отправленном шефу жандармов: «Курицын в настоящее время содержится в особом отделении Одесской тюрьмы для политических арестантов и при полном раскаянии в своем преступном увлечении, пожелал открыть все, что ему известно о деятельности так называемой русской социальной партии. Более всего Курицыным получено сведений о дворянине Лизогубе и его кружке и все эти сведения приобретены им как из разговоров с Лизогубом, в то время когда они содержались в одной камере, так и из разговоров Лизогуба с Кравцовым, а также и из переписки, которую вел Кравцов от имени Лизогуба».³

Из текста этой довольно обширной записки явствовало, что «Чигиринский заговор» оказал серьезнейшее влияние на корректировку курса революционеров-южан, в частности из окружения Д.А. Лизогуба – В.А. Осинского. Так, Ф.Е. Курицын показывал: «Прежде, по словам самого Лизогуба, кружок этот состоял

¹ Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. Подпольная Россия. С. 366.

² Пелевин Ю.А. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // Российская история. 2014. № 1. С. 144.

³ ГА РФ. Ф. 109. 3-я эксп. 1879. Д. 641. Л. 8–8об.

только из пропагандистов, как между народом, так и между интеллигенцией... и уже после чигиринского дела, после ареста Стефановича и Дейча кружок принял и бунтовскую программу».¹

Дальнейшие события еще более работали на идею повторения попытки нового Чигиринского дела. Народникам удалось организовать успешный побег революционеров-чигиринцев. В ночь на 27 мая 1878 г. из Киевского тюремного замка бежали Я.В. Стефанович, Л.Г. Дейч и И.В. Бохановский. Организацию побега взял на себя В.А. Осинский при непосредственном участии в этом деле М.Ф. Фроленко. Последний устроился в тюрьму сторожем, за три с половиной месяца дослужился до ключника и, используя свое положение, вывел всех троих из тюрьмы под видом надзирателей.²

Резонанс от устроенного побега был огромный. На ноги были поставлены все полицейские силы Империи. Стандартные предписания разослали по всем российским регионам, включая сибирские губернии. Вот, например, фрагменты депеши, полученной генерал-губернатором Западной Сибири: «Господину генерал-губернатору Западной Сибири. В ночь на 27 мая бежали из Киевской тюрьмы важные государственные преступники». Далее, после детального описания их внешности и внешности надзирателя тюремного замка Тихонова (Фроленко. – С.Т.), шел следующий текст: «Сообщая об этом имею честь просить Ваше Превосходительство, принять зависящие меры к розысканию вышеупомянутых бежавших лиц, по вверенной Вам губернии... Фотографические карточки будут высланы за сим».³

Слухи и предположения на дознании курсировали самые невероятные. В ходе расследования начальником Киевского ГЖУ полковником В.Д. Новицким, была выдвинута версия о тождестве лиц, участвовавших в организации Киевского побега, с лицами причастными к убийству жандармского штабс-капитана барона Г.Э. Гейкинга в Киеве и убийцами шефа жандармов Н.В. Мезенцова в Санкт-

¹ Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 2. С. 111.

² Фроленко М.Ф. Побег Дейча, Стефановича и Бохановского. М., 1924. С. 12–13.

³ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.И. 152. Оп. 8. Д. 81. Л. 2.

Петербурге. Высказывалась мысль, что «по всему вероятно, убийство покойного Шефа жандармов и штабс-капитана барона Гейкинга дело одних рук, а быть может содействовали побегу арестантов из Киевской тюрьмы те же лица».¹

Что же касается планов революционеров-южан после побега Я.В. Стефановича и К, то о них сохранилась информация из записки Ф.Е. Курицына. Он показывал, что «кружок Лизогуба соединился с остатками кружка Стефановича и принял все его планы».² Здесь конечно, предатель выдавал желаемое за действительное, никакого отдельного «кружка Стефановича» или Лизогуба не существовало. Более того, как уже выше не раз писалось, Я.В. Стефанович свои конспирации с крестьянами-чигиринцами предпочитал вести тайно, и о деталях, кроме узкого круга задействованных им лиц, не было осведомлено даже большинство «южных бунтарей».

В записке Ф.Е. Курицына для исследователей интересны сведения о настроениях самого Д.А. Лизогуба. Представляется, что в этом вопросе информации Ф.Е. Курицына вполне можно доверять, так как она была почерпнута в личном общении во время пребывания в одной камере. В этом отношении очень интересно сообщение об оценке Д.А. Лизогубом действий Я.В. Стефановича: «Лизогуб говорил, что Стефанович по отношению к бунту новатор, что им многое было упущено из виду и что в решительную минуту он столкнулся с такими обстоятельствами, которых прежде не предвидел, что у него мало было людей, денег и других средств и что, наконец, ими вкупе со Стефановичем бунтовская программа значительно усовершенствована и расширена».³

Что же представляла, по словам Ф.Е. Курицына, эта доработанная в новых условиях бунтовская программа? По этому вопросу он давал следующие сведения: «...пользоваться всяким возникшим где-либо бунтом, а если такого нет, то вызывать такие бунты, пользуясь всеми средствами, какие попадутся под руки, не брезгуя ничем. Средствами для возбуждения местных бунтов должно быть воз-

¹ ГА РФ. Ф. 109. 3-я эксп. 1877. Д. 262. Ч. 2. Л. 20–20об.

² Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 2. С. 117.

³ Там же, с. 118.

буждение в народе разных неудовольствий и возбуждение страстей посредством распускания ложных слухов и всяких других средств, какие попадутся под руку... Потом, если где существует, как например в Киевской губернии, желание посылать к царю ходоков с жалобами, то всеми силами поддерживать это желание и возбуждать его сильнее... Распускать от имени царя всевозможные подложные манифесты. Вообще действовать от имени царя, выдавая себя за посланных его императорским величеством, призывать народ к помощи против дворян и чиновников, при этом для скептиков иметь документы, подписанные царем. И далее, в народе, так же как и в городе, необходим террор, т.е. убивать тех из близко стоящих к народу властей, которых он более всего ненавидит, и при этом распускать по поводу всякого убийства прокламации и слухи».¹

Из планов Д.А. Лизогуба и его окружения, по показаниям Ф.Е. Курицына, следовало, что дело Я.В. Стефановича в Киевской губернии должно быть продолжено, а в дальнейшем необходимо распространение подобных мероприятий на Донскую область. В качестве практической новации, которую ранее не учитывал Я.В. Стефанович, Д.А. Лизогуб высказывался за активное использование в целях организации заговоров местных лесничеств. По его мнению, в их пользу говорило то, что они «часто изолированы совершенно от всякого жилья и находятся среди леса, где можно делать что угодно: завести печатню, устроить склад оружия... прятать людей и совершенно легально можно иметь лошадей и т.д.».² Более того, Д.А. Лизогуб из тюрьмы через В.Х. Кравцова связался с одним из своих оберлесничих с просьбой предоставить место лесника подателю рекомендательного письма, написанного им.³

Таким образом, даже если отбросить некоторые преувеличения и неточности в показаниях Ф.Е. Курицына, следует согласиться с тем, что «Чигиринский заговор» оказал серьезнейшее влияние на революционеров-южан. Однако выводы из него и на юге были сделаны разные. Лица, группировавшиеся вокруг Южно-

¹ Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 2. С. 118.

² Там же, с. 119.

³ Там же.

российского Исполнительного Комитета, более всего ассоциировавшегося с именем В.А. Осинского, все чаще смотрели в сторону прямой борьбы с правительством, т.е. выступали застрельщиками политической борьбы. На это, кстати, указывал и Ф.Е. Курицын.¹ А вот революционеры-чигиринцы, после побега временно перебравшиеся за границу, стояли преимущественно на позициях аполитизма и бакунизма, в целом присущих программе «Земли и воли». Именно подобную точку зрения высказал в своей статье, помещенной в эмигрантском журнале «Община» Я.В. Стефанович.

Анализируя весь путь проделанный народниками-пропагандистами и свои наблюдения за крестьянами-малороссами, он абсолютно с бакунистских позиций формулировал «истинно революционно-народные требования: I) Переход всех земель частной собственности в собственность народных общин, каковы они есть в настоящее время. II) Самостоятельность мира, или громады в отправлении всеми общественными функциями, т.е. уничтожение государства».² Исходя из тезиса о невозможности для крестьян самим организовать свои силы, он призывал сделать это русских социалистов, подчеркивая, что «их существенная обязанность в настоящее время по отношению к народу очевидна: явиться инициаторами в деле организации народных сил».³

Организационная же деятельность, по мнению Я.В. Стефановича, могла быть успешной только «при знании местных особенностей народной жизни, при понимании причин местного недовольства» при использовании тех приемов, которые могут дать наилучшие результаты именно в этой местности». Как пример он приводил собственный опыт, указывая, что «революционная организация в какой-нибудь малорусской рационалистической секте потребует, конечно, иных приемов, иных цементирующих начал, чем например, такая же организация в среде чигиринских крестьян (также малороссов); там нельзя игнорировать евангелия, здесь нельзя было пренебречь упорною верою в царя». Далее отмечал он: «Само

¹ Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 2. С. 111.

² Стефанович Я. Наши задачи на селе (письмо в «Общину») // Община. Социально-революционное обозрение. № 8–9. Париж, 1878. С. 36.

³ Там же, с. 37.

собой разумеется, дальнейшее развитие организации при нашем влиянии должно быть таково, чтобы ослабить значение подобных зацепок. В сектах религиозный элемент должен вытесняться революционным, подобно тому как в чигиринской "тайной Дружине" ход организации направлялся так, чтобы значение царя и надежды на него рушились окончательно».¹

Далее он самым решительным образом высказывался за так называемую «пропаганду действием»,² т.е. за непосредственную организацию революционерами крестьянских выступлений или присоединение революционеров к уже возникшим бунтам. «Мы думаем, – писал он, – что наиболее действительный способ воздействия на людей вообще, в каком бы то ни было направлении, есть путь живого примера. Там же где народ особенно задавлен, где чувство и мысли забиты государственным гнетом, как это у нас, живой пример или путь пропаганды делом, а не словом, как импульсирующее средство, приобретает особую важность».³

Опираясь на собственный опыт общения с крестьянами-чигиринцами, Я.В. Стефанович призывал: «Только становясь в ряды протестующих крестьян, внося вместе с тем свою долю помощи и влияния, только таким путем добьемся мы того, что народ действительно станет видеть в нас своих защитников. И тогда он станет защищать и нас, как защищали чигиринцы Настасью Лихошерстную, два раза отбивши ее арестованную властями, как укрывали они Фому Прядку от преследования тех же властей. Народные организации, всегда поддерживая в нравственном и материальном отношении массовые пассивные протесты, приобретут этим путем огромное влияние и значение в крестьянстве и таким образом найдут в нем источник своего роста и силы».⁴

При этом Я.В. Стефанович, хотя и эскизно, касался вопроса о формах и способах действия будущих народных организаций, оговариваясь: «Мы не станем изображать разнообразных видов деятельности в той градации, какую по нашему,

¹ Стефанович Я. Наши задачи на селе (письмо в «Общину»). С. 37.

² См. подр.: Милевский О.А. «Пропаганда действием» в тактических построениях революционеров-бакунистов в середине 1870-х гг. // Василий Федорович Антонов. Памяти учителя: воспоминания и статьи. М., 2015. С. 109–125.

³ Стефанович Я. Наши задачи на селе (письмо в «Общину»). С. 37.

⁴ Там же, с. 38.

они должны иметь по степени их полезности делу организации народных сил. Упоминаем только, что такие факты, как убийства особенно вредных шпионов, шеф ли то, или просто становой пристав, возымели бы еще большее значение при организации в крестьянстве».¹ Т.е. фактически в добавление к ранее оформленным программным положениям выдвигалась идея аграрного терроризма.

Не стихали теоретические споры и разногласия и в недрах самой «Земли и воли», тем более что сама ее программа оставляла и поклонникам и критикам Чигиринского опыта простор для маневра. Свидетельство тому передовая статья, принадлежащая перу С.М. Кравчинского в № 1 «Земли и воли» (25 октября 1878 г.). Текст передовицы, затрагивающий программные положения организации, обращался, в том числе, и к работе по подготовке истинно народной революции. В частности, он гласил, что «отнятие земель у помещиков и бояр, изгнание, а иногда и поголовное истребление всего начальства, всех представителей государства и учреждение "казацких кругов" т.е. вольных автономных общин с выборными, ответственными и всегда сменяемыми исполнителями народной воли – такова была всегда неизменная "программа" народных революционеров-социалистов: Пугачева, Разина и их сподвижников. Такова же, без сомнения, остается она и теперь для громадного большинства русского народа. Поэтому ее принимаем и мы, революционеры-народники».²

Исходя из выдвинутых выше посылов, автор призывал народников «сбросить с социализма его немецкое платье и тоже одеть в народную сермягу». Как пример, удачного перехода социалистов «на почву чисто народную» С.М. Кравчинский приводил пример «Чигиринского заговора». С явной симпатией он писал: «Стефанович с друзьями в чигиринской глуши создает первую в нашей революционной истории народную организацию, безусловно революционную и народно-социалистическую, которая в несколько месяцев охватывает собой до 1,5

¹ Стефанович Я. Наши задачи на селе (письмо в «Общину»). С. 38.

² Революционная журналистика семидесятых годов. С. 72.

тысяч крестьян. Революционеры-социалисты здесь становятся впервые действительными, признанными вождями народных масс».¹

Далее, правда, автор оговаривался, что «было бы крайней близорукостью и даже нарушением основного принципа народнической программы рекомендовать способ действия Стефановича для всех местностей и народностей русской земли» и обещал в ближайших номерах «Земли воли» поговорить «о чигиринском деле со всеми его достоинствами и неизбежными несовершенствами».² Однако заключал С.М. Кравчинский обращение к опыту Чигирина словами, не оставлявшими сомнения в благожелательном отношении к этому опыту: «Делу этому (Чигиринскому. – С.Т.), подобно делу Засулич, суждено быть одним из поворотных пунктов в истории русской революции. Как дело Засулич, разом изменило характер нашей борьбы с правительством, так это дело изменит характер нашей деятельности в среде народа».³

В дальнейшем землевольческая публицистика напрямую больше не возвращалась к этой теме. Может быть еще и потому, что сам С.М. Кравчинский редактировал только первый номер,⁴ а приехавший ему на смену Д.А. Клеменц отнюдь не во всем разделял радужные надежды своего товарища. Однако, и в дальнейшем, хотя в опосредованной форме, землевольческая публицистика нет-нет, да и обращалась к теме создания «народной организации» для борьбы против властей в областях России, где ощущалось социальное напряжение.

Так в фокусе землевольческой печати оказались волнения казаков на Дону. В № 2 «Земли воли» содержалась корреспонденция о событиях в Каменской станции, связанных с волнениями казаков по поводу введения новых правил пользования общественными лесами. Автор заметки в ее преамбуле прямо в духе С.М. Кравчинского писал: «Вся русская история представляет не что иное, как непрерывную борьбу государственности с автономными стремлениями общины и лич-

¹ Революционная журналистика семидесятых годов. С. 77.

² Там же.

³ Там же.

⁴ С.М. Кравчинский был непосредственным исполнителем террористического акта против шефа жандармов Н.В. Мезенцова 4 августа 1878 г. И вскоре после выхода в свет № 1 «Земли и воли» он по настоянию товарищей отбыл за границу.

ности. Борьба эта тянется красною нитью через все 1000-летнее существование русского государства, принимает разные формы – от восстания Стеньки и Пугачева до возведения бегства от властей и полного отрицания государственности в религиозный догмат. Эта борьба на жизнь и смерть между двумя противоположными принципами отнюдь не прекращается и в настоящее время».¹

Затем в тексте излагалась канва происходящих на Дону событий. Но, подтекст статьи не вызывал сомнения – казаки недовольны властью, готовы к восстанию, среди них курсируют слухи, что сбываются предсказания стариков о том, что «придет время, когда будут стеснять казаков, когда у них отберут все уголья, и тогда произойдут на тихом Дону смуты и будет кровопролитие».² Следовательно, революционная партия не должна упустить подобного случая и необходимо использовать эти волнения в своих целях. При таком положении вещей обращение к «авторитарному методу» Я.В. Стефановича казалось части народников вполне оправданным, что еще более накаляло страсти в «Земле и воле».

Естественно, что появление подобного рода материалов на страницах ведущей народнической газеты поднимало градус обсуждения проблемы по дальнейшей деятельности «Земли и воли». Причем на жесткие дискуссии между «политиками» и «деревенщиками» накладывались и споры по тактике дальнейшей работы на селе. И здесь обращение к имени Я.В. Стефановича и его Чигиринскому проекту играло очень важную роль. Тем более не следует забывать того факта, на который совершенно справедливо указывал исследователь Ю.А. Пелевин, что после успешного побега из Киевской тюрьмы авторитет Я.В. Стефановича в народнической среде поднялся чрезвычайно высоко.³ Так, видный земледелец М.Р. Попов, описывая события этого времени, вспоминал, что при обсуждении землевольцами животрепещущих вопросов о революционной тактике «предлагались различные

¹ Революционная журналистика семидесятых годов. С. 125.

² Там же, с. 127.

³ Пелевин Ю.А. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // Российская история. 2014. № 1. С. 146.

способы, вплоть до мистификации при помощи царского манифеста, призывающего народ к восстанию против своих врагов».¹

В обстановке ожесточенных дискуссий между «деревенщиками» и «политиками» в «Земле и воле» решено было созвать общий съезд. Он состоялся в Воронеже с 18 по 21 июня 1879 г.² На третьем заседании этого съезда Я.В. Стефановича заочно избрали членом организации.³ Как известно, Воронежский съезд, несмотря на уход с него одного из лидеров «деревенщиков» Г.В. Плеханова, закончился компромиссом⁴. Однако, как справедливо отмечал Н.А. Троицкий: «Достигнутый компромисс не удовлетворял ни одну из сторон. Фактически съезд не только не устранил фракционную борьбу, но, напротив, усилил ее, поскольку он с одной стороны, подтвердил старую программу и тактику, а с другой стороны, санкционировал внутри общества ядро новой организации со своей программой и тактикой, собственным руководством, печатным органом и материальными средствами».⁵ Сразу после окончания съезда и «политики» и «деревенщики» принялись бороться за умы колеблющихся землевольцев.

Ситуация еще больше обострилась в июле, когда из-за границы прибыло несколько революционеров, в том числе Я.В. Стефанович.⁶ По информации Одесского жандармского управления Я.В. Стефанович возвратился вместе с Ф.Н. Юрковским, Г.Ф. Чернявской, Л.Г. Дейчем, И.В. Бохановским, и все они, «проведя несколько дней в Киеве и Одессе, направились в Петербург», причем в заключении сообщалось, что «Стефанович, для изменения физиономии сбрил себе бороду».⁷

¹ Попов М.Р. Записки землевольца. М., 1933. С. 126.

² См. подр.: Троицкий Н.А. Крестonosцы социализма. Саратов, 2002. С. 234–260; Твардовская В.А. Н.А. Морозов в русском освободительном движении. М., 1983. С. 71–92; Она же. Кризис «Земли и воли» в конце 70-х годов // История СССР. 1959. № 4. С. 60–74; Ткаченко П.С. Революционная народническая организация «Земля и воля». М., 1961 и др.

³ Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. 2. М., 1961. С. 429.

⁴ Фигнер В.Н. Запечатленный труд. М, 1964. Т.1. С. 184–188.

⁵ Троицкий Н.А. Крестonosцы социализма. С. 252.

⁶ Пелевин Ю.А. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // Российская история. 2014. № 1. С. 146.

⁷ ГА РФ. Ф. 109. 3-я эксп. 1877. Д. 262. Ч. 2. Л. 116.

Как отмечал О.В. Аптекман, являвшийся непосредственным участником событий, связанных с разделом «Земли и воли»: «Заграничные товарищи, на которых «деревенщина» возлагала свои надежды – люди с революционным прошлым и опытностью, – Яков Стефанович, Дейч, Аксельрод и В. Засулич, – тоже встали в оппозицию к террористической деятельности. Разрыв был неизбежен».¹ Более того, представляется вполне оправданной мысль, высказанная Ю.А. Пелевиным, что именно Я.В. Стефанович «сыграл роль катализатора в распаде «Земли и воли».² Ранее советские историки, как-то затушевывали этот момент, а напрасно. Ведь на этот счет имеются свидетельства самих землевольтцев, в частности Н.А. Морозова, отмечавшего, что именно «Стефанович тотчас же присоединившийся к группе народников (так Н.А. Морозов называл «деревенщиков». – С.Т.), сильно способствовал потом распадению "Земли и воли". Он был очень честолюбив».³

Собственно, поведение Я.В. Стефановича можно объяснить не только большим самомнением. На его позицию влияло и то обстоятельство, что «Земля и воля» никогда не была собственно его организацией. Если «землевольтцы» со стажем воспринимали ее как свою семью, и разрыв для них был действительно мучительным и сложным, то Я.В. Стефанович смотрел на эту организацию, как на нечто для него чужеродное, что ломать не жалко. Кроме того, в то время он был уверен в собственных силах, а главное рассчитывал на привлечение к работе в деревне столь популярных среди молодежи участников движения, как В.И. Засулич. Надеялся он получить и большие денежные средства от Д.А. Лизогуба. К тому же Я.В. Стефанович всегда оставался законченным политическим интриганом. Он и в среде революционеров частенько прибегал к принципу «цель оправдывает средства». Склонность к интригам и «подковерной борьбе» являлась его «alter ego», и это отчетливо проявилось в послесъездовский период. В это время он уже сделал главную ставку на раскол «Земли и воли» и приступил к активной вербовке новых членов для новой организации, где рассчитывал играть ведущую роль.

¹ Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. С. 374.

² Пелевин Ю.А. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // Российская история. 2014. № 1. С. 146.

³ Морозов Н.А. Повести моей жизни. С. 429.

Особенно болезненной для «политиков» была потеря В.И. Засулич, на нее они делали особую ставку. Но, как вспоминал Н.А. Морозов: «Она была чрезвычайно дружна со Стефановичем и Дейчем и, перейдя вместе с ними к нашим противникам, вдруг окружила их особенным ореолом в глазах благоговевшей перед ней учащейся молодежи».¹

О первостепенной роли Я.В. Стефановича в окончательном расколе «Земли и воли» свидетельствовал и М.Р. Попов: «Не подвернись Стефанович с надеждами его на то, что в Чигирине вновь возможно будет сорганизовать крестьянство, не прибегая к мистификациям с царскими манифестами, то, вероятно, я остался бы и продолжал мою революционную деятельность со старыми товарищами».² Еще одним существенным ударом Я.В. Стефановича по и без того хрупкому единству «Земли и воли» была вербовка на свою сторону хозяйки землевольческой типографии М.К. Крыловой, которая отказалась печатать статьи сторонников нового направления.³

В такой ситуации сохранять видимое единство стало бессмысленным и 15 августа 1879 г. в Санкт-Петербурге на последнем собрании «Земли и воли» решено было разделить имущество между «политиками» и «деревенщиками». В состав комиссии по разделу, по версии Л.Г. Дейча, вошло 6 человек: Л.А. Тихомиров, А.Д. Михайлов и А.Я. Зунделевич от «политиков» и Г.Н. Преображенский, М.Р. Попов и Я.В. Стефанович от «деревенщиков».⁴ В результате, дальше народники пошли разными дорогами – «политики» стали называться «Народной волей», а сторонники деятельности в деревне – «Черным переделом». Так, фактически «Чигиринский заговор» и мифологизированные представления о революционном потенциале этих мест, тиражируемые преимущественно Я.В. Стефановичем, сыграли важную роль в окончательном расколе «Земли и воли».

Первоначально сторонники «Черного передела», куда вошло немало влиятельных революционеров, чувствовали себя вполне уверенно. Большая часть

¹ Морозов Н.А. Повести моей жизни. С. 429.

² Попов М.Р. Записки землевольца. М., 1933. С. 198.

³ Морозов Н.А. Повести моей жизни. С. 429–430.

⁴ Троицкий Н.А. Крестonosцы социализма. С. 252.

средств отошла к ним в связи с тем, что в эту организацию влились «почти все состоятельные члены общества, которые передали туда то, что им принадлежало».¹ Казалось, что они имеют и хороший задел по работе в деревне, в частности, в той же Киевской губернии. Действительно локальные волнения крестьян там продолжались. Достаточно назвать волнения весной – летом 1879 г. бывших крестьян-чиншевиков в Бердичевском и Сквирском уездах.²

В своей оценке ситуации в донесении от 21 апреля 1879 г. Начальник Киевского ГЖУ полковник В.Д. Новицкий не скрывал своих опасений, отмечая, что «в Бердичевском и Сквирском уездах за последнее время стало обнаруживаться некоторое движение и своеволие, выражающееся самовольными захватами земли, бывшей у них когда-то в пользовании... Злоумышленники политические, ведущие специально противоправительственную пропаганду, легко могут подбить чиншевиков к беспорядкам в смутное настоящее время и воспользоваться уже подготовленную почву недовольства в чиншевиках, подобно тому как воспользовались Дейч и Стефанович и другие в Чигиринском у».³

8 июля 1879 г. около 40 крестьян-чиншевиков из дер. Котляревки напали на конвой, сопровождавший арестованного ранее мещанина Ивана Баладынского. Конвой вместе с судебным приставом Стаховским был избит, арестованный освобожден. В результате решено было отправить в Сквирский уезд для расквартирования там донских казаков и предать виновных военному суду.⁴ В этой же Киевской губернии волновались также и крестьяне-собственники в с. Биндюговке, Ан-

¹ Морозов Н.А. Повести моей жизни. С. 431.

² Крестьяне-чиншевики были лично свободными людьми, юридически являлись наследственными арендаторам земель или иных имуществ помещиков, которым уплачивали специальный денежный оброк - чинш. Размер чинша не подлежал изменению по усмотрению одной из сторон, свои права на земельный участок чиншевик не мог передавать другому лицу. За неуплату чинша землевладелец мог передать земельный участок другому лицу, но чиншевик мог сам отказаться от уплаты чинша, освободить участок и остаться ничем не обязанным землевладельцу. Чиншевое право широко распространилось в Речи Посполитой. После ее раздела в пределах Российской империи оказалось целое сословие лично свободных крестьян-чиншевиков. Критериями чинша были бессрочность и наследственность пользования имуществом, неизменность оброка за него. В 1860-х годах в западных губерниях России чинш был упразднен.

³ Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг. Сб. док-тов. М., 1968. С. 331.

⁴ Там же, с. 332.

тоновке, Григоровке, Матюшовке, Казимировке, Ставы Киевского уезда¹ и с. Болтуны Таращанского уезда. Причем в селения Болтуны и Ставы для усмирения беспорядков были вызваны войска.² По-прежнему, весьма беспокойной оставалась обстановка и в Чигиринском уезде.

В такой ситуации «чернопередельцам» казалась вполне вероятной возможность повторения чигиринской попытки. Надежды на успех они естественно связывали с именем Я.В. Стефановича, чьи возможности «деревенщиками» явно преувеличивались, да и сам Я.В. Стефанович не стеснялся в обещаниях. Все эти данные свидетельствуют, что в оценке личности Я.В. Стефановича парадоксальным образом сошлись завышенные ожидания как революционеров, так и жандармов.

В своеобразном «жандармском рейтинге революционеров» Я.В. Стефанович на тот период времени котировался очень высоко. Он считался едва ли не самым опасным из революционеров. Его имя окружало огромное море самых невероятных слухов, которые можно почерпнуть даже из официальных донесений. Вот что, например, передавал из Одессы в зашифрованной телеграмме от 21 ноября 1879 г. в столицу генерал-адъютант Э.И. Тотлебен. Он сообщал: «Курицын выведал у арестованного в Киеве неизвестного сказавшегося Никиткой и игравшего деятельную роль в Чигиринском деле, что Стефанович, Дейч, Бухановский (так в тексте. – С.Т.) и многие другие вернулись из-за границы и направились в Петербург; привезли с собою хрустальные бомбы и особые спринцовки, наполняющиеся фосфором, что с приездом их явилось оживление в преступной партии и что они, особенно Стефанович, затевают что-то грандиозное, между прочим есть будто бы предположение сделать подкоп под зимний дворец. Об этом слышал также содержащийся в Одесской арестантской роте Гронштейн».³

Верили в звезду Я.В. Стефановича и революционеры. Вот как оценивал первоначальный расклад сил хорошо знакомый с тогдашней ситуацией в револю-

¹ Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг. Сб. док-тов. С. 334.

² Там же, с. 335.

³ ГА РФ. Ф. 109. 3-я эксп. 1877. Д. 262. Ч. 2. Л. 114–114об.

ционном лагере О.В. Аптекман. В своих воспоминаниях он прямо указывал, что основную надежду «чернопередельцы» связывали именно с проектом Я.В. Стефановича: «На первых порах надежда улыбалась нам: в наших рядах уже находились с самого основания "Черного передела" Стефанович и Дейч, испытанные практики-организаторы. Они действительно задумали среди чигиринцев новое дело, на иных основах чем старое. Мы все ожили. Раз, – думали, мы, – за это возьмутся такие люди, как Стефанович и Дейч, успех обеспечен: мы оснуемся в деревне, зложим фундамент, а молодежь и другие живые силы, глядя на нас, пойдут за нами».¹

Однако из этого мероприятия ничего не вышло. Рекогносцировка в Чигирин провалилась. Выезжавшие на место революционеры вернулись ни с чем. Они сообщали, что «военное положение создало... в Чигирине, такую обстановку, в которой сам черт ноги сломает».² Однако даже после такой неудачи ставка на использование чигиринского опыта, пусть даже в несколько измененном виде, оставалась главным козырем новой организации. Об этом явно свидетельствовала чернопередельческая газета, в числе постоянных сотрудников которой оказались все те же Я.В. Стефанович и Л.Г. Дейч.³

Так, уже в № 1 «Черного передела» в передовице «От редакции» (8 декабря 1879 г.) декларировалось следующее: «Ближайшей задачей нашею... должна быть организация... той народно-боевой партии, о значении которой мы уже говорили. Если мы этого не сделаем, если мы к этому не подготовим народ, революционное движение, как всякое стихийное движение, может пройти грозой через всю Россию, не принеся народу ничего существенного».⁴ Фактически это были повторения идей, высказанных Я.В. Стефановичем ранее в журнале «Община».

В этом контексте не удивительно, что больший объем № 1 «Черного передела» занимала статья Я.В. Стефановича «"Чигиринское дело". Крестьянское об-

¹ Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. С. 385.

² Там же, с. 386.

³ Там же, с. 387.

⁴ От редакции // «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. / Памятники агитационной литературы. Т. 1. М.; Пг., 1923. С. 139.

щество "Тайная дружина" (опыт революционно-народной организации». № 2 «Черного передела» (сентябрь 1880 г.) также включал в себя продолжение этого весьма объемного очерка. В заключение этих очерков редакция поместила следующую заметку: «Помещая на страницах нашего журнала рассказ о Чигиринском деле, мы вовсе не думаем пропагандировать тех средств, какие в нем практиковались. По нашему мнению, дело имеет значение, как чрезвычайно важный опыт создания революционной организации среди народа; в этом отношении оно заслуживает особенного внимания русских социалистов и главным образом теперь, когда события грозят увлечь чуть не все революционные силы в борьбу, имеющую очень мало общего с вопросом экономической революции в России (имеется в виду политическая борьба «Народной воли». – С.Т.). Мы, думаем, что этот рассказ должен служить ответом скептикам, сомневающимся в возможности создания революционной организации среди народа и серьезного отношения с его стороны к этой организации».¹

И хотя редакция публично отмежевывалась от «понятия об авторитарном знамени и об агитации во имя идеализированного царя»,² было очевидно, что, обращаясь в качестве примера к чигиринскому опыту, чернопередельцы печатно признавали тот факт, что реально в народнической среде никакого другого показательного примера не существовало. И фактически «Черному переделу» ничего не оставалось, как полностью довериться авторитету признанных практиков по работе в крестьянской среде Я.В. Стефановича и Л.Г. Дейча.

Однако особенности политической обстановки в России во второй половине 1879 – начале 1880 гг. не оставляли шансов для них хоть как-то изменить ситуацию по перенесению практики «пропаганды действием» на реальную почву Малороссии. После провала Чигиринской рекогносцировки реально чернопередельцам ничего так и не удалось сделать. Постепенно ранее близкая к ним молодежь начинает склоняться к принятию народовольческой программы. Так, Л.Г. Дейч,

¹ От редакции // «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. С. 214.

² Там же, с. 215.

находившийся тогда в Одессе, жаловался, что «в Одессе с молодежью «тихо», что там ощущается крайний недостаток в работниках».¹

Собственно, тогдашнее настроение большинства революционных групп было уже сориентировано в сторону прямой борьбы с правительством. В таком прямом противостоянии они могли видеть хоть какой-то видимый результат, работа же в деревне напоминала наполнение «бочек Данаида». Очень хорошо настроение того времени передал в своем романе «Андрей Кожухов» С.М. Степняк-Кравчинский: «Наша миссия очень тяжелая, но мы должны выполнить ее до конца. Что бы выиграла Россия, если бы мы не отплачивали ударом за удар, а продолжали обучение и пропаганду в деревушках и закоулках... Правда нас бы не вешали. Но что тут хорошего? Нас бы арестовывали и ссылали в Сибирь или оставляли бы гнить в тюрьмах по-прежнему. Мы не оказались бы в лучшем положении, чем теперь, и... ни одного лишнего часа нам не дали бы посвятить народному делу. Нет, нам не дадут свободы в награду за примерное поведение. Мы должны бороться за нее любым оружием».²

Примерно такое же мнение о взглядах тогдашней революционной молодежи в разговоре с Г.В. Плехановым сформулировал и опытный пропагандист Е.А. Серебряков: «Теоретически вы (т.е. народники – чернопередельцы) правы, но психика у молодежи теперь иная; она молодежь, не пойдет за вами, в деревню ее калачом не заманишь».³ Революционерам, уцелевшим от полицейских погромов второй половины 1870-х гг. и поколению, идущему за ними, нужно было живое дело, а это была политическая борьба в городах. Именно поэтому представители «Черного передела» искали свои шансы также в обращении к опыту прямой борьбы с узурпаторами народной жизни в деревне, но им не хватало живого примера, того, что сами народники называли «пропагандой действием».

¹ Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. С. 388.

² Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. Подпольная Россия. С. 265.

³ Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. С. 388–389.

Поэтому-то они в своих тактических построениях пытаются апеллировать к ирландскому опыту аграрного терроризма.¹ Чтобы хоть как-то перехватить инициативу в борьбе за влияние на революционную молодежь, чернопередельцам нужны были впечатляющие успехи на ниве реального воплощения заявленных идей «пропаганды действием». Неудивительно, что одну из своих главных ставок они сделали на использование практического опыта Я.В. Стефановича, но к их большому разочарованию это оказалось блефом. Второй раз Чигиринский проект, невзирая на наличие в регионе серьезного горючего материала, повторить на тех же основаниях было невозможно, а что-то другое Я.В. Стефанович предложить был не в состоянии.

В такой ситуации, особенно после 19 ноября 1879 г., когда народовольцы взорвали царский поезд, оставаться в России без реальных перспектив на работу в деревне представителям «Черного передела» не имело смысла, да и было смертельно опасно. Собственно, выбор для них был невелик: либо присоединиться к находящейся тогда на подъеме «Народной воле», либо эмигрировать и из-за границы пропагандировать свои взгляды, ожидая изменения ситуации в России.

В таких условиях в январе 1880 г. начался выезд за границу главных деятелей «Черного передела». Почти одновременно разными путями из России выехали Л.Г. Дейч, Г.В. Плеханов, В.И. Засулич и Я.В. Стефанович. О.В. Аптекман так описывал свои чувства, когда провожал с Варшавского вокзала Я.В. Стефановича: «Поезд тронулся. Я постоял с минуту на платформе, пока поезд... не прошел мимо меня, унося с собою Стефановича, а с ним и последние надежды на деревню. Я поплелся домой мрачный, как могила. Тоска и обреченность снова охватили меня... Недавно только прощался с Плехановым, а теперь проводил Стефановича. Лучшие люди ушли... а с уходом этих людей с таким именем, с таким прошлым, как у Стефановича, В.И. Засулич, Дейча и Плеханова, – душа отлетела от обще-

¹ См. подр.: Милевский О.А. Ирландский фактор в русском освободительном движении 1860–1880-х гг.: к постановке проблемы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 4 (25). С. 80–83.

ства, от осиротелого «Черного передела». И началась уже агония, смерть казалось неминуемой».¹

Даже из этого небольшого фрагмента «Воспоминаний» О.В. Аптекмана видно, что с личностью Я.В. Стефановича этот деятельный и авторитетный в революционных кругах пропагандист, являвшийся одним из лидеров «Черного передела», связывал свои главные надежды на практическую реализацию планов по работе на селе. Если Г.В. Плеханов был нужен организации в первую очередь как «интеллектуальный рупор», формулирующий ее мысли через печать, то Я.В. Стефанович воспринимался чернопредельцами, как основной практик-организатор. Именно с ним связывали надежды на подготовку широкого крестьянского движения посредством создания народно-боевой дружины.

Однако провал Я.В. Стефановича именно как революционного практика в 1879 – начале 1880 г. только подтвердил поговорку, что «в одну реку невозможно войти дважды». В изменившихся условиях Я.В. Стефанович ничего не смог предложить взамен уже использованной ранее апелляции посредством подложного царского манифеста к глубинным пластам народного монархизма с целью вызвать крестьянское выступление. Как справедливо подметил участник народнического, а затем и эсеровского движения Е.А. Серебряков в оценке Чигиринского дела, «подлог мог иметь значение лишь один раз, пока не открыт, повторение же всегда неудачно».²

После ликвидации «Черного передела» пути Я.В. Стефановича и его друга и соучастника по «Чигиринскому заговору» Л.Г. Дейча разошлись. Я.В. Стефанович чуть позже примкнул к «Народной воле», а Л.Г. Дейч, вместе с Г.В. Плехановым и В.И. Засулич стоял у истоков создания первой российской марксистской организации – группы «Освобождение труда». Однако идея использования подложных царских манифестов в целях поднятия широкомасштабного народного выступления в российском революционном движении не отмерла окончательно.

¹ Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. С. 402–403.

² Серебряков Е.А. Очерк по истории «Земли и Воли». СПб., 1906. С. 21.

Любопытные факты были приведены историком В.В. Зверевым относительно существовавшего в 1883 г. кружка так называемых «немистов».¹ Из жандармского дознания следовало, что: «Все члены партии по первому призыву должны взяться за оружие и распространять подложные манифесты между рабочими и крестьянами, что думают сделать во время финансового или военного кризиса. Этим путем с самозванцем во главе думают поднять народное восстание».²

Эти данные убеждают в том, что опыт Я.В. Стефановича и его последователей, основанный на монархической мистификации посредством эксплуатирования легенды о «добрых» царях-избавителях, вновь актуализировался в годы начавшегося революционного спада. Кажущаяся революционерам простота реализации подобных идей свидетельствовала о существовании глубокой ментальной пропасти в подходе и оценке природы царской власти между образованными и рационально мыслящими слоями российского общества, к которым принадлежали революционеры-народники, и простым народом – носителем традиционного сознания. Причем надо понимать, что главным было не иерархическое (образованные/необразованные, верхи/низы), но культурное размежевание.

В системе рационалистических координат для революционеров царь был символом ненавистного угнетения и неограниченного самодержавного произвола, а, следовательно, воспринимался только уничижительно. В основе же царского архетипа, заложенного в традиционной картине мира, лежал религиозно акцентированный эмоционально-образный подход, в иррациональных рамках которого божественное происхождение царской власти не вызывало никаких сомнений, что неизбежно «означало придание сакральных свойств и самому имени царь».³

Непонимание этого межкультурного раскола побуждало народников, пренебрегая ранее накопленным негативным опытом, раз за разом обращаться к

¹ Так называла себя небольшая группа революционеров-социалистов, не принадлежащих ни к «Народной воле», ни к «Черному переделу». Буквально несуществующий (nemo est) // См. подр.: Зверев В.В. «Листая следственное дело...»: Г.П. Сазонов и несостоявшаяся провокация подполковника Г.П. Судейкина // Ежегодник историко-антропологических исследований. М., 2010. С. 288–303.

² См. подр.: ГА РФ. Ф. 102. 3-е дел-во. 1883. Оп. 188. Д. 1411. Л.54, 54об, 55.

³ Мауль В.Я. Самозванные цари и царевичи в социокультурной ретроспективе русского бунта (до Пугачевского восстания). С. 6.

практике использования царского имени в революционных целях, что заранее обрекало их планы на итоговую неудачу.

Вполне можно согласиться с базовым выводом Ю.А. Пелевина отмечавшего, что «в заговоре, сшитом Я.В. Стефановичем белыми нитками, наглядно проявился монархизм и религиозность крестьян, а не революционизм и социалистичность пореформенной деревни. "Бунтари" фактически предприняли ревизию утопических догм Бакунина такими же утопическими средствами в полной уверенности, что они способны своими силами преодолеть менталитет крестьян и социально-экономическое состояние пореформенной деревни».¹ Отсюда и столь плачевный финал.

Причем, этот трагический для революционеров итог был еще более фатальным потому, что фактически ставил крест на всей дальнейшей работе народников-деревенщиков. Когда стало ясно, что кроме разговоров и построения амбициозных, но реально ничем не подкрепленных планов по созданию народно-боевых организаций на селе, рухнул не только «Черный передел», но и сама вера в эффективность «пропаганды действием».

В дальнейшем, иногда еще предпринимались спорадические попытки по возрождению работы в деревне отдельными энтузиастами, но в реальном измерении эта работа все более приобретала культуртрегерский смысл и постепенно становилась уделом реформаторского народничества – сторонников «теории малых дел»² и представителей земства.

¹ Пелевин Ю.А. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // Российская история. 2014. № 1. С. 150.

² См. подр.: Зверев В.В. Русское народничество: учебное пособие. С. 233–251.

Заключение

Рассматривая и анализируя чигиринские события, нельзя не отметить, что особенность исследуемой научной проблемы заключается в уникальной комбинации объективных и субъективных факторов, когда в крестьянском движении в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1870-е гг. неразрывно переплелись острые национальные, внутри- и межсословные, конфессиональные и иные противоречия. Их совокупность придает неповторимый облик чигиринским событиям, позволяющим на конкретных примерах изучать механизмы работы традиционного сознания в условиях протестной активности чигиринских крестьян с учетом деятельности в их среде революционеров-народников.

Изучение фактического материала отчетливо продемонстрировало, что генезис изучаемых событий своими истоками уходит в далекое прошлое, связанное с яркими страницами героической борьбы населения Правобережной Украины за свое национальное освобождение из-под польского гнета. Движение крестьян за душевой передел земли, а затем организация «Чигиринского заговора» наглядно продемонстрировали, что краеугольным элементом социокультурного пространства для них являлась традиция, как сакрализованный опыт предков. От поколения к поколению она транслировалась через практическую имитацию и/или многочисленные фольклорные формы, определяя, в том числе, политическую позицию селян. Заметную роль в этой ментальной эстафете времен играло героическое прошлое Чигирина, благодаря которому он превратился в особо чтимое «место памяти» в историко-культурной жизни крестьян в этой местности.

Удивительным образом на проявление этой протестной активности крестьян-чигиринцев в начале 1870-х гг. наложились действия революционеров-народников в этом регионе. Первоначально внимание на чигиринские события обратили участники «хождения в народ» начала 1870-х гг., что нашло отражение в материалах революционной печати, призывавшей использовать их в революционных целях.

Первыми, кто реально предпринял попытку использовать аграрные беспорядки в Чигиринском уезде в своих целях, были сторонники М.А. Бакунина – «южные бунтари». Именно они обратились к идее использования для этой цели «монархической мистификации».

Из материалов диссертационного исследования следует, что опыт обращения к глубинным пластам «народного монархизма» с целью подъема социальных низов на открытое выступление против власти под знаменами веры в справедливую царскую милость имел весьма длительную историю хождения в революционной среде, начиная с декабристов, запустивших в исторический обиход знаменитую «константиновскую легенду». К подобным же методам нередко прибегали революционеры 1860-х гг. Ярким пропагандистом подобных действий выступал близкий к народническим кругам саратовский дворянин П.В. Григорьев.

На новом историческом витке практику «монархической мистификации» решили использовать в своей деятельности революционные народники. В наиболее ярком и наглядном виде это было продемонстрировано при подготовке и организации «Чигиринского заговора». Вооруженные предыдущим опытом обращения революционеров к «монархической мистификации», сторонники подобной тактики из числа «южных бунтарей» во главе с Я.В. Стефановичем, решили после необходимой подготовки (знакомство с крестьянами-чигиринцами, печатное изготовление самой «царской грамоты» и других документов) прибегнуть к ней. Я.В. Стефанович называл подобный способ воздействия на чигиринских крестьян «авторитарным принципом».

В условиях провала «хождения в народ» и отчетливого ощущения реалистически мыслящими народниками невозможности поднять крестьян на восстание под флагом отвлеченной пропаганды социалистических идей, попытка организации «народно-боевой дружины» на основе использования присущего крестьянству «народного монархизма» казалась тогда наиболее гуттаперчевым в плане революционной этики революционерам вполне подходящим способом вызвать в кратчайшие сроки широкое крестьянское движение.

И следует признать, что именно обращение к подобной тактике имело некоторый успех. Исторический опыт «Чигиринского заговора» уникален именно тем, что это был единственный в годы движения революционных народников более или менее удачный проект по созданию антиправительственного крестьянского сообщества. Парадокс только в том, что этот единственный прецедент имел место не под революционными, а под монархическими лозунгами. Вполне можно согласиться с общим утверждением Ю.А. Пелевина, отмечавшего, что, «апеллируя к царю для побуждения крестьян к восстанию, южные «бунтари» выступали на деле против собственных теорий социалистической революционности крестьянства и укрепляли его царистские иллюзии».¹

Однако хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что просто использовать применительно к изучаемым событиям марксистскую парадигму о «наивном монархизме» крестьян (как это, например, сделал Ю.А. Пелевин. – С.Т.), – это прибегать к некоторому упрощению обозначенной исследовательской задачи. Сегодняшний уровень научных представлений позволяет отвергнуть столь незамысловатые «объясняющие» модели.

Между тем, логика в мировоззрении и поведении чигиринских крестьян «вовсе не отсутствовала, она лишь отличалась от логики дискурсивной культуры».² Это означает – чтобы адекватно понять психологию, а во многом и природу Чигиринских волнений, а затем лучше понять мотивы акторов действий, т.е. самих крестьян, надо внимательно прислушаться к их непосредственным свидетельствам, дошедшим до нас в виде их показаний, обращений к властям и т.д.

При такого рода методологических подходах событийный нарратив народных беспорядков в различных селениях Чигиринского уезда в 1870-е гг., а затем и сами факты «Чигиринского заговора» способны наполниться тем социокультурным смыслом, который придавала ему крестьянская психология. Это даст шанс

¹ Пелевин Ю.А. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // Российская история. 2014. № 1. С. 150.

² Бескова И.А. Проблема соотношения ментальности и культуры // Когнитивная эволюция и творчество. М., 1995. С. 127.

несколько иначе посмотреть на события, происходящие на Чигиринщине, а также лучше понять мотивы крестьянских поступков, в силу которых долго терпевшие тяготы и административный произвол простые селяне, вдруг обнаружили в себе не только активный протестный потенциал, но и способность к социальной мобилизации, дисциплине и самоорганизации, а также к строгой конспирации.

Следует также отметить, что действия группы «южных бунтарей», связанные с практической реализацией «Чигиринского заговора», в частности создание среди крестьян народно-боевой организации «Тайная дружина», оказали серьезное влияние на дальнейший ход всего народнического движения. Они не только стали причиной ожесточенных дискуссий в «Земле и воле», но и фактически послужили катализатором распада этой организации, немалая заслуга в этом и собственно Я.В. Стефановича. Во многом, именно чигиринский опыт оказал большое влияние на выработку программно-тактических положений возникшей на обломках «Земли и воли» народнической организации «Черный передел».

К сожалению для будущих поколений революционеров и им сочувствующих, практика организации «Чигиринского заговора», исходящая из принципа «цель оправдывает средства», не стала уроком. В дальнейшем подобные образчики «революционной нечаевщины» в разных формах ее проявления не раз использовались российскими революционерами, что имело для нашей страны самые негативные и разрушительные последствия. На место романтиков и идеалистов, коими было большинство из революционеров народнического лагеря, пришли настоящие «революционные бесы», взявшие на эксплуатацию ту самую макиавеллевскую формулу и использовавшие ее цинично и своекорыстно для разрушения традиционной российской государственности и в угоду своим честолюбивым замыслам ничего общего не имевшим с благом народа. А на примере «Чигиринского заговора» можно увидеть, как революционеры-народники способствовали укреплению в сознании последующих поколений русских революционеров мифа о революционной целесообразности и вседозволенности для достижения высших целей, основанного на принципе – «цель оправдывает средства», и подобное

вольное обращение с «революционной этикой» в дальнейшем было корыстно и жестоко использовано их последователями.

Поэтому объективная, в том числе и с этических позиций, оценка революционной практики, основанной на использовании «монархической мистификации», каковой была по своей природе организация «Чигиринского заговора», также необходима и не менее важна для современных исследователей, чем детальное изучение и анализ событий происходящих на Чигиринщине в 1876–1877 гг.

Список использованных источников и литературы

I. Опубликованные источники

1. Агитационная литература русских революционных народников. Потаенные произведения. 1873–1875 гг. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1970. – 498 с.
2. Аксельрод, П.Б. Пережитое и передуманное / П.Б. Аксельрод. – Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1923. – 444 с.
3. Аптекман, О.В. Общество "Земля и Воля" 70-х годов / О.В. Аптекман. – Пг.: Колос, 1924. – 460 с.
4. Архив «Земли и воли» и «Народной воли» / Под ред. С. Н. Валка. – М.: Изд-во Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932. – 454 с.
5. Бакунин М.А. Государственность и анархия / М.А. Бакунин. – М.: Книговек, 2014. – 701 с.
6. Бакунин М.А. Речь на конгрессе Лиги мира и свободы в 1868 г. // Бакунин М.А. Избранные сочинения. – Т. 3. – Пг.; М.: Голос труда, 1920. – С. 9–36.
7. Брешко-Брешковская Е.К. Воспоминания пропагандистки / Е.К. Брешко-Брешковская // Былое. – 1903. – № 4. – С. 31–58.
8. Брешко-Брешковская Е.К. Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. 1873–1920 / Е.К. Брешко-Брешковская. – М.: Центрполиграф, 2006. – 335 с.
9. Бух Н.К. Воспоминания / Н.К. Бух. – М.: Изд. всесоюзного общ. политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1928. – 199 с.
10. Бух Н.К. Автобиография / Н.К. Бух // Деятели СССР и революционного движения России. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – С. 35–43.
11. Воспоминания Бестужевых. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. – 903 с.
12. «Вперед!». Двухнедельное обозрение. – Paris, 1969.
13. «Вперед!». Непериодическое издание. – Paris, 1970.

14. Газета «Работник» (1875–1876 гг.) / Ред. и вступит. статья В.И. Невского. – М.: Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, – 1933. – 147 с.
15. Группа "Освобождение труда" / Сб. док-ов, воспоминаний. – М.: Госиздат. – 1924. – Вып. 1. – 310 с.; 1924. – Вып. 2. – 372 с.; 1925. – Вып. 3. – 392 с.; 1926. – Вып. 4. – 418 с.; 1926. – Вып. 5. – 334 с.
16. Дебогорий-Мокриевич В.К. Воспоминания / В.Л. Дебогорий-Мокриевич. – Спб.: "Свободный труд", 1906. – 598 с.
17. Дебогорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму: в 2 кн. / В.К. Дебогорий-Мокриевич. – Кн. 1–2. – М.-Л.: Молодая гвардия, 1930. – 720 с.
18. Дебогорий-Мокриевич В.К. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. – М., 1989. – С. 62–68.
19. Дейч Л. Г. Заговор среди крестьян Чигиринского уезда / Л.Г. Дейч // Сборник статей и материалов. Ред. журнала «Исторический архив». – М.: Госиздат, 1921. – Вып. 1. – С. 73–79.
20. Дейч Л. Письмо в редакцию «Общины». Зверская расправа с Гориновичем / Л. Дейч // Община. Социально-революционное обозрение. – Париж, 1878. – № 8–9. – С. 16–17.
21. Дейч Л.Г. Чигиринська справа / Л.Г. Дейч. – Харків.: «Шляхи революції» 1929 – 39 с.
22. Дейч Л.Г. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. – М., 1989. – С. 69–72.
23. Дейч Л.Г. За полвека / Л.Г. Дейч. – Т. 1. Ч. 2. – М.: Задруга, 1922. – 127 с.
24. Дейч Л.Г. Русская революционная эмиграция 70-х гг. / Л.Г. Дейч. – Пг.: Госиздат, 1920. – 86 с.
25. Дейч Л.Г. С.М. Кравчинский / Л.Г. Дейч. – Пг.: Госиздат, 1919. – 64 с.
26. Дейч Л.Г. Социалистическое движение начала 70-х годов в России / Л.Г. Дейч. – Ростов: "Буревестник", 1925. – 164 с.
27. Дейч Л.Г. Хождение в народ. Из воспоминаний / Л.Г. Дейч. – Пг.: Госиздат, 1919. – 40 с.

28. Дейч Л.Г. Я.В. Стефанович среди народовольцев / Л.Г. Дейч // Группа «Освобождение труда». Сб. док-ов, воспоминаний. – Вып. 4. – М., 1926. – С. 96–121.
29. Деятели революционного движения в России / Справочник и электронная база данных. Вторая половина 1850-х – 1890-е гг. – Т. 2. – М.: Памятники исторической мысли, 2009. – 696 с.
30. Документы к Чигиринскому делу // Былое. – 1906. – № 12. – С. 257–261.
31. Записка графа К.И. Палена. Успехи революционной пропаганды в России // Дейч Л.Г. Социалистическое движение начала 70-х годов в России. – Ростов: «Буревестник», 1928. – С. 46.
32. Засулич В.И. Воспоминания / В.И. Засулич. – М.: Изд-во Всес. об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1931. – 159 с.
33. «Земля и Воля». Социально-революционное обозрение. – Берлин: Изд-во Гуго Штейнца, 1904. – 152 с.
34. Иванчин-Писарев А.И. Хождение в народ / А.И. Иванчин-Писарев. – М.-Л.: Молодая гвардия, 1929. – 451 с.
35. Из архива П.Б. Аксельрода. – Берлин: Русский революционный архив, 1924. – 255 с.
36. Из архива П.Б. Аксельрода / вып. 1: 1880–1892 гг. – М.: Памятники исторической мысли, 2006. – 572 с.
37. Из истории «Земли и воли» и «Народной воли». Споры о тактике / Сб. документов. – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012. – 751 с.
38. Из писем и показаний декабристов. – СПб.: М.В. Пирожков, 1906. – 196 с.
39. Клеменц Д.А. Из прошлого / Д.А. Клеменц. – Л.: Колос, 1925. – 181 с.
40. Ковалик С.Ф. Движение 70-х годов по большому процессу / С.Ф. Ковалик // Былое. – 1906. – № 11. – С. 30–73.
41. Ковалик С.Ф. Революционное движение семидесятых годов / С.Ф. Ковалик // Революционеры 1870-х годов. Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. – Л.: Лениздат, 1986. – С. 150–193.

42. Ковалик С.Ф. Революционное движение семидесятых годов и процесс 1930-х. / С.Ф. Ковалик. – М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1928. – 195 с.
43. Кор-ков В. Предтечи «чигиринцев» / В. Кор-ков // Каторга и ссылка. – 1932. – № 6 (91). – С. 201–205.
44. Короленко В.Г. История моего современника / В.Г. Короленко. – Т 1–2. – Л.: Художественная литература, 1976. – 400 с.
45. Короленко В.Г. История моего современника / В.Г. Короленко. – Т. 3–4. – М.: Художественная литература, 1976. – 548 с.
46. Крестьянское движение в России в 1861–1869 гг. Сб. документов. – М.: Мысль, 1952. – 952 с.
47. Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг. . Сб. док-тов / Под. ред. П.А. Зайончковского. – М.: Соцэкгиз, 1968. – 612 с.
48. Кропоткин П.А. Записки революционера / П.А. Кропоткин. – М.: Мысль, 1990. – 527 с.
49. Кулябко-Корецкий Н.Г. Из давних лет / Н.Г. Кулябко-Корецкий // Историко-революционная библиотека. – М.: Изд-во Всес. об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1931. – 202 с.
50. Лавров П.Л. Философия и социология / П.Л. Лавров // Избранные произведения. – М: Мысль, 1965. – 2 т.
51. Лавров П.Л. Народники–пропагандисты 1873–1878 годов / П.Л. Лавров. – Л.: Колос, 1925. – 286 с.
52. Любатович О.С. Далёкое и недавнее / О.С. Любатович. – М.: Изд-во Всес. об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1930. – 144 с.
53. Матеріали до історії селянських революційних рухів на чигиринщині (1875–1879 рр.). – Харків, 1934. – 440 с.
54. Морозов Н.А. Повести моей жизни. Мемуары: в 2 т. / Н.А. Морозов. – М.: Наука, 1965. – 2 т.

55. «Народная Воля» и «Чёрный передел»: воспоминания участников революционного движения в Петербурге 1879–1882 гг. – Л.: Лениздат, 1989. – 406 с.
56. Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма / В.Д. Новицкий. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 254 с.
57. Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания / И.И. Петрункевич // Архив русской революции. – М.: Терра, 1993. – Т.21. – 472 с.
58. Письмо С.М. Кравчинского – П.Л. Лаврову // Былое. – 1912. – № 14. – С. 52–63.
59. Плеханов Г. В. Предисловие к русскому изданию А. Туна «История революционного движения в России» / Г.В. Плеханов // Собр. соч. – Т. XXIV. – М.-Л.: Госиздат, 1927. – С. 123–124.
60. Плеханов Г. В. Г-жа Брешковская и Чигиринское дело / Г.В. Плеханов // Собр. соч. – Т. XII. – М.-Л.: Госиздат, 1923. – С. 351–357.
61. Попов М.Р. Записки землевольца / М.Р. Попов. – М.: Изд-во Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. – 513 с.
62. Прибылева-Корба А.П. и Фигнер В.Н. Народоволец А.Д. Михайлов / А.П. Корба, В.Н. Фигнер. – Л.-М.: Гос.Изд-во, 1925. – 230 с.
63. Революционеры 1870-х гг. Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. – Л.: Лениздат, 1986. – 437 с.
64. Революционная журналистика семидесятых годов / Под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). – Ростов-на-Дону: Тип. Донская речь, 1907. – 312 с.
65. Революционное народничество / Сб. документов и материалов: в 2 т. / Под ред. С.С. Волка. – М.-Л.: Наука, 1964–1965. – 2 т.
66. Революционное народничество 70-х годов XIX века / Сб. материалов: в 2 т. / Т. 1. Революционное народничество 70-х годов XIX века: 1870–1875 гг. – М.: Наука, 1964. – 530 с.
67. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация. – М.: Археогр. центр, 1997. – 570 с.

68. Розен А.Е. Записки декабриста / А.Е. Розен. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984. – 480 с.
69. Синегуб С.С. Воспоминания чайковца / С.С. Синегуб // Былое. – 1906. – № 9. – С. 98–136.
70. Степняк-Кравчинский С. М. Андрей Кожухов; Домик на Волге; Биографии / С. М. Степняк-Кравчинский // Собр. соч.: в 2 т. – Т.2. – М.: Худож. лит., 1987. – 464 с.
71. Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. Подпольная Россия / С.М. Степняк-Кравчинский // Собр. соч.: в 2 т. – Т.2. – М.: Худож. лит., 1987. – 575 с.
72. Стефанович Я.И. Дневник карийца / Я.И. Стефанович. – Спб.: Новый мир, 1906. – 168 с.
73. Стефанович Яков. Наши задачи в селе (письмо в «Общину») / Я. Стефанович // Община. Социально-революционное обозрение. – Париж, 1878. – № 8–9. – С. 33–38.
74. Тихомиров Л.А. Воспоминания / Л.А. Тихомиров. – М.: Гос. Публ. Ист. б-ка России, 2003. – 617 с.
75. Тихомиров Л.А. Тени прошлого / Л.А. Тихомиров. – М.: Издательство журнала «Москва», 2000. – 720 с.
76. Тюремная пытка в России // Вперед. Непериодическое обозрение. – Т. V. – Лондон, 1877.
77. Тютчев Н.С. К характеристике Я.В. Стефановича / Н.С. Тютчев // Былое. – 1921. – № 16. – С. 210–218.
78. Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Воспоминания: в 2 т. / В.Н. Фигнер. – Т. 1. – М.: Мысль, 1964. – 439 с.
79. Фроленко М. Ф. Побег Дейча, Стефановича и Бохановского / М.Ф. Фроленко. – М.: Издательство Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1924. – 16 с.
80. Фроленко М.Ф. Автобиография / М.Ф. Фроленко // Деятели СССР и революционного движения России. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – С. 263–271.

81. Фроленко М.Ф. Движение 70-х гг. / М.Ф. Фроленко // Избранное. – М.: Издательство Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М., 1932. – 2 т.
82. Фроленко М.Ф. Записки семидесятника / М.Ф. Фроленко. – М.: Изд-во Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1927. – 339 с.
83. Хроника социалистического движения в России 1878–1887 гг. Официальный отчет. – М.: 1906. – 363 с.
84. Чарушин Н.А. О далёком прошлом / Н.А. Чарушин. – М.: Мысль, 1973. – 407 с.
85. «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. / Памятники агитационной литературы. – Т. 1. – М.; Пг.: Государственное издательство, 1923. – 355 с.
86. Чигиринское дело (По официальным источникам) // Киевлянин. – 1877. – № 95, 96, 97, 98.
87. Чудновский С.Л. Из дальних лет (отрывки воспоминаний 1869–1872 гг.) / С.Л. Чудновский // Былое. – 1907. – № 10. – С. 218–241.
88. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем / А.Н. Энгельгардт. – М.: Мысль, 1999. – 639 с.
89. Я.С. Чигиринское дело. Крестьянское общество «Тайная Дружина» (Опыт революционно-народной организации) // Памятники агитационной литературы. – Т. 1. – М.; Пг.: Государственное издательство, 1923. – С. 141–214.

2. Неопубликованные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонды:

Ф. 112. (Особое Присутствие Правительствующего Сената) Д. 473; Д. 474; Д. 275; Д. 476; Д. 477.

Ф. 109. (Третье отделение. Е.И.В. канцелярии). Д. 262; Д. 641; Д. 144.

Ф. 533. (Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев). Д. 1287.

Государственный архив в г. Тобольске (ГБУТО ГА). Фонды:

Ф.И. 152. («Дело о розыске бежавших из Киевской тюрьмы государственных преступников Дейча, Стефановича, Бохановского и надзирателя С. Тихонова») Д. 81.

Центральний державний історичний архів України у м. Києві (ЦДІАК України).

Фонды:

Ф. 274. (Киевское губернское жандармское управление) Оп. 1. Ед. хр. 157.

Ф. 442. (Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор) Д. 47.; Д. 328.

3. Литература

90. Актуальные проблемы теории истории / Материалы круглого стола // Вопросы истории. – 1994. – № 6. – С.45–104.

91. Александр Дж. Т. Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773–1775 гг. / Дж. Т. Александр. – Уфа: ИП Галиуллин Д.А., 2011. – 164 с.

92. Александр Дж. Т. Российская власть и восстание под предводительством Емельяна Пугачева / Дж. Т. Александр. – Уфа: ИП Галиуллин Д.А., 2012. – 240 с.

93. Альтман И.А. Советская историография революционного народничества 80-х - начала 90-х годов XIX в. / И.А. Альтман // Общественная мысль России XIX в. – Л.: Наука, 1986. – С. 202–214.

94. Андреев И.Л. Анатомия самозванчества / И.Л. Андреев // Наука и жизнь. – 1999. – № 10. – С. 110–118.

95. Андреев И.Л. Испытание властью // Бремя власти: сборник статей. – М.: Дрофа, 2008. – С. 383–456.

96. Андреев И.Л. Самозванство и самозванцы на Руси / И.Л. Андреев // Знание – сила. – 1995. – № 8. – С. 47–56.

97. Антонов В.Ф. Народничество в России : утопия или отвергнутые возможности / В.Ф. Антонов // Вопросы истории. – 1991. – № 1. – С. 5–19.

98. Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 / А.М. Анфимов. – М.: Наука, 1984. – 232 с.;
99. Ашешов Н.П. А.И. Желябов / Н.П. Ашешов. – Пг.: Изд-во Петроградского совета рабочих и крестьянских депутатов, 1919. – 161 с.
100. Базанов В.Г. К вопросу о фольклоре и фольклористике в годы революционной ситуации в России / В.Г. Базанов. // Русский фольклор. –Т. VII – М.-Л.: АН СССР. ИРЛИ (Пушкинский дом), 1962. – С. 189 – 216.
101. Балагуров А.Я. Кижское восстание 1769–1771 гг. / А.Я. Балагуров. – Петрозаводск: Карельское книжное изд-во, 1969. – 96 с.
102. Барриве Л.Е. Освободительное движение в царствование Александра II . Исторические очерки / Л.Е. Барриве. – М.: Типография Русского Товарищества, 1909. – 180 с.
103. Батурич Н.Н. О наследстве "русских якобинцев" / Н.Н. Батурич // Пролетарская революция. – 1924. – № 7. – С. 82–89.
104. Безгин В.В. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века) / В.В. Безгин. – М.; Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2004. – 304 с.
105. Бескова И.А. Проблема соотношения ментальности и культуры / И.А. Бескова // Когнитивная эволюция и творчество. – М.: ЦОП Института философии РАН, 1995. – С. 122–162.
106. Биллингтон Дж. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры / Дж. Биллингтон. – М.: Издательство Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино, 2001. – 880 с.
107. Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть. Шляхта и народ на Правобережной Украине (1793 – 1914) / Д. Бовуа. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 1008 с.
108. Богданович Т.А. «Хождение в народ»: Н.В. Чайковский. С. Синегуб. А. Долгушин. Н.А. Морозов. Лукашевич / Т.А. Богданович. – Пг.: Новая Россия, 1919. – 64 с.
109. Богучарский В.Я. Активное народничество 70-х гг. / В.Я. Богучарский. – М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1912. – 384 с.

110. Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-х – 80-х гг. XIX в. Партия "Народная Воля", её происхождение, судьбы и гибель / В.Я. Богучарский. – М.: Изд-во "Русская Мысль", 1912. – 483 с.
111. Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века / В.Е. Вальденберг. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. – 368 с.
112. Вахрушев И.С. Очерки истории русской революционно-демократической печати 1873-1886 г. / И.С. Вахрушев. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1980. – 232 с.
113. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: Пер. с англ. – М.: Прогресс–Академия, 1992. – 432 с.
114. Гернет М.Н. История царской тюрьмы / М.Н. Гернет. – Т. 3 (1870–1900). – М.: Госюриздат, 1952. – 345 с.
115. Гинев В.Н. Народническое движение на Среднем Поволжье 70-е гг. XIX в. / В.Н. Гинев. – М.-Л.: Наука, 1966. – 155 с.
116. Глинский Б. Б. Революционный период русской истории (1861–1881). Исторические очерки / Б.Б. Глинский. – Спб.: Тип. Т-ва А.С. Суворина, 1913. – 528 с.
117. Гордин Я.А. События и люди 14 декабря. Хроника / Я.А. Гордин. – М.: Советская Россия, 1985. – 288 с.
118. Гордон А.В. Крестьянские восстания в Китае XVII–XIX вв. Методологические проблемы изучения крестьянских движений в новейшей западной историографии / А.В. Гордон. – М.: ИНИОН, 1984. – 93 с.
119. Гордон А.В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность / А.В. Гордон. – М.: Наука, 1989. – 219 с.
120. Гросул В.Я. Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине XIX века / В.Я. Гросул. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2001. – 408 с.
121. Гросул В.Я. Революционная Россия и Балканы (1874–1883) / В.Я. Гросул. – М.: «Наука», 2001. – 334 с.

122. Гросул В.Я. Российская революционная эмиграция на Балканах в 1883–1895 гг. / В.Я. Гросул. – М.: Мысль, 1988. – 294 с.
123. Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки / А.Я. Гуревич // Вопросы истории. – 1991. – № 2–3. – С.21–36.
124. Гурьянова Н.С. Монарх и общество: к вопросу о народном варианте монархизма / Н.С. Гурьянова // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 126–148.
125. Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 22–39.
126. Деятели СССР и революционного движения России / Энциклопедический словарь "Гранат". – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 832 с.
127. Добровольский Л.М. Запрещённая книга в России. 1825–1904 г. / Л.М. Добровольский. – М.: Изд-во Всес. книжной палаты, 1962. – 254 с.
128. Доманский Л.В. Освободительное движение первой четверти XIX века в народном творчестве /Л.В. Доманский // Русское народное поэтическое творчество. – Т. II. Книга 1. – М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – С.282–307.
129. Домников С.Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество / С.Д. Домников. – М.: Алетейа, 2002. – 671 с.
130. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева / Н.М. Дружинин. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958–1946. – 2 т.
131. Дружинин Н.М. Революционное движение в России в XIX в.: Избранные труды / Н.М. Дружинин. – М.: Наука, 1985. – 488 с.
132. Дьяков В.А. Освободительное движение в России, 1825–1861 / В.А. Дьяков. – М.: Мысль, 1979. – 288 с.
133. Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры / В.М. Живов. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 758 с.
134. Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Б.А. Успенский. Избранные труды. – Т. 1:

- Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: Языки славянской культуры, 1996. – С. 205–337.
135. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. / П.А. Зайончковский. – М.: Изд-во МГУ, 1964. – 511 с.
136. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России / П.А. Зайончковский. – М.: Просвещение, 1968. – 368 с.
137. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия / П.А. Зайончковский. – М.: Мысль, 1970. – 444 с.
138. Захарина В.Ф. Голос революционной России. Литература революционного подполья 70-х годов XIX века / В.Ф. Захарина. – М.: Мысль, 1971. – 238 с.
139. Зверев В.В. «Листая следственное дело...»: Г.П. Сазонов и несостоявшаяся провокация подполковника Г.П. Судейкина / В.В. Зверев // Ежегодник историко-антропологических исследований. – М.: РУДН, 2010. – С. 288–303.
140. Зверев В. В. Русское народничество: учебное пособие / В.В. Зверев. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – 286 с.
141. История и историки. Историография истории СССР. – М.: Наука, 1965. – 467 с.
142. Итенберг Б.С. Движение революционного народничества. Народнические кружки и "хождение в народ" в 70-х годах XIX в. / Б.С. Итенберг. – М.: Наука, 1965. – 443 с.
143. Итенберг Б.С. Лавров П.Л. в русском революционном движении / Б.С. Итенберг. – М.: Наука, 1988. – 302 с.
144. Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX века / П.С. Кабытов. – Самара: Изд-во «Самарский университет, 1999. – 154 с.
145. Канищев В.В. Русский бунт – бессмысленный и беспощадный / В.В. Канищев. – Тамбов: Тамбовский государственный университет, 1995. – 162 с.
146. Карпачёв М.Д. Истоки российской революции / М.Д. Карпачев. – М.: Мысль, 1991. – 269 с.
147. Карпачев М.Д. О правосознании воронежской деревни на рубеже XIX–XX вв. // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления / под.

- ред. М.Д. Карпачева, М.Д. Долбилова, А.Ю. Минакова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003. – С. 255-264.
148. Карпачев М.Д. Общественно-политическая мысль пореформенной эпохи // Очерки русской культуры XIX века. – М. Изд-во МГУ, 2003. – С. 197–398.
149. Кислицына И.Л. Бакунизм на юге России (70-е гг. XIX века) / И.Л. Кислицына. – Владивосток: ДВО РАН, 1992. – 205 с.
150. Ковальский Ю. Русская революционная демократия и январское восстание 1863 года в Польше / Ю. Ковальский. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. – 316 с.
151. Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX вв. / И.Д. Ковальченко. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 504 с.
152. Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России / Б.П. Козьмин. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 767 с.
153. Козьмин Б.П. Казанский заговор 1863 года / Б.П. Козьмин. – М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1929. – с.
154. Кор-ков В. Предтечи «чигиринцев» / В. Кор-ков // Каторга и ссылка. – 1932. – № 6 (91). – С. 201–205.
155. Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II (1855–1881). Исторические очерки / А.А. Корнилов. – М.: Тов. Тип. А.И. Мамонтова, 1909. – 263 с.
156. Крестьянское движение 1861 г. после отмены крепостного права. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Ч. 1–2. – 368 с.
157. Левин Ш.М. Общественное движение в России в 60–70-е гг. XIX в. / Ш.М. Левин. – М.: Соцэкгиз, 1958. – 512 с.
158. Левин Ш.М. Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая пол XIX – начало XX века / Ш.М. Левин. – Л.: Наука, 1974. – 442 с.
159. Левицкий В.М. Партия "Народная Воля". Возникновение. Борьба. Гибель / В.М. Левицкий. – М.-Л.: Госиздат, 1928. – 211 с.

160. Лейкина-Свирская В.Р. «Казанский заговор» 1863 г. / В.Р. Лейкина-Свирская // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – С. 423–449.
161. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века / В.Р. Лейкина-Свирская. – М.: Мысль, 1971. – 368 с.
162. Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Изд. 5. – М.: Изд-во политической литературы, 1967–1981. – Т. 16. – С. 193–413.
163. Ленин В.И. Новая аграрная политика / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Изд. 5. – М.: Изд-во политической литературы, 1967–1981. – Т. 16. – С. 422–426.
164. Ленин В.И. Памяти Герцена / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Изд. 5. – М.: Изд-во политической литературы, 1967–1981. – Т. 21. – С. 255–262.
165. Летопись жизни и творчества А.И. Герцена. 1851 – 1858. – Т. 2. – М.: Наука, 1976. – 485 с.
166. Лещенко М.Н. Класова боротьба в українському селі в епоху домоноплістичного капіталізму (60–90 рр. XIX ст.) / М.Н. Лещенко. – Киев.: Наукова думка, 1970. – 304 с.
167. Литвак Б.Г. О некоторых чертах психологии русских крепостных крестьян первой половины XIX в. / Б.Г. Литвак // История и психология. – М.: Наука, 1971. – С. 199–214.
168. Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива / Б.Г. Литвак. – М.: Политиздат, 1991. – 300 с.
169. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 447 с.
170. Лурье Ф.М. Нечаев: созидатель разрушения / Ф.М. Лурье. – М.: Молодая гвардия, 2001. – 434 с.
171. Мавродин В.В. Советская историческая наука о крестьянских войнах в России // Смирнов И.И. Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. – М.-Л.: Наука, 1966. – С. 292–327.

172. Мауль В.Я. Архетипы русского бунта XVIII столетия / В.Я. Мауль // Русский бунт. – М., 2007. – С. 255–446.
173. Мауль В.Я. Волнения крестьян Чигиринского уезда Киевской губернии в 1870-е гг. (по материалам Государственного архива Российской Федерации) / В.Я. Мауль // Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 16–17 октября 2015 г.). – Ростов-на-Дону, 2015. – С. 123–128.
174. Мауль В.Я. Заговор от имени царя (о некоторых чертах психологии Чигиринских крестьян) / В.Я. Мауль // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы / Материалы IV научно–практической конференции. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманитарн. ун-та, 2015. – Ч.1. – С. 251–254.
175. Мауль В.Я. Имя-Образ императора Петра III в механизме культурной идентификации переходной эпохи (по материалам Пугачевского бунта) / В.Я. Мауль // Проблемы истории культуры. – Нижневартовск, 2005. – Вып. – 2. С. 178–187.
176. Мауль В.Я. Ложное эхо «Чигиринского заговора» в судьбе обер-кондуктора Чайковского / В.Я. Мауль // Новый исторический вестник. – 2014. – № 4 (42). – С. 114–126.
177. Мауль В.Я. Русский бунт как поиск традиционной идентичности (историографические и методологические заметки) / В.Я. Мауль // Клио. – 2005. – № 1 (28). – С. 17–25.
178. Мауль В.Я. Самозванные цари и царевичи в социокультурной ретроспективе русского бунта (до пугачевского восстания) / В.Я. Мауль // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной информации. – 2005. – № 40. – С. 5–43.
179. Мауль В.Я. Смеховое зазеркалье пугачевского бунта: опыт интеллектуальной рефлексии / В.Я. Мауль // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной информации. – 2005. – № 40. – С. 64–107.

180. Мауль В.Я. Харизма и бунт: психологическая природа народных движений в России XVII–XVIII веков / В.Я. Мауль. – Томск: Издательство Томского университета, 2003. – 217 с.
181. Медик Х. Микроистория / Х. Медик // Thesis: теория и история экономических и социальных институтов и систем. Альманах. М., 1994. – Вып. 4. – С. 193–202.
182. Милевский О.А. Ирландский фактор в русском освободительном движении 1860–1880-х гг.: к постановке проблемы / О.А. Милевский // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2014. – № 4 (25). – С. 80–83.
183. Милевский О.А. «Народная воля» в зеркале современной российской историографии / О.А. Милевский // Преподавание истории в школе. – 2013. – № 2. – С. 70–73.
184. Милевский О.А. «Пропаганда действием» в тактических построениях революционеров-бакунистов в середине 1870-х гг. / О.А. Милевский // Василий Федорович Антонов. Памяти учителя: воспоминания и статьи. – М., 2015. – С. 109–125.
185. Минаков А.Ю. У истоков левого терроризма: С.Г. Нечаев и нечаевское дело // Власть и общественное движение в России имперского периода / под ред. М.Д. Карпачева (ответственный редактор), М.Д. Долбилов, А.Ю. Минаков, Г.Н. Мокшина. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. – С.174–352.
186. Мицик Ю.А. Чигирин – гетьманска столиця / Ю.А. Мицик. – Киев: Издательский дом «Киево-Могилянская академия», 2007. – 385 с.
187. Мицкевич С.И. Русские якобинцы / С.И. Мицкевич // Пролетарская революция. – 1923. – № 6–7. – С. 3–26.
188. Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории / Б.Г. Могильницкий. – М.: Высшая школа, 1989. – 174 с.
189. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века. Историографическая революция. Курс лекций / Б.Г. Могильницкий. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2008. – 554 с.

190. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века. Кризис историзма. Курс лекций / Б.Г. Могильницкий. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. – 206 с.
191. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века. Становление «новой исторической науки». Курс лекций / Б.Г. Могильницкий. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. – 178 с.
192. Мокшин Г.Н. Концепция «народа» в социально-революционной доктрине русского народничества / Г.Н. Мокшин // Вестник ВГУ. – 2005. – № 1. – С.358–367.
193. Мокшин Г.Н. Крестьянский монархизм в интерпретации М.А. Бакунина / Г.Н. Мокшин // Вестник ВГУ. – 1998. – № 1. – С. 162–167.
194. Мокшин Г.Н. О влиянии бакунизма на становление идеологии крайне правого народничества (юзовщины) // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2015. Т. 6. Выпуск 3 (36) [Электронный ресурс], Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/207987840001011-1-1/> DOI: 10.18254/S0001011-1-1.
195. Мыльников А.С. Самозванчество в контексте просвещенного абсолютизма (О модификации просветительской идеологии в народной культуре) / А.С. Мыльников // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. – М., 1995. – С. 25–26.
196. Народники в истории России / Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 3. – Воронеж: Изд-во «Истоки». 2013. – 300 с.
197. Невелев Г.А. Андрей Евгеньевич Розен и его «Записки декабриста» / Г.А. Невелев // Розен А.Е. Записки декабриста. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984. – С. 2–57.
198. Невский В.И. От "Земли и Воли" к группе "Овобождение труда" / В.И. Невский. – М.: Изд-во Всес. об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1930. – 553 с.
199. Нечкина М.В. Декабристы / М.В. Нечкина. – М.: Наука, 1982. – 183 с.

200. Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России / И.В. Оржеховский. – М.: Мысль, 1982. – 173 с.
201. Освободительное движение в России: современный взгляд на вещи или приверженность традициям? «Круглый стол» // Отечественная история. – 1999. – № 1. – С. 3–18.
202. Пайпс Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. – М.: "Независимая газета", 1993. – 421 с.
203. Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России: 1783–1883 гг. / И.К. Пантин, Е.Г. Плимак, В.Г. Хорос. – М.: Мысль, 1986. – 343 с.
204. Паскаль П. Пугачевский бунт / П. Паскаль. – Уфа: ИП Галиуллин Д.А., 2010. – 183 с.
205. Пелевин Ю.А. А.Д. Михайлов о Липецком съезде и Программе ИК "Народной Воли" / Ю.А. Пелевин // Советский архив. – 1982. – № 5. – С.72–74.
206. Пелевин Ю.А. «Хождение в народ» 1874–1875 гг. / Ю.А. Пелевин // Вопросы истории. – 2013. – № 4. – С. 64–98; – № 5. – С. 83–99; – № 6. – С. 38–51.
207. Пелевин Ю.А. «Южные бунтари» и «Чигиринский заговор» / Ю.А. Пелевин // Российская история. – 2014. – № 1. – С. 130–150.
208. Перрис Д. Пионеры русской революции / Д. Перрис. – Спб., 1906. – 152 с.
209. Першина З.В. Очерки истории революционного движения на юге Украины / З.В. Першина. – Киев: «Вища школа», 1975. – 230 с.
210. Пирумова Н.М. Александр Герцен – революционер, мыслитель, человек / Н.М. Пирумова. – М.: Мысль, 1989. – 254 с.
211. Пирумова Н.М. Общественное движение в России XIX в. / Н.М. Пирумова. – М.: Наука, 1986. – 219 с.
212. Пирумова Н.М. Социальная доктрина М.А. Бакунина / Н.М. Пирумова. – М.: Наука, 1990. – 318 с.
213. Побережников И.В. Крестьянское правосознание и волнения на Урале в середине XVIII в. / И.В. Побережников // Власть, право и народ Урала в эпоху феодализма. – Свердловск, 1991. – С. 119–126.

214. Пойда Д.П. Крестьянское движение в Правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.) / Д.П. Пойда. – Днепропетровск: [б.и.], 1960. – 484 с.
215. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке / М.Н. Покровский. Избранные произведения. – Кн. 3. – М.: Мысль, 1967. – 671 с.
216. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен / М.Н. Покровский. Избранные произведения. – Кн. 2. – Т. III–IV. – М.: Мысль, 1965. – 664 с.
217. Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 543 с.
218. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история / Л.П. Репина. – М.: Изд-во ЛКИ. 2009 – 320 с.
219. Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова / А.В. Репников, О.А. Милевский. – М.: Academia, 2011. – 558 с.
220. Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении / Н.А. Рожков. – М.-Л.: Книга, 1928. – Т.7. – 450 с.
221. Рудницкая Е.Л. А.И. Герцен. Начало революционной пропаганды (К 175-летию со дня рождения) / Е.Л. Рудницкая // Исторические записки. – М.: Наука, 1988. – Т. 116. – С.
222. Рудницкая Е.Л. Русский радикализм / Е.Л. Рудницкая // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. – М.: «Археографический центр», 1997. – С. 7–22.
223. Рудько М.П. Революційні народники на Україні (70-ті роки XIX ст.) / М.П. Рудько. – Киев: Вид-во Київ ун-ту, 1973. – 208 с.
224. Савков В.В. «От бунтарства к реформизму»: наброски к портрету В.К. Дебогория-Мокриевича / В.В. Савков / Эхо. – Москва, 1999. – С.83–84.
225. Самуэль Х. Бэрн. Г.В. Плеханов – основоположник русского марксизма / Х. Бэрн Самуэль. – Спб.: Наука, 1998. – 494 с.
226. Седов М.Г. Героический период революционного народничества / М.Г. Седов. – М.: Мысль, 1966. – 364 с.

227. Седов М.Г. Рец. на кн. "Лавров П. – годы эмиграции" / М.Г. Седов // Вопросы истории. – 1977. – № 7. – С.196–199.
228. Сенченко О.С. Чигиринські події 1870-х років // Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.) / О.С. Сенченко. – Харків: Видання Центрального Архівного Управління УСРР, 1934. – С.3–14.
229. Серебряков Е.А. Очерк по истории «Земли и Воли» / Е.А. Серебряков. – СПб.: Общественный труд, 1906. – 126 с.
230. Славянские древности: этнолингвистический словарь. – М.: Международные отношения, 1995. – Т. 2. – 575 с.
231. Соловьев В.М. Актуальные вопросы изучения народных движений (Полемические заметки о крестьянских войнах в России) / В.М. Соловьев // История СССР. – 1991. – № 3. – С. 130–145.
232. Сухотина Л.Г. Проблемы русской революционной демократии в современной английской и американской историографии / Л.Г. Сухотина. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983. – 230 с.
233. Таратута Е.А. Подпольная Россия. Судьба книги С.М. Степняка-Кравчинского / Е.А. Таратута. – М.: Книга, 1967. – 271 с.
234. Таратута Е.А. Степняк-Кравчинский С.М. – революционер и писатель / Е.А. Таратута. – М.: Художественная литература, 1973. – 543 с.
235. Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование / С.С. Татищев. – М.: АСТ Транзиткнига, 2006. – 1006 с.
236. Твардовская В.А. Кризис «Земли и воли» в конце 70-х годов / В.А. Твардовская // История СССР. – 1959. – № 4. – С. 60–74.
237. Твардовская В.А. Н. А. Морозов в русском освободительном движении / В.А. Твардовская. – М.: Наука, 1983. – 189 с.
238. Твардовская В.А. Социалистическая мысль в России на рубеже 1870–1880 гг. / В.А. Твардовская. – М.: Наука, 1969. – 240 с.
239. Терехова С.А. Влияние «Чигиринского заговора» на программно-тактические построения народнической организации «Черный передел» / С.А. Те-

рехова // Исторический журнал: научные исследования. – 2015. – № 6(30) – С. 717–726.

240. Терехова С.А. Использование идеи «народного монархизма» в практике декабристов / С.А. Терехова // Культура, Наука, Образование: проблемы и перспективы / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманитарн. ун-та, 2014. – С. 100–102.

241. Терехова С. А. Из истории аграрного движения в Чигиринском уезде Киевской губернии в нач. 70-х гг. XIX в.: крестьянский вожак Ф.Д. Прядко / С.А. Терехова // Культура, Наука, Образование: проблемы и перспективы / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманитарн. ун-та, 2013. – С. 69–71.

242. Терехова С.А. К вопросу об истоках «Чигиринского заговора»: крестьянское движение в Чигиринском уезде Киевской губернии в начале 70-х гг. XIX в. / С.А. Терехова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2013. – № 4 (25). – С. 94–99.

243. Терехова С. А. Мистификация и революция: «константиновская легенда» в тактических построениях русских революционеров XIX в. / С.А. Терехова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2014. – № 4(31). – С. 77–87.

244. Терехова С.А. Социально-экономическая тематика в народовольческой публицистике Льва Тихомирова: 1879 – 1881 гг. / С.А. Терехова // Культура, Наука, Образование: проблемы и перспективы / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманитарн. ун-та, 2012. – С. 69–71.

245. Терехова С.А. «Чигиринский заговор» в оценках революционной печати 1878–1880-х гг. // Новое слово в науке: перспективы развития: материалы VI Международной научно-практической конференции. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – № 4 (6) – С. 36 – 38.

246. Ткаченко П.С. Революционная народническая организация "Земля и Воля" / П.С. Ткаченко. – М.: Высшая школа, 1961. – 296 с.

247. Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг. / Н.А. Троицкий. – М.: Мысль, 1978. – 335 с.
248. Троицкий Н. А. Крестonosцы социализма / Н.А. Троицкий. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2002. – 370 с.
249. Троицкий Н.А. Первые из блестящей плеяды (Большое общество пропаганды 1871–1874 гг.) / Н.А. Троицкий. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1991. – 307 с.
250. Троицкий Н.А. Процесс 17-ти / Н.А. Троицкий // Советское государство и право. – 1983. – № 6. – С.99–108.
251. Троицкий Н.А. Россия в XIX веке. Курс лекций / Н.А. Троицкий. – М.: Высшая школа, 1997. – 432 с.
252. Троицкий Н.А. Русское революционное народничество 1870-х годов (история темы): Пособие к спецкурсу для студентов истфака / Н.А. Троицкий. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. – 97 с.
253. Троицкий Н.А. Сказания о правде и кривде в исторической науке / Н.А. Троицкий. – Спб.: Полторацк, 2013. – 186 с.
254. Троицкий Н.А. Софья Львовна Перовская. Жизнь. Личность. Судьба / Н.А. Троицкий. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2014. – 456 с.
255. Троицкий Н.А. Царизм перед судом прогрессивной общественности. 1866–1895 гг. / Н.А. Троицкий. – М.: Мысль, 1979. – 350 с.
256. Троицкий Н.А. Царские суды против революционной России: политические процессы 1871–1880 гг. / Н.А. Троицкий. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1976. – 408 с.
257. Тун А. История революционных движений в России / А. Тун. – Пг.: Государственное издательство, 1920. – 282 с.
258. Улам Адам. Большевики. Причины и последствия переворота 1917 года / А.Б. Улам. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 510 с.
259. Усенко О.Г. К определению понятия «менталитет» / О.Г. Усенко // Российская ментальность: методы и проблемы изучения (Мировосприятие и самосознание русского общества). – Вып. 3. – М., 1999. – С. 23–77.

260. Усенко О.Г. Монархическое самозванчество в России в 1762–1800 гг. (Опыт системно-статистического анализа) / О.Г. Усенко // Россия в XVIII столетии. – Вып. 2. – М., 2004. – С. 290–353.
261. Усенко О.Г. Новые данные о монархическом самозванчестве в России второй половины XVIII века / О.Г. Усенко // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2005. – С. 74–75.
262. Усенко О.Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков: в 3 ч. / О.Г. Усенко. – Тверь: Изд-во ТГУ, 1994–97. – 3 ч.
263. Успенский Б.А. Избранные труды: в 3 т. / Б.А. Успенский. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 3 т.
264. Успенский Б.А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Б.А. Успенский. Избранные труды. – Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: Языки славянской культуры, 1996. – С. 142–183.
265. Филд Д. Размышления о наивном монархизме в России от эпохи Пугачева до революции 1905 г. / Д. Филд // Экономическая история. Обзорение. – Вып. 8. – М., 2002. – С. 110–115.
266. Филиппов Р.В. Из истории народнического движения на первом этапе «хождения в народ» / Р.В. Филиппов. – Петрозаводск: Карел кн. изд-во, 1967. – 318 с.
267. Фурсов В.Н., Перепелицын А.В., Плотникова Л.И. Социальная психология и пореформенная крестьянская повседневность // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2012. – № 1 (120). – Вып. 21. – С. 139–144.
268. Циллиакус К. Революционная Россия. Возникновение и развитие революционного движения в России / К. Циллиакус. – СПб.: Тип. В.И. Яковенко, 1906. – 295 с.
269. Черепнин Л.В. Об изучении крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. (К теории проблемы) / Л.В. Черепнин // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. – М., 1974. – С. 5–25.

270. Чернов С.Н. Слухи 1825–1826 гг. / С.Н. Чернов // С.Ф. Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности: сб. статей. – Л.: Изд-во АН СССР, 1934. – С. 565–584.
271. Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд) / К.В. Чистов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 538 с.
272. Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII – XIX вв. / К.В. Чистов. – М.: Наука, 1967. – 341 с.
273. Шишко Л.Э. Общественное движение в шестидесятых и первой половине семидесятых годов / Л.Э. Шишко. – М.: Государственное издательство, 1920. – 91 с.
274. Venturi Franco. Roots of revolution: A history of the populists and socialist movements in nineteenth century Russia. – New York: Crosset Dunlap, 1966. – 854 p.
275. Avrich P. Russian Rebels 1600–1800. – N.Y., 1972. – 308 p.
276. Blum J. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to Nineteenth Century. – Princeton, 1971. – 688 p.
277. Perrie M. Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: The False Tsars of the Time of Troubles. – Cambridge, 1995. – 269 p.

Копия
Синдическая

179

Государственный верховный

Височайший

Манифест

Възвращенный крестьяне!

С вступленіемъ къ концу Государства Нашего совершивъ симъ манифестомъ драгого намъ Крестьянства на тысячелѣтнія утѣпленія и покой бравадебнаго симъ дворянства. Мы же и мы въ самомъ вступленіи Нашего на Престолъ Имперіи Россійской старались умирить повоинне Ваше. Вопреки желанію всего дворянства, Высочайшимъ Манифестомъ 19 Февраля 1861 года Мы освободили Васъ отъ крѣпостной зависимости и даровали Вамъ всю землю безъ всякаго за ней платежа, а также леса и стѣпныя, и справедливо утѣпленіи принадлежавшіе однимъ дворянамъ. Но волею Наму простерли Мы, какъ на бывшихъ помещицъ,

такъ и на Государственныхъ крестьянъ, изъ коихъ
 послѣднимъ должны были отойти все казенные
 земли и леса; встать сельчанъ, отставныхъ сол-
 датъ и все безземельной слободъ, безъ различія
 въ происхожденіи, повелѣли Мы также надѣлать
 землю, ибо симъ даромъ Господь предоставилъ
 право всякому человеку пользоваться въравной
 имѣть. При этомъ мы объявили рекрутскую по-
 винность: даровали всякому право свободнаго и
 безплатнаго заматія всякими рѣшесами и про-
 сьбами: родными селѣными и вѣлыми дружины.

Мы повелѣли оставить помещикамъ только
 удобныя и такъже количество земли и леса, ка-
 ко придется и всякому бывшему на крѣпост-
 номъ, по равнанию подушному раздѣлу. Такова во-
 ля Наша, объявленная въ Манифестѣ
 19 Февраля 1861. Но въ великашнему огорченію Нашему,
 дворяне воспріяли своимъ исполненію повелѣній
 нашихъ. Они ситро стѣю и обманомъ удержа-
 ли за собою болѣеую и сурѣею часть земли
 всегъ леса и сѣнокосовъ и поляковъ сѣмью и худую

По

и широкую часть оставим вам, при том еще
напомним за одну презыряную выкупную и обратную
материю; упомянуть изъ вас о не даем никакого на
двоя, вот промываем одиакими напомним, выду-
маем земския и другия новинностями; кроме
того недостойный напомним нам, несмотря
на противоречивые нам, в угоду в воям, и
обременит вас ташею рекрутской, все да выде-
ть в шее шить противъ всей силы и твоя
держатъ вас, коихъ скотовъ, в ташею нам
милости. В том то шить нам одиакими
для всей, но как сошлемъ воя нам прав-
да в исполнение не была.

Непрестанная Шинкина барба нам за
вас с барба нам, утвудим нас напомним,
что нам одиакими не вешать пошль вам
шу порю, и что только вы сами шить
свернуть с себя воя нам и освободитъ
с отъ ташею утвудим и не вешать
поборовъ, если одиакими, с другия в
рука, востанитъ противъ не вешать.

всех врагов, и за владение всею землю. Руч-
ководясь сими утверждениями всеми всеми крепостя
нами, а также и сими же, а также и сими же
Нена, а не недостойному Наследнику Ассей
сандрю Александрову, с его союзниками
Дворянами и Великими князьями, - Товиль
всем:

Соединяются в тайную общину именуемую
"Тайная Дружина" с целью тогда подготови-
ся к восстанию против Дворяна, именованна
и всех востануть сособит. Всякий кто готов по-
святить жизнь свою за всея и святое крепостя
ское дело, обязана затеяться на верность
общине тайной Дружины. Все община
должна держатся себя в самой строгой тайне
от Дворяна и казначейства и новы, - сиречь
по большой ерети, сиречь поперек, а не по-
сиречь поперек суда бояря. Ущербов
недолжно шадить, и всякий кто умертвит
предателя, совершит доброе и богоугодное дело.
Товиль всем Тайной Дружины
исполнять наши утвержденные уставы,

21

сохранить твердость и единодушие во всем, и не верить ни потае ни дурманам, которые слышанным обманам и всяким другим способами будут стараться ввести между вами раздор и темь ослабит ваши силы. Вспуганные смерти наших или других могущих произвести несчастия, - Вспуганные нашими друзьями нами не покидают своих вековых грехов и не перестают с мечем в руках бороться с врагами, пока язва их с корнем не исчезнет с Земли Русской.

Когда же священная борба наша с дворянскими детьми и купцами, и с нашими врагами Великими, - с боим помощи увядаете для Вас и бедой, - тогда все земли, с ерсами и снопками, станут нашими, как вода, свет солнечный, и великий другой дара Божий, созданный для человека, не будет повелеваем и назови введенных не наветных дворянства, не будет не наветного вошь дворянства неадекватно, незнание сострадания к нам . . . и возвращает тогда свободу и благоденствие на земли Русской.

Итакъ, остави себѣ крестнаго знаменіи, Православ-
ный народъ, и призови благословеніе Божіе на сво-
яго твоего! Помни, какъ заповѣдь, сіи слова, сказа-
ны тебѣ Царемъ-добродѣтелями нашими!

И подписанъ собственноручно Его Император-
скаго Величества царемъ и государемъ:

«Александръ II.»

О. Митрополитъ.

1875г. Февраля 19 дня

Указание Общества Тамная Дружина

1
 Тамная Дружина, представляющая общество, именуемое Дружина
 мы, имеем своим назначением и подготовлены к вступлению
 против дворян и других высших сословий страны,
 чтобы силою возвратити себя за извращенную или злыню,
 зурнофити по вилетти и палом, введенные дворянскими
 пачаиствами, и восстановити с полнью Волю, какь до
 вас и Его Императорское Величество Государь
 Императоръ Александръ Николаевичъ.

Дружина состоитъ подпоручицъ именованъ сама
 в Государь Императоръ Александръ Николаевичъ
 и пользуется отъ Его Величества поддержкою

2

Всю Дружинную землю Руской загравила
 етъ Советъ Коммисаровъ, который состоитъ
 изъ шестъ человекъ въ званіи Коммисаръ освободен
 ную Грамотою Высшатою изъ Свѣдѣній Его
 Императорскаго Величества Коммисарии

за печатью Св. Синода Государя Императора Алек-
сандра Николаевича

3"

1. Комиссар избирает изъ избранныхъ крест-
анъ наиболее честныхъ, твердыхъ, трезвыхъ, преданныхъ
Государю Императору Александру Николаевичу
и бравадебныхъ воеводъ, - объявляетъ имъ волю
Государя Императора и если они заявятъ готов-
ность служить Святому Неродному Делу, хотя
бы и пришлось умереть за него, тогда представлятъ ихъ
клянуся на верность долгу. После сего первые дру-
жинники немедленно приступаютъ къ вербованью
вышъ числомъ.

2. Комиссаръ доноситъ Его Величеству о ходе
дела дружины

3. Комиссаръ какъ много уполномоченное са-
мимъ Государемъ Александромъ Николаевичемъ,
издаетъ должнейшие заповеди, и таковыя,
утвержденные Св. Синодомъ Комиссаровъ, заперать
оныхъ, обязательны для состоящей подъ его
властью дружины.

173

4. Комиссаръ вноситъ предложение о смертной казни невраговъ дружинниковъ; а въ случаѣ войны немедленно произвести опасность отъ извѣстныхъ или неосторожности пленныхъ; производить такому смертный приговоръ самимъ.

4.

25. Дружинниковъ составляетъ старосты. Старосты во избирать старосту. Вельмишестовый человекъ избираетъ 15 дружинниковъ. Старосты вивены составляетъ старостинскую Ряду; они имеютъ между собою общій кароль; который или избирается на каждаго года Старостинской радой; старостинская рада избираетъ изъ себя атаманана.

Обязанности каждаго члена Дружины.

1. Каждый крестникъ тогда только считается настоящимъ дружинникомъ, когда онъ приметъ присягу на верность отъ всей дружины. Присягать не приходится въ томъ случаѣ, когда некто не обухъ знающаго со дружинниковъ поруганнаго за собою надежностью.

2; Каждый дружителю обязан перестать верить
 вовать похвалу именов в дружищу, держа ее в оторожи
 но и совмещаясь с дружищи дружителю.

3; Дружителю должно жить в мире и согласии
 и всегда помогать друг другу в нужде.

4 Каждый дружителю обязан считать для себя
 туже или ратника, и сохранять его во всякое время
 востанов.

5; Каждый дружителю вносит ежегодно по шесте
 пяти коп. в казну дружищи.

6. Если какие два недружеских отидеть
 отидеть своему старшему отому, то он судится на
 повору дружищи.

7 Дружителю замечивший неверность друга, уде
 лая доносит об этом старшему.

8. Дружителю обязан исполнять приказы своего ста
 ршего.

Обязанности старшего.

1. Староста наблюдает, чтобы дружителю со
 старства могли знать и исполнять обязанности
 свои обязанности.

124

2. Если недовольно отзывается от имени новобранцев, и самих солдат, при двух свидетелях, при возмездии каждаго из них, который, новый член, заранее выписывается от своих поручителей.

3. Если число новобранцев дружинников достигло двадцати пяти, и если по смотру митинга они близки друг к другу; - староста соединяет их в новые старосты, и возбраняет или своею старосте вводит в старостскую роту.

4. Староста внимательно следит за своим старостом в денежные взносы, и доставляет их в старостскую роту.

5. В случае изъятия или дружин старосты староста немедленно дает знать ^{в старостскую} роту.

6. Он сообщает в свою роту о том, что происходит с ним, если время не терпит, но тогда он отбывает за несправедливым распоряжением.

7. Староста избирается раз в три года; он должен быть светлым разумом, если тот пожелает быть членом 20 дружинников; назначенный от комиссара, не имеет быть семейным дружинником.

Староста оставивший свое звание, сдает свое старостинское оружие, и обращается на его место.

5

Старостская Рига возмужает, как приведено в исполнении Коммиссарские приказы, и тогда же составит не за шестилетнюю воряженинскую старостинскую и по старостинским предосторожностям, а также и старостинские отряды от нее отпущены; выданы старостинские деньги на покупку ир старостинских, и старостинских через казначейство в селении выданы из старостинской для покупки каппы и выданы казначейству и Атамана.

Обязанности Атамана.

1. Атамана избирается из старостинской на три месяца, но назначенный самими Коммиссарскими комиссиями дано имение старостинскую Ригу, если он неграмотен то назначает себе писаря.

2. Через Атамана принимается отчеты с Коммиссарскими, а через писаря и в самими в о Неперапоречий Великострою, посылу Атамана избирается из селения суринского оружейников.

3. Атамана много получает приказы от Коммиссара.

25

4. Она доносит Коммиссару о делах Дружины, и не должна ни надумывать делов, а также и не должна особенно стараться за дело дружины.

5. Атамань, как в такое время и староста своим старостам, назначает себе помощника, оставив себе звание, он ездит дружины, избравшему на его место.

Обязанности казначей

1. Казначей избирается Старостею Рязанью из старост, а назначенной Коммиссаром не имеет право быть его помощником.

2. Она хранит кассу Дружины, и несет ответственность, не доверяет своим старостам ее. Она выдает деньги только старостам и Атаманю по определению Старостею Рязанью.

6.

Старосты избираются: первый (1), второй (2) и т. д., по времени своего происхождения. Выйдя при каз от Коммиссара за печатью Совета Коммиссаров, Дружина доверяет казначей как по велению самого Государя. Коммиссара доверяет Дружина величайшая власть.

Обряд Святой присяги

На Святой Присяге казначей берет клятву Дружине

приводится после поручительства двумя свидетелями
его дружественности. Монах Коммиссар имеет право
приводить к Святой присяги без поручительства.
Обряд Св. Присяги совершается так: перед иконой
Спасителя, Св. Крестомъ Св. Евангелиемъ, передъ лампа-
дой крестомъ воткнутомъ пиками или копьями, зачи-
няется восковая свѣчка. Приводимый къ Св. Присяге ста-
новится на колѣни, поднимаетъ второй и третій
персты правой руки ввысь, и ставя полагаетъ на
грудь и повторитъ слова Св. Присяги, читаемыя ста-
ростомъ или трапезничнымъ священникомъ такъ:

— Я, *Иванъ Антоновичъ Французъ* передъ иконой Спасителя
и Святымъ Евангелиемъ, Святымъ Крестомъ кня-
зя великою моею покорностью Св. Императору
и Императрице. Клянуся по чинному Государя Алек-
сандра Николаевича бороться с оружиемъ въ
рукахъ съ нашими, чинами, и свидетели
шумъ соборный именовъ Государя Александра
Николаевича врагами, побудившими нашу
Вашу, и отнявшими отъ насъ Землю, имуще-
ство наше симиими Богомъ и Государемъ Алек-
сандромъ Николаевичемъ въ войне бурной
наше побуждение, Клянуся великии моими сими

126

ми стараемся неперестанно вербовать людей въ Маи-
нуру Дружиницу. Клянусь кинуть собою Дружинниками
въ ширь и сошаси и, какъ братьевъ, поимемъ лишь
въ нуждѣ. Клянусь охранять въ стругахъ нашихъ
наше общее добро, даме на исповѣди, и кинуть и въ
товарищии Дружинниковъ не будемъ врагами
и еси замочи въ другомъ такомъ намереніи. Дока-
жи свою старость. Клянусь быть пресловобно и
поимемъ Астакъ Дружини, переходяще чрезъ Кошми-
саровъ за неясную Советна Кошмисаровъ отъ сама-
го Государя Императора Александра Нико-
лаевича. Сими поруши слово мое клятва, то при-
зываю помощь Господа Бога и Святыхъ Его
на меня и на все потомство мое, и да поразятъ
меня великія бѣды и несчастія и да не оставитъ меня рука
дружна - Дружинника Аминь.

Лосій проученіи сирь словъ приключившии чиниуть ескому,
крестъ и вѣнчаніе.

На родимомъ собианномъ Его Императорска-
го Величества рукою написано: "Битъ по селу."
Александра II.

С Петербурга
1875 г. Февраля 19 дня

Въ подлинномъ въ руко: Гасеранъ Майоръ Павловъ

МИКРОФОТОКОПИЯ

№

Ленінградський державний
історический архів УРСР

фонда 274
описи 1
ед. хр. 157

Київське губернське мажоритське
управління.
Секретна частинка.

ДЕЛО №

Заключення і приговор Київської соединенной судейской палаты по обвинению Стефановича Я.Р., Дайча Л.Т., Божановского М.В. и других лиц в создании народнической нелегальной организации в Черниговской у. "Черниговское дело."

Начато 1877г. Окончено

на 60 листах

Центральный государственный
исторический архив УССР

№

фонда 274
описи 1
ед. хр. 157

Чигиринское Дело.

Арестантское.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

По дѣлу о снѣхъ священника Яковъ Стефановичъ, рядовомъ изъ мѣщанъ Лейбъ Дейчъ и дворянинъ Иванъ Бохановскомъ, о содержащихся подъ стражей отставномъ унтеръ-офицерѣ Ефимѣ Олейникѣ, отставномъ фельдфебелѣ Иванѣ Писковомъ, отставномъ рядовомъ Наумѣ Давиденкѣ и крестьянахъ Лазарѣ Тененикѣ, Акимѣ Бельботѣ, Наумѣ Власенкѣ, Феодосіи Голубенкѣ, Дмитріѣ Гербенкѣ, Михаилѣ Гудзѣ, Іосѣ Жаданенкѣ, Никифорѣ Збаразкомъ, Леонтіѣ Кравченкѣ, Филатѣ Лещенкѣ, Николаѣ Охримонкѣ, Леонтіѣ Ореховскомъ, Евстафійѣ Писюлѣ, Василиѣ Пискуненкѣ, Кузьмѣ Прудкомъ, Михаилѣ Свитенкѣ, Іосифѣ Стрѣльченкѣ, Купріянѣ Усатомъ, Феодосіѣ Чепурномъ, Михаилѣ Шапошникѣ, Иванѣ Шипотенкѣ, Степанѣ Шутенкѣ, Федосіи Заболотномъ, Наумѣ Жирченко и находящихся на свободѣ беззачно-отпускномъ писарѣ Емельянѣ Вдовенкѣ, отставномъ унтеръ-офицерѣ Игнатіѣ Проценкѣ, отставномъ старшемъ канонирѣ Григоріѣ Хоменкѣ и крестьянахъ Макарь Артемевкѣ, Анастасіи Дайнеги, Дмитріѣ Душейскѣ, Антонѣ Кожаренкѣ, Андриянѣ Олейникѣ, Иванѣ Опищенкѣ, Евтихійѣ Петренко, Потапѣ Петренко, Антонѣ Удовицѣ, Гавриилѣ Усатомъ, Терентіѣ Цвикѣ, Демьянѣ Чередниченкѣ, Илларионѣ Шалько, Прохорѣ Щерицѣ, Александрѣ Рошинскомъ, Самсоѣ Пархоменко и Тихонѣ Притулѣ, обвиняемыхъ въ организаціи и въ принадлежности къ противузаконному тайному сообществу, образовавшемуся въ 1877 году въ средѣ крестьянъ Чигиринскаго уѣзда.

17 Іюня 1877 года Кіевскою Соединенною Палатою было разсмотрѣно уголовное дѣло состоящее изъ 53 отдѣльныхъ производствъ, по обвиненію 326 бывшихъ государственныхъ крестьянъ нѣкоторыхъ волостей Чигиринскаго уѣзда въ сопротивленіи правительственнымъ распоряженіямъ. Изъ дѣла этого видно, что со времени приведенія въ дѣйствіе Высочайшаго указа Правительствующаго Сената 16 мая 1867 г. о по-земельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ въ 9 западныхъ губерніяхъ, съ 1868 г. обнаружилась цѣлый рядъ волненій между государственными крестьянами Чигиринскаго и Черкаскаго уѣздовъ Кіевской губерніи вызвавшей нѣкоторыя правительственныя мѣропріятія и уголовныя преслѣдованія за преступленія совершенныя этими крестьянами. Въ этихъ волненіяхъ выразились въ началѣ стремленія большинства государственныхъ крестьянъ Черкаскаго и Чигиринскаго уѣздовъ къ измѣненію земельного устройства созданнаго Высочайшимъ указомъ 16 мая 1867 г. въ смыслѣ равномернаго надѣленія землею на душу мужескаго пола, при томъ въ количествѣ отъ 5 до 15 десятинъ. Такія стремленія порождены были, какъ видно, непониманіемъ крестьянами относящихся до ихъ земельного устройства законоположеній, вызваннаго быть можетъ, и не вполне ясной редакціей нѣкоторыхъ статей инструкціи 20 октября 1868 года для составленія предьявленія и утвержденія люстраціонныхъ актовъ и нелѣпнымъ слухомъ о существованіи какого-то «Царскаго указа» скрытаго чиновниками о всеобщемъ передѣлѣ земель. Лица являвшіяся вожаками движенія, отчасти вѣрившія въ правоту своихъ желаній, отчасти дѣйствовавшихъ изъ личныхъ выгодъ, поддерживали волненіе и укрѣпляли крестьянъ въ рѣшимости достигнуть своихъ требованій посредствомъ распространенія всевозможныхъ нелѣпныхъ слуховъ, неправильнаго толкованія законоположеній и распоряженій по отношенію къ люстраціоннымъ актамъ и сообщеніемъ ложныхъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ разныхъ должностныхъ лицъ принимавшихъ какое либо участіе въ исполненіи земельной люстраціи. Все это вызвало, начиная съ 1869 по 1872 г. пассивное сопротивленіе при исполненіи люстраціонныхъ работъ, и стремленія къ осуществленію своихъ мечтаній путемъ, хотя не насильственнымъ но противузаконнымъ, именно, подачей прошеній на Имя Его Императорскаго Величества Государа Императора. Встрѣтивъ на этомъ пути препятствія крестьяне произвели рядъ насильственныхъ дѣйствій противъ Членовъ сельскаго управленія, послужившихъ основаніемъ для возбужденія въ 1871 и 1872 г. уголовного преслѣдованія, изъ коихъ одно въ отношеніи главнаго вожака движенія, получившаго извѣстность въ Кіевской губерніи, Фомы Прядки, разрѣшено Кіевскою Соединенною Палатою 17 Іюня 1877 года. Послѣ этого волненія повидимому улеглись и дѣйствительно въ Черкасскомъ уѣздѣ и

нѣкоторыхъ, хотя немногихъ волостяхъ Чигиринскаго уѣзда болѣе не повторялись. Въ семи же волостяхъ Чигиринскаго уѣзда въ концѣ 1874 и началѣ 1875 г., при приведеніи въ дѣйствіе люстраціонныхъ актовъ многіе изъ крестьянъ оказали такое сопротивленіе, которое привело администрацію къ необходимости принятія чрезвычайныхъ мѣръ для установленія законнаго порядка, и послужило основаніемъ для возбужденія уголовного преслѣдованія, состоявшаго изъ 53 отдѣльныхъ производствъ, подъ общимъ названіемъ «о волненіяхъ среди государственныхъ крестьянъ нѣкоторыхъ волостей Чигиринскаго уѣзда» окончившихся приговоромъ Палаты отъ 17 Іюня 1877 г. Общій характеръ дѣйствій крестьянъ принявшихъ участіе въ этихъ послѣднихъ волненіяхъ выражаетъ стремленіе принудить правительство или оставить земельное устройство въ прежнемъ видѣ или исполнить требованіе о надѣленіи по 5 десятинъ на душу. Еще до разсмотрѣнія судомъ упомянутаго дѣла, на той же почвѣ, но въ болѣе узкихъ географическихъ границахъ, и въ этотъ разъ при содѣйствіи новаго фактора — революціонной пропаганды возникло новое преступленіе, съ болѣе опаснымъ характеромъ, послужившее предметомъ настоящаго дѣла.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1877 года старшина Шабельницкой волости Руденко, донесъ Чигиринскому Уѣздному Исправнику Панкевичу о томъ, что одинъ изъ крестьянъ с. Шабельниковъ Александръ Леухинъ во время припадковъ душевной болѣзни, въ бреду, рассказываетъ о существованіи въ средѣ крестьянъ какого-то тайнаго общества, для вступленія въ которое онъ долженъ былъ выполнить тайную присягу въ домѣ одного изъ своихъ односельцевъ Прокофія Пшиченко.

Вслѣдствіе этого сообщенія Полиція обратилась къ распросу лицъ окружавшихъ Леухина во время его болѣзни; 21 же Марта допрошенъ былъ по обстоятельствамъ донесенія Руденко оправившійся уже отъ болѣзни Александръ Леухинъ. Собранными такимъ путемъ свѣдѣніями обнаружено, что въ средѣ крестьянъ с. Шабельниковъ дѣйствительно существуетъ тайное общество — и что руководить имъ возвратившійся изъ Кіева, гдѣ былъ подъ Полицейскимъ надзоромъ за участіе въ волненіяхъ 1875 года, крестьянинъ с. Шабельниковъ, Лазарь Тененика. По словамъ Леухина, Тененика въ началѣ 1877 года ѣздилъ въ Кіевъ и привезъ оттуда съ собою Евангеліе, крестъ и подписанную Государемъ Императоромъ бумагу о томъ, что крестьяне всерѣдъ получаютъ землю по душевому надѣлу; для полученія этого надѣла необходимо составить приговоръ отъ имени 250 крестьянъ, о согласіи ихъ исполнять все то, что изложено въ привезенной Тененикою бумагѣ, на основаніи которой желающіе душеваго надѣла должны прежде всего выполнить присягу въ томъ, что будутъ хранить дѣло это въ тайнѣ, за тѣмъ обязываются избрать собственныхъ своихъ урядниковъ и заготовлять пики и топоры; многіе изъ крестьянъ с. Шабельниковъ уже вступили въ составляемое такимъ путемъ общество и даже избрали себѣ особыхъ начальниковъ.

Но такъ какъ вступившіе въ общество крестьяне давали присягу въ томъ, что будутъ хранить все узнаваемое въ тайнѣ, то и не представлялось долго возможности получить точныхъ свѣдѣній о существѣ организациі тайнаго общества, хотя при этомъ старшинѣ Руденкѣ при производствѣ обысковъ у крестьянъ с. Шабельниковъ удалось найти два списка: одинъ у Акимъ Бальбота съ обозначеніемъ 25 человекъ, замѣченныхъ въ прежнихъ беспорядкахъ, а другой — у Ефима Олейника, отставнаго унтеръ-офицера — съ указаніемъ трехъ другихъ мѣстныхъ крестьянъ и при этомъ у послѣдняго отыскано евангеліе и деревянный крестъ. И только мало по малу стало обнаруживаться, что нѣкоторые изъ наиболее дѣятельныхъ членовъ организующагося общества приглашаютъ другихъ къ вступленію въ оное; такимъ образомъ выяснилось, что крестьяне с. Кожаровъ Іосифъ Шивенко, Федоръ Гумнаренько и Никита Тимашенко обращались къ нѣкоторымъ изъ своихъ односельцевъ съ предложеніемъ вступить въ общество и что равноестными дѣятелями по с. Мордвѣ и д. Погорѣльцамъ являются отставной фельдфебель Иванъ Писковій, крестьяне Степанъ Шутенко и Феодосій Чапуриный. Первые трое немедленно были задержаны, а остальные скрылись и къ розыску ихъ приняты были энергическія мѣры. Вслѣдствіе принятыхъ Полиціею дѣйствій 6 Іюля 1877 года были задержаны старшиною и писаремъ Липовской волости Чигиринскаго уѣзда въ г. Новогоріевскѣ, принадлежащемъ къ ж. Крылову Чигиринскаго уѣзда, крестьянинъ д. Погорѣлецъ Шабельницкой волости Степанъ Шутенко и отставной фельдфебель, житель с. Мордвы той же волости, Иванъ Писковій вмѣстѣ съ крестьянами с. Адамовки Чигиринскаго уѣзда Карномъ и Иваномъ Приходьками. По обыскѣ задержанныхъ у Карла Приходько найдены были списки «именъ и прозваній присяжныхъ и ихъ поручителей» по с. Ада-

присягу отъ Иллариона Шалько, растлеившаго, какъ видно, крестьянамъ истинный смыслъ и назначеніе присяги и кромѣ того оно не согласно съ послѣдующею дѣятельностью Артеменка, направленной къ развитію дѣйствительныхъ цѣлей противозаконнаго сообщества. По собственному вознанію Макара Артеменко, онъ послѣ присяги получилъ отъ Шалько печатанный листокъ присяги и въ домахъ Леонтія Оржеховскаго и Демьяна Чередниченка обвиняемый привелъ къ присягѣ многихъ своихъ односельцевъ; на первой сходкѣ у Леонтія Оржеховскаго обвиняемый въ числѣ другихъ просилъ Ивана Шипотенка младшаго, отправиться въ с. Сагуновку Черкаскаго уѣзда и привести оттуда крестьянъ для привода ихъ къ присягѣ; Шипотенко дѣйствительно на слѣдующую сходку явился съ пятью Сагуновскими крестьянами и все они за исключеніемъ Кузьмы Вьюнника, выполнили присягу; наконецъ онъ Артеменко, точно старался вербовать дружинниковъ, будучи избравъ старостой, но несправедливо показавъ крестьянъ, что будто онъ говорилъ о необходимости заготовленія пики. Независимо отъ изложеннаго допрошенные при дознаніи, мѣстные крестьяне Андронъ Хропало, Романъ Тимошенко, Мойсей Мокріенко, Демидъ Ткаченко и Петръ Шипотенко показали, что Макаръ Артеменко представшихъ внеслъ въ особые списки и что при этомъ онъ утверждалъ, что въ Царской бумагѣ говорится о необходимости для каждаго имѣть оубую пику и хранить настоящее дѣло въ тайнѣ. На основаніи всѣхъ указанныхъ данныхъ представляется полное основаніе признать Макара Артеменка главнымъ дѣятелемъ сообщества «Тайная Дружина».

Крестьянинъ д. Топиловки Леонтій Оржеховскій призналъ себя виновнымъ только въ томъ, что выполнилъ отъ Макара Артеменка присягу, но съ какою цѣлью онъ не знаетъ, а при этомъ объяснилъ, что ему совершенно неизвѣстно, образовалось-ли между крестьянами какое либо тайное сообщество и что у него въ домѣ никакихъ сходовъ не собиралось, а также къ нему Михайлъ Гудзь читать уставъ вовсе не прѣзжалъ. Показаніе это Оржеховскаго вполне противорѣчитъ обстоятельствамъ дознанія и слѣдствія. Самъ обвиняемый при дознаніи, вызванный изъ тюремнаго замка разсказать правду, изложилъ, что онъ принялъ присягу отъ Макара Артеменка, утверждавшаго, что присягавшимъ будетъ предоставлена «на души» отобранная у помещиковъ земля, которую они получаютъ отъ Цари и что у нихъ со временемъ будутъ пики; въ хатѣ обвиняемаго три вечера собирались крестьяне и приводились къ присягѣ Макаромъ Артеменкомъ, который еще говорилъ о необходимости хранить настоящее дѣло въ тайнѣ, такъ какъ тотъ лишится жизни, кто откроетъ узванное. Спрошенные на томъ же дознаніи крестьяне Андронъ Хропало, Романъ Тимошенко, Бирилло Ладинъ, Мойсей Мокріенко, Демидъ Ткаченко и Петръ Шипотенко пояснили, что крестьяне д. Топиловки принимали присягу отъ Макара Артеменка въ домѣ Леонтія Оржеховскаго, что Михайлъ Гудзь прѣзжалъ въ тотъ же домъ Оржеховскаго читать уставъ «Тайная Дружина» и говорилъ о необходимости готовить пики и избрать атамана въ случаѣ дружина достигнетъ 500 человекъ и что Леонтій Оржеховскій убѣждалъ присягать, утверждая, что получена отъ Цари бумага о выдачѣ каждому крестьянину по 15 десятинъ земли и объ избавленіи каждаго присягавшаго отъ платежа податей. При слѣдствіи, Михайлъ Гудзь показалъ, что онъ прѣзжалъ въ д. Топиловку и въ пустой хатѣ Оржеховскаго въ присутствіи сего послѣдняго читалъ уставъ собравшимся крестьянамъ; Макаръ Артеменко утвердилъ, что онъ въ домѣ Леонтія Оржеховскаго съ его вѣдомъ приводилъ своихъ односельцевъ къ присягѣ и присяжный свидѣтель Михайлъ Дында объяснилъ, что въ домѣ Оржеховскаго собирались сходы крестьянъ «записываться по Царскому указу». Такимъ образомъ изъ предыдущаго усматривается, что Леонтій Оржеховскій, принявъ присягу на вступленіе въ тайное сообщество, предоставилъ за тѣмъ свой домъ Макару Артеменку для привода другихъ крестьянъ къ той же присяги, что самъ онъ приглашалъ односельцевъ вступитъ въ сообщество, свѣлаясь на полученную будто бы отъ Цари бумагу и что наконецъ онъ далъ возможность въ своемъ домѣ Михайлу Гудзю устроить преступную сходку, на которой Топиловскіе крестьяне въ первый разъ услышали чтеніе устава. Означенныя данныя, указывая на активное участіе Оржеховскаго въ дѣлахъ сообщества, вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ полное основаніе заключить, что обвиняемому были извѣстны противозаконныя стремленія этого сообщества, такъ какъ еще кромѣ того въ его домѣ неоднократно читался текстъ присяги и онъ также слушалъ чтеніе устава и преступныя разьяненія Михаила Гудзя. По этому Леонтій Оржеховскій подлежитъ отвѣтственности какъ главный дѣятель сообщества «Тайная дружина».

Крестьянинъ д. Топиловки Демьянъ Чередниченко вполне отвергнулъ великое свое участіе въ тайномъ сообществѣ и объяснилъ, что если въ его пустой хатѣ и собирались крестьяне, то это могло произойти

36.

37.

58

*Михайло Гудзь
свѣдѣтель
ахеева, 1888
свѣдѣтель
наказаніе
Май, 1888
Май, 1888
Май, 1888*

совершенно безъ его участія, такъ какъ онъ всегда ночью, занимаясь рыболовствомъ, отправляется къ рѣкѣ Днѣпру. Дознаніемъ и слѣдствіемъ вполне установлено, что въ домѣ Демьяна Чередниченка Макарь Артеменко приводилъ крестьянъ къ присягѣ и что въ томъ же домѣ по предложенію Михаила Гудзя состоялось избраніе старостъ по д. Топиловкѣ; при этомъ Макарь Артеменко добавилъ, что Чередниченко, когда къ нему однажды стали собираться крестьяне, вышелъ изъ своей нежилой хаты и оставался нѣкоторое время на дворѣ. Но принимая во вниманіе, что формальнымъ слѣдствіемъ недоказано принятіе со стороны Чередниченка присяги на зступленіе въ тайное сообщество и не обнаружено данныхъ, уличающихъ обвиняемаго въ допущеніи въ своемъ домѣ собраній сообщества, завѣдомо ему противузаконнаго, Демьянъ Чередниченко, вѣдствіе этого за недостаткомъ доказательствъ не можетъ по настоящему дѣлу подлежать обвиненію.

38.

Крестьянинъ Иванъ Шипотенко младшій, вопреки своему при дознаніи объясненію, рѣшительно отвергнулъ принятіе тайной присяги и всякое свое участіе въ дѣлахъ сообщества. Однако при дознаніи Шипотенко изложилъ, что въ пустой хатѣ Леонтія Оржеховскаго онъ въ числѣ другихъ принялъ тайную присягу отъ прибывшаго Михаила Гудзя; послѣ этого обвиняемый отправился въ соседнее селеніе Сагуновку Черкаскаго уѣзда къ родственнику своему Николаю Вьюннику и его, а также тамошнихъ крестьянъ Ивана Молеваннаго, Ивана Евтушенка и отставнаго рядоваго Кузьму Вьюнника привелъ на слѣдующую сходку къ Леонтію Оржеховскому. Допрошенный Николай Вьюнникъ отзывался, что 28 августа къ нему изъ Топиловки пришелъ Иванъ Шипотенко и совѣтывалъ собрать у себя односельцевъ, такъ какъ онъ принесъ бумагу, тайно полученную отъ Царя; на другой день, по приглашенію того же Шипотенка, показатель, Иванъ Молеванный, Иванъ Евтушенко и Кузьма Вьюнникъ по этому поводу отправились въ Топиловку, гдѣ въ пустой хатѣ Леонтія Оржеховскаго, все они, за исключеніемъ Кузьмы Вьюнника, приняли тайную присягу; Кузьма же Вьюнникъ рѣшительно отъ присяги отказался и бѣжалъ изъ хаты; въ то же время Иванъ Шипотенко и другіе Топиловскіе крестьяне убѣждали его, Николая Вьюнника, созывать односельцевъ для присяги, обѣщая передать за тѣмъ царскія бумаги въ с. Сагуновку. Кромѣ того на томъ же дознаніи крестьяне Михаилъ Тымченко и Прокофій Тымченко показали: первый—что онъ присягалъ вмѣстѣ съ Иваномъ Шипотенкомъ и второй—что Иванъ Шипотенко приглашалъ его выполнить присягу у Макара Артеменка. При слѣдствіи Макарь Артеменко пояснилъ, что на первой сходкѣ у Леонтія Оржеховскаго онъ въ числѣ другихъ просилъ Ивана Шипотенка отправиться въ с. Сагуновку Черкаскаго уѣзда и привести оттуда крестьянъ для привода ихъ къ присягѣ; Шипотенко дѣйствительно на слѣдующую сходку явился съ пятью Сагуновскими крестьянами и все они выполнили присягу, за исключеніемъ Кузьмы Вьюнника, который отъ таковой отказался. Крестьяне с. Сагуновки Ефимъ Компаніецъ, Алексѣй Цанадой, Петръ Вьюнникъ и Иванъ Цанадой послѣ присяги объявили, что въ концѣ августа 1877 года пришелъ къ нимъ въ с. Сагуновку крестьянинъ Иванъ Шипотенко и упрямивалъ, сталъ приглашать свидѣтелей на слѣдующій день вечеромъ придти въ клуню односельца Николая Вьюнника и выслушать тамъ чтеніе полученныхъ царскихъ бумагъ; но все они, предполагая недоброе въ сказанномъ предложеніи Шипотенка, отъ повѣднлаго отказались и на сходку къ Николаю Вьюннику не пошли; дѣйствительно нѣкоторые изъ нихъ слышали, что въ д. Топиловкѣ крестьяне принимаютъ присягу для отобранія у помещиковъ земель и что ихъ односельцы Николай Вьюнникъ, Иванъ Евтушенко, Иванъ Маглевацкий и Кузьма Вьюнникъ для этой цѣли ходили въ названную деревню. Совокупность изложенныхъ обстоятельствъ, а также высказанное обвиняемымъ упорное его заперательство на формальномъ допросѣ и при очныхъ ставкахъ съ лицами его избличавшими въ преступленіи,— вполне доказываютъ, что Шипотенко вступилъ въ образовавшееся противузаконное тайное сообщество съ знаніемъ истинныхъ его цѣлей и своимъ преступнымъ содѣйствіемъ достигъ распространеніе этого сообщества за предѣлы Чигиринскаго уѣзда въ с. Сагуновкѣ соседняго Черкаскаго уѣзда; а потому Иванъ Шипотенко младшій, подлежитъ отвѣтственности какъ главный дѣятель сообщества «Тайная Дружина».

39.

Крестьянинъ с. Субботова Потанъ Петренко собственнымъ своимъ сознаніемъ, согласнымъ съ данными формальнаго слѣдствія, уличается какъ главный дѣятель сообщества «Тайная Дружина», а также въ томъ—что для достиженія цѣлей этого сообщества онъ употреблялъ копію подложнаго, будто бы за подписаніемъ Государя Императора устава крестьянскаго общества «Тайная Дружина». При этомъ изъ гѣлаоказывается, что Потанъ Петренко не только совершилъ указанное преступное дѣяніе въ несовершеннолѣтнемъ возрастѣ и учинилъ полное чистосердечное признаніе въ своемъ преступленіи съ указаніемъ всехъ своихъ сообщ-

никовъ, но сверхъ того, доставленіемъ вѣрныхъ въ свое время свидѣній содѣйствовать успѣшному ходу дознанія, которое успѣло предупредить развитіе тайнаго общества, угрожавшаго опасностію не только въ с. Субботовѣ, но и въ другихъ мѣстахъ Чигиринскаго уѣзда. Вѣдѣствіе этого представляется законное основаніе для суда постановить заключеніе о томъ, что Потапъ Петренко за совершенное имъ преступленіе заслуживаетъ облегченіе участи въ размѣрѣ, выходящемъ изъ предѣловъ судебной власти.

Крестьянинъ с. Субботова *Евтропій Петренко* призналъ себя виновнымъ въ томъ, что отъ Ивана Писковаго передъ евангеліемъ, крестомъ, иконой и друми сложенными на крестъ ножами принялъ присягу на вѣрность Богу и Царю и поступилъ въ тайное общество съ тѣмъ, чтобы земля была раздѣлена по 5 десятинъ на душу, но при этомъ онъ вовсе не думалъ подавать какого либо прошенія по этому поводу или возстать противъ властей, Правительствомъ установленныхъ. Далѣе на допросѣ Евтропій Петренко объявилъ, что въ указанное время Иванъ Писковой, прочитавъ уставъ, снялъ съ него копію и вручилъ таковую брату Потапу, который дѣйствительно въ ихъ домѣ сталъ приводить къ присягѣ Субботовскихъ крестьянъ и обвиняемый для этой цѣли пригласилъ нѣсколько своихъ односельцевъ, выполнившихъ за тѣмъ требуемую присягу; онъ кромѣ того три раза былъ на сходкахъ у крестьянина д. Разошинецъ Александра Рошинскаго и до своего ареста ему было извѣстно, что у Сергѣя Моргуна хранится уставъ, переданный послѣднему Потапомъ Петренко. Описанное показаніе Евтропія Петренка не можетъ считаться уважительнымъ только въ отношеніи цѣли, ради которой по его словамъ онъ принялъ присягу и вступилъ въ тайное общество, такъ какъ, во первыхъ, цѣль эта, указанная Евтропіемъ Петренко, крайне неопредѣлена и не имѣетъ точнаго содержанія, во второй, повторилъ за Иваномъ Писковымъ слова присяги, слушая чтеніе устава и разъясненія Ивана Писковаго, объявлявшаго крестьянамъ стремленія общества въ истинномъ ихъ смыслѣ, Евтропій Петренко не могъ не знать дѣйствительныхъ цѣлей тайнаго общества, на вступленіе въ которое онъ выполнилъ присягу, соблюдая всѣ требующія уставомъ формальности и въ третьихъ, несовершеннолѣтній братъ обвиняемаго Потапъ, принявъ присягу при тѣхъ же условіяхъ, усвоилъ себѣ однако вполнѣ назначеніе «тайной дружины» и съ этимъ своимъ братомъ онъ былъ связанъ впоследствии по дѣламъ общества, участвуя съ нимъ въ развитіи этого преступленія въ с. Субботовѣ. Такимъ образомъ, напротивъ того, слѣдуетъ признать положительно доказаннымъ вступленіе Евтропія Петренка въ противозаконное общество съ знаніемъ настоящихъ его цѣлей и въ виду стараній обвиняемаго вербовать новыхъ членовъ дружины и неоднократнаго посѣщенія имъ преступныхъ сходокъ, онъ, Евтропій Петренко, подлежитъ ответственности какъ главный дѣятель общества «тайная дружина».

Крестьянинъ с. Тарасовки *Иванъ Онищенко* не призналъ себя виновнымъ, ни въ принадлежности къ тайному обществу, ни въ принятіи особой по этому поводу присяги и объявилъ что 14 августа 1877 года, поздно вечеромъ, Лука Куксенко позвалъ его въ свой домъ, гдѣ онъ встрѣтилъ семь другихъ своихъ односельцевъ и крестьянина с. Адамовки Андріана Олейника; послѣдній предъявилъ печатанный уставъ общества «тайная дружина», но прочитавъ таковой, обвиняемый заявилъ, что настоящее дѣло нехорошее, такъ какъ по уставу этому нужно отнимать земли отъ помѣщиковъ и что если такова дѣйствительно воля Государя Императора, то она была бы объявлена черезъ начальство, а не хранилось бы въ тайнѣ; почему, не смотря на убѣжденія Андріана Олейника, онъ однако не рѣшился прочесть присяги и крестьяне ограничились тогда простымъ цѣлованіемъ иконы, послѣ чего, въ виду настояній того же Андріана Олейника онъ внесъ только всѣхъ присутствующихъ въ особый списокъ, передавъ его послѣднему. При дознаніи спрошенный крестьянинъ Лука Куксенко изложилъ, что на собранной въ домѣ его отца сходкѣ Андріанъ Олейникъ передалъ грамотному Ивану Онищенкѣ печатанныя царскія бумаги, послѣ чего всѣ присутствующіе выполнили требуемую присягу, ставъ на колѣни и повторяя слова клятвы за Иваномъ Онищенко. Нѣкоторые же другіе крестьяне с. Тарасовки—Степанъ Олейникъ, Тимофей Кравченко и Климы Коробка—по тѣмъ же обстоятельствомъ показали при дознаніи иначе въ томъ, что всѣ они въ то время особой присяги не принимали, а поцѣловали лишь только икону. При слѣдствіи Андріанъ Олейникъ отозвался, что Иванъ Онищенко, прочитавъ уставъ, одобрилъ это дѣло и привелъ тогда же къ присягѣ человѣкъ шесть своихъ односельцевъ, а присяжный свидѣтель Антонъ Пивненко пояснилъ, что ему Онищенко взнавался, что онъ принялъ присягу и поступилъ въ число членовъ тайнаго общества. Всѣ означенныя данныя, заключающія въ дознаніи существенныя противорѣчія, при несознаніи обвиняемаго, не даютъ точныхъ указаній о томъ, дѣй-

ствительно ли Ивановъ Онищенкою была вынуждена тайная присяга, а также эти данныя не выясняютъ особой дѣятельности Онищенко, которая прямо уличала бы его въ завѣдомой принадлежности къ противузаконному сообществу. Почему Ивановъ Онищенко, за недостаткомъ доказательствъ не можетъ подлежать отвѣтственности по настоящему дѣлу.

42. Безрочно-отпускной писарь Емельянъ Вдовенко не призналъ себя виновнымъ въ принадлежности къ тайному сообществу. Поводомъ къ привлеченію Вдовенка къ слѣдствію послужило заявленіе при дознаніи крестьянина Петра Баса, о томъ что Емельянъ Вдовенко, находясь въ октябрѣ 1877 года въ г. Черкаскахъ, сообщилъ Басу о готовившемся бунтѣ между крестьянами Чигиринскаго уѣзда и прислалъ его принять въ таковомъ участіе, обѣщая большія выгоды. На формальномъ допросѣ Петръ Басъ подѣ присягою вполне подтвердилъ свое заявленіе; однако дальнѣйшее производство слѣдствія не только не указало послѣдующихъ уликъ противъ Емельяна Вдовенка, но изъ присяжнаго показанія Захара Вдовенка обнаружилась обстоятельство подтверждающія возраженіе обвиняемаго, что Петръ Басъ сдѣлалъ свой доносъ, руководствуясь лично къ нему враждою. Вслѣдствіе этого Емельянъ Вдовенко, за отсутствіемъ положительныхъ доказательствъ не можетъ подлежать обвиненію по разбираемому дѣлу.

Кромѣ того, возбужденное судебное преслѣдованіе противъ крестьянина в. Шабельникъ Самсона Пархоменка (онъ же Душейко) и крестьянина д. Разсошинецъ Александра Ронинскаго (онъ же Москальченко) за смертію ихъ подлежитъ прекращенію; сужденіе же о виновности сына священника Якова Стефановича, дворянина Ивана Бохановскаго и рядоваго Лейбы Дѣйча, обѣжавшихъ изъ-подъ стражи, должно быть пріостановлено до розыска послѣднихъ.

На основаніи описанныхъ данныхъ и руководствуясь 352, 358, 359, 361, 363, 364, 365, 371, 376 и 378 ст. 2 кн. XV тома Свода Законовъ я полагаю-бы, *во-первыхъ*, отставнаго унтеръ-офицера Евфима Алексѣева Олейника 44 лѣтъ, отставнаго фельдфебеля Ивана Иванова Писковаго 45 лѣтъ, крестьянъ Чигиринскаго уѣзда Лазаря Аврамова Тевенику 48 лѣтъ, Евстафія Петрова Пейоду 27 лѣтъ, Никифора Иванова Збаражскаго 43 лѣтъ и Михаила Степанова Гудзя 41 года признать виновными въ преступленіи, предусмотрѣнныхъ 152, первую частью 291, 117, 1 и 2 пунктами 318 ст. Уложенія о Наказ.; *во-вторыхъ*, крестьянъ того-же уѣзда Антона Семенова Комаренка 37 лѣтъ, Акима Григорьева Вольбота 34 лѣтъ, Михаила Константинова Свитенка (онъ-же Ляшенко) 33 лѣтъ, Іосифа Каленникова Стрѣльчевка 48 лѣтъ, Наума Григорьева Власенка 42 лѣтъ, Дмитрія Спиридонова Горбенка 41 года, Іону Кириллова Жаданенка (онъ-же Гущенко) 33 лѣтъ, Кузьму Иванова Прудкаго 38 лѣтъ, Наума Фёдорова Мирченка 30 лѣтъ, Филата Макарова Лешенка 27 лѣтъ, Гавріила Варсоломѣева Усатаго 49 лѣтъ, Кириака Яковлева Усатаго 50 лѣтъ, Феофанія Анисимова Чепурнаго 42 лѣтъ, Степана Карпова Шутенка 44 лѣтъ, Антона Кузьмина Удовциу 59 лѣтъ, Терентія Филиппова Цвика 37 лѣтъ, Николая Ефремова Охрименка 46 лѣтъ, Михаила Алексѣева Шапошника 50 лѣтъ, Феофанія Авксентіева Голубенка (онъ-же Вольвоченко) 31 года, Леонтія Васильева Кравченка 23 лѣтъ, Феофанія Федорова Заболотнаго 29 лѣтъ, Прохора Степанова Щерциу 50 лѣтъ, Дмитрія Никитина Душейка 36 лѣтъ, Макара Исидорова Артеменка 21 года, Леонтія Филиппова Оржеховскаго 30 лѣтъ, Ивана Игнатова Шипотенка младшаго, 36 лѣтъ, Евтропія Кондратьева Петренка 27 лѣтъ и отставнаго рядоваго Василія Давидова Пискуненка 43 лѣтъ признать виновными въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 117, 1 и 2 пунктами 318 ст. Уложенія о наказаніяхъ и въ отношеніи Дмитрія Горбенка постановить приговоръ по правиламъ о совокупности преступленій, принявъ во вниманіе состоявшійся о немъ 17 іюня 1877 года приговоръ Палаты; *въ-третьихъ*, крестьянъ того-же уѣзда Андриана Патрикѣева Олейника 45 лѣтъ, Потапа Кондратова Петренка 17 лѣтъ и отставнаго унтеръ-офицера Ипатія Семенова Проценка 35 лѣтъ признать виновными въ преступленіяхъ предусмотрѣнныхъ 152, первую частью 291, 117, 1 и 2 пунктами 318 ст. Уложенія о наказ. и о смягченіи имъ наказанія поступить согласно 1 и 2 пунктовъ 153 и примѣчанія къ 154 ст. того-же Уложенія; *въ-четвертыхъ*, крестьянъ того-же уѣзда Иллариона Захарова Шалько 25 лѣтъ, Тихона Григорьева Пругулу 56 лѣтъ и отставнаго старшаго канонира Григорія Данилова Хоменка 49 лѣтъ признать виновными въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 117, 1 и 2 пунктами 318 Улож. о наказ. и примѣнить въ видахъ особаго смягченія имъ наказанія 1 и 2 пункты 153 и примѣчанія къ 154 ст. того-же Уложенія; *въ-пятыхъ*, крестьянина того-же уѣзда Анастасія Петрова Дейперу 50 лѣтъ признать виновнымъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 8-ю

частью 318 и последнюю частью 341 ст. Уложения о наказ.; *въ-шестыхъ*, оставнаго рядоваго Наума Корнѣева Давиденка 32 лѣтъ согласно 348 ст. 2 кн. XV тома Св. Зак., по обвиненію его въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 318 ст. Уложения, оставить въ сильномъ подозрѣніи; *въ-седьмыхъ*, крестьянъ Чигиринскаго уѣзда Демьяна Семенова Чередниченка, Ивана Степанова Опищенко и беззрочно-отпущеннаго писаря Емельяна Корнѣева Вдованка по обвиненію ихъ въ томъ-же преступленіи, въ виду 339 и 346 ст. 2 кн. XV тома Св. Зак., оставить отъ суда свободнымъ и привести въ исполненіе относительно Вдованка приговоръ Палаты отъ 30 сентября 1877 года; *въ-восьмыхъ*, судебное преслѣдованіе противъ крестьянъ Чигиринскаго уѣзда Самсона Аврамова Пархоменка (опъ-же Душейко) и Александра Андреева Рошинскаго (опъ-же Москальченко) на основ. 1 пункт. 16 Уст. Угол. Судопр. и 1 пункт. 155 ст. Уложения прекратить и *въ-десятыхъ*, въ обсужденіе виновности сына священника Якова Васильева Стефановича, рядоваго Льва Гершкова Дейча и дворянина Ивана Васильева Бохановскаго въ преступленіяхъ предусмотрѣнныхъ 291 и 318 ст. Улож. о Наказ. цифръ не входить и слѣдствіе въ отношеніи ихъ приостановить впродъ до розыска обвиняемыхъ.

Товарищъ Прокурора С. Нордштейнъ.

44
44
46
49
40

44 { 1. 40. Остатокъ -
1. 40. Давиденко
1. 40. Писарь -
1. 40. Каминко
1. 40. Вдованко } 5.

44
48
3 5/8
45
2 1/2
43
1 Ковалевъ

44
48
2 1/2
45
3 5/8
48

36 1/2
7 1/2
43